

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Детская проза Исая Рахтанова

основная образовательная программа магистратуры
по направлению подготовки 45.04.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Русская литература»

очной формы обучения

Ло Лань

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. Гуськов Н. А.

Рецензент:

д.ф.н., ст. науч. сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Маслинская С. Г.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. И. А. РАХТАНОВ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	11
1.1. Первые попытки творчество	11
1.2. Рахтанов и «Академия Маршака»	16
1.3. Поездки и очерки. Журналистская деятельность.....	19
1.4. Московский период.....	24
1.4.1. Обзор детской прозы Рахтанова	28
ГЛАВА 2. ГЛАВА II. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ «ЧИН-ЧИН-ЧАЙНАМЕН И БОННИ СИДНЕЙ». ИЗМЕНЕНИЯ СЮЖЕТНОГО ПЛАНА	35
2.1. Изменения в экспозиции	36
2.2. Изменения в завязке.....	39
2.3. Изменения в развитии действия	40
2.4. Изменения в кульминации	48
2.5. Изменения в развязке	55
2.6. Изменения в эпилоге	64
2.7. Вывод.....	67
ГЛАВА III. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ «ЧИН-ЧИН- ЧАЙНАМЕН И БОННИ СИДНЕЙ». ИЗМЕНЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРАВКА	69
3.1. Идейные изменения	69
3.2. Изменения в описании психологического состояние героев.....	83

3.3. Изменения, связанные с бытовыми реалиями	95
3.4. Стилистические правки	102
3.5. Вывод.....	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	112
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ .	114
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	121

ВВЕДЕНИЕ

В первой трети XX в. в связи с общественной ситуацией в России возникло стремление к формированию нового человека, и потому проблема воспитания приобрела особое значение. Вместе с тем, усилился интерес к детству и психологии ребенка. В результате начинает интенсивно развиваться детская литература.

В этой обстановке возникла целая плеяда молодых авторов, многие из которых работали в ленинградском детском отделе Госиздата под руководством С. Я. Маршака. Большинство из этих писателей широко известны, а их произведениям посвящают значительное количество критических и научных работ. Наряду с ними были и другие, не менее талантливые, отнесенные, однако, к писателям второго ряда, и их творчество малоизучено. К таким авторам принадлежит Исай Аркадьевич Рахтанов.

Среди работ, рассматривающих творчество писателя, существует только одна специальная критическая статья, посвященная обзору его произведений, и ряд рецензий на отдельные тексты: на путевой очерк «Кукисвумчерр» (1932)¹, на исторический рассказ «Амангельды Иманов» (1938)², на документальную повесть «Потомки Маклая» (1954)³; на сборник «Пестрая книга» (1967)⁴. В научных работах также упомянуты только

---

¹ См.: 1) *Ильин С.* [Рец. на кн.: Рахтанов И.А. Кукисвумчерр. М.: Огиз–Мол. гвардия, 1932.] // *Детская и юношеская литература.* 1933. № 5. С. 32–33; 2) *Долмат.* Страна открытий: О книге И. Рахтанова «Кукисвумчерр», ОГИЗ, «Молодая гвардия», 1933 г. // *Пионерская правда.* 1933. 23 мар. № 28. С. 2.

² См.: 1) *Хелемский Я.* О «маленькой исторической библиотеке» // *Пионерская правда.* 1939. 16 янв. № 8. С. 3; 2) *В. Л.* «Амангельды Иманов» // *Литературное обозрение.* 1939. № 2. С. 44; 3) *Шильдкрот З.* Книга о герое казахского народа // *Книжные новости.* 1938. № 11. С. 35.

³ См.: 1) *Милхайлов Р.* Два решения // *Звезда.* 1955. № 3. С. 166–168; 2) *Новикова Ю.* Повесть, которая требует продолжения // *Пионер.* 1954. № 8. С. 71–72; 3) *Юкельсон И.* Повесть о юном исследователе // *Учительская газета.* 1954. 2 окт. № 79. С. 4.

⁴ См.: 1) *Алексин А.* Яркость «Перстой книги» // *Литературная газета.* 1968. 23 окт. С. 5; 2) *Савченко Г.* Денис Ощепков и другие сильные люди // *Семья и школа.* 1968. № 3.

отдельные произведения писателя. Например, в книге «Полвека» И. Лупановой очерк «Кукисвумчерр» назван одним из «талантливых произведений»⁵, изображающих социалистическое строительство; отмечена также первая детская повесть Рахтанова, в которой по мнению автора нарисована «достоверная и впечатляющая картина жизни американской школы, созданной в Китае»⁶. Однако приведенное название не соответствует тому, под которым произведение вышло в 1931 г. Это связано с тем, что у повести есть две редакции, которые называются по-разному.⁷ Вслед за этим, сам писатель наряду с Бенямином Абрамовичем Ивантером, Л. Пантелеевым, Львом Абрамовичем Кассилем и др., упомянут как «воспитатель “краснозвездной крепкой гвардии”»⁸.

Критик С. Сивоконь в статье «Утренний талант»⁹, представляя Рахтанова человеком, любящим необыкновенное и готовым всему удивляться, показывает, как такое стремление проявляется в творениях писателя. Автор статьи последовательно проходит от периода раннего творчества Рахтанова к позднему и выделяет характерные для писателя черты: ироничность; экзотика, обнаруживаемая в некоторых случаях на уровне сюжета, а в некоторых – на уровне деталей. При этом наиболее значительным направлением в работе Рахтанова, по мнению С. Сивоконь, являются спортивные очерки и рассказы. «Именно драматизм и психологизм рахтановских очерков о спорте, великолепное знание законов спортивной борьбы сохранили их ценность для нашего времени»¹⁰. Наряду с ними критик

С. 44; 3) *Сивоконь С.* [Рец. на кн.: Рахтанова И.А. Пестрая книга. М.: Дет. лит., 1967.] // Новый мир. 1968. № 1. С. 279–280.

⁵ *Лупанова И. П.* Полвека: советская детская литература. 1917–1967: очерки. М.: Детская литература, 1969. С. 166.

⁶ Там же. С. 267.

⁷ Подробно вопрос будет рассматриваться во второй главе данной работы.

⁸ Там же. С. 309.

⁹ *Сивоконь С.* Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова // Детская литература. 1967. М.: Детгиз, 1968. С. 201–214.

¹⁰ Там же. С. 209.

выделяет приключенческую новеллу и считает произведения этих двух жанров наиболее удачными в творчестве писателя.

Сочинения Рахтанова, адресованные преимущественно детям, весьма разнообразны как по жанру, так и по теме: исторические и документальные повести, рассказы, путевые, спортивные и портретные очерки. В своих книгах автор затрагивает такие темы как интернационализм, юношескую психологию, значимость спорта, стремление к естественным и гуманитарным наукам, восхищение природой и трудом людей. Многие из них актуальны и в современном обществе, а также важны для воспитания новых поколений. В то же время наличие в творчестве экзотических элементов, разнообразия деталей, иронии и юмора делает тексты достаточно привлекательными для юной аудитории, а также смягчают дидактичность и поучительность произведений. Примечательно то, что последняя детская повесть Рахтанова «Потомки Маклая» спустя 3 года после первого издания была переведена на китайский язык и выпущена в Китае. Таким образом, изучение произведений Рахтанова представляет собой интерес.

В данный момент отсутствует подробная биография Рахтанова, что не позволяет всесторонне исследовать художественный мир писателя, а отдельные факты жизни, приведенные в имеющихся источниках, обладают неточностями или оказываются недостоверными.

В библиографическом словаре «Советские детские писатели»¹¹ приведенные об авторе сведения охватывают только небольшой период его жизни. Кроме того, в словарной статье имеется неточность в описании первого детского произведения писателя – повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней»: информация о том, что школа-пансион была создана американскими миссионерами для детей русских белоэмигрантов, в тексте повести не указывается, это элемент биографии самого Рахтанова.

---

¹¹ *Витман А. М., Оськина Л. Г.* Советские детские писатели: биобиблиогр. словарь (1917–1957). М.: Детгиз, 1961. С. 316–317.

В анализе первой детской повести писателя С. Сивоконь искажает факт из биографии Рахтанова, указывая, что тот учился в школе, расположенной в Циндао.¹² Фактически же школа находилась в Шанхае.

Возникает также текстологическая проблема творчества автора. Первая повесть Рахтанова, принесшая ему успех, в общей сложности выходила дважды: в 1931 г. и 1958 г. Эти редакции, хотя и существенно отличаются, не сопоставлялись между собой. Несмотря на то, что проблема о сравнении двух редакций произведения уже была упомянута в статье С. Сивоконь, который заметил, что «различия меж ними существенны и почти все – на пользу книге»¹³, полноценный анализ данной проблемы не проводился. Поэтому канонический текст одного из самых известных произведений Рахтанова не существует, что препятствует изучению его поэтики и проблематики.

Цель работы – рассмотреть особенности детской прозы Рахтанова с последующим анализом. Для достижения данной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) составить биографию И. А. Рахтанова, сведя воедино максимальное количество известных о нем фактов;
- 2) проследить творческий путь писателя, дать обзор его детской прозы;
- 3) провести текстологический анализ двух редакций повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней» для решения проблемы основного текста;
- 4) прокомментировать наиболее важные бытовые реалии, обусловившие переработки в повести;
- 5) объяснить причины, приведшие к изменениям во второй редакции произведения, для осмысления первоначального авторского замысла и формальных и идейных особенностей прозы Рахтанова;

---

¹² См.: Сивоконь С. Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова. С. 204.

¹³ Там же. С. 205.

- б) проанализировать трансформацию мировоззрения и творческой манеры писателя на материале рассмотренного текста.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, во-первых, творчество писателя, несмотря на его достоинства и особенности, малоизучено. Количество работ, посвященных сочинениям Рахтанова, незначительно, при этом они не являются научными и рассматривают лишь часть произведений автора. Во-вторых, существует ряд проблем, обозначенных выше.

Научная новизна работы, в первую очередь, состоит в том, что обобщены биографические сведения о Рахтанове и на их основе составлен биографический очерк, при этом в качестве источников был использован, помимо прочего, и ряд архивных материалов¹⁴, не введенных в научный оборот. Кроме того, выполнено текстологическое сопоставление двух редакций первой детской повести писателя; предпринята попытка объяснить причины внесенных изменений. Часть наблюдений, приведенных в работе, представляет собой комментарии, которые могут быть использованы при издании повести.

Материалом и предметом для исследования служат биографический материал; основные тексты Рахтанова, дающие возможность выполнить обзор его жизненного и творческого пути; а также – две редакции первой детской повести Рахтанова «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней».

В работе изначально планировалось решить более широкий круг задач, однако в процессе исследования выяснилось, что, ввиду существенного количества разночтений между двумя редакциями первой детской повести Рахтанова, весь объем поставленных задач реализовать не удастся. Данная проблема была обнаружена в тот момент, когда поменять формулировку темы оказалось невозможно. Поэтому основным анализируемым материалом

---

¹⁴ Материалы из РГАЛИ и ЦГАЛИ СПб.

и главным предметом изучения является текст первой повести Рахтанова в двух его вариантах. Впрочем, даже на данном материале представляется возможным сделать некоторые наблюдения, существенные для понимания детской прозы писателя в целом. Это позволяет считать отнесение заглавия работы к ее содержанию оправданным.

Поскольку диссертация является только началом исследования творчества Рахтанова, в процессе исследования практически не привлекается контекст.

В работе применяются синтетический **метод**: биографический подход; текстологический анализ, опирающийся на концепции Лихачева Д. С.¹⁵, и историко-литературный подход.

В соответствии с обозначенными задачами представляется возможным разделить работу на три главы.

В **первой главе** рассматривается жизненный и творческий пути Рахтанова в разделении на четыре этапа. Особое внимание уделено обзору детской прозы писателя, исходя из проблемно-тематического принципа.

Вторая глава посвящена текстологическому анализу повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней». Основная цель – сосредоточиться на разночтениях, связанных с изменением сюжета в целом, и ряде изменений, характеризующих персонажей, которые оказывают влияние на развитие действия и конфликта.

В **третьей главе** представлен текстологическое изучение изменений деталей и стилистических правок в переработке повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней». Они разделены на четыре группы.

В тексте работы рассмотрены разночтения, показавшиеся в процессе исследования наиболее интересными. Несущественные переработки или

---

¹⁵ Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006.

изменения, вызвавшие затруднения при интерпретации и установлении причин их введения, не анализируются, и представлены в **приложении** в конце работы.

Поскольку первое издание повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней» было выпущено в 1931 г., в ней содержится немалое количество слов, написание которых соответствует нормам языка того времени. Так как они не оказывают влияние на смысл текста, в настоящей работе для удобства чтения они цитируются с использованием современных норм орфографии.

ГЛАВА I. И. А. РАХТАНОВ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Исай Аркадьевич Рахтанов (настоящая фамилия Лейзерман) родился 28 апреля (11 мая по старому стилю) 1907 г. в городе Харбине, в Китае, в семье врача. Его отец умер в 1917 г. В детстве будущий писатель перенес полиомиелит, что весьма тяжело сказалось на его здоровье: даже ходьба давалась ему с трудом.¹⁶ В семье Исай Аркадьевич был не единственным ребенком: у него был старший брат¹⁷, о котором, впрочем, известно крайне мало. Согласно воспоминаниям поэта Арсения Несмелова, после установления во Владивостоке советской власти редактором главной владивостокской газеты был некто Рахтанов («Настоящая его фамилия была Лейзерман...»), два года спустя исключенный из партии и умерший от заворота кишок.¹⁸ Можно сделать предположение о том, что именно этот человек и был братом Исаия Рахтанова. Видимо, в память о брате будущий писатель взял его псевдоним.

До 15 летнего возраста Рахтанов жил в Китае и учился в американском пансионе,¹⁹ находящемся в Шанхае, затем переехал в СССР. После переезда жил в Ленинграде с матерью в коммунальной квартире на улице Коммунистической (современное название – Гороховая).²⁰

1.1. Первые попытки творчества

В Ленинграде будущий писатель поступил на литературно-журнальное отделение Государственных курсов техники речи. В 1926 г. был переведен на

---

¹⁶ Сивоконь С. Умение удивляться // Рахтанов И. А. Потомки Маклая: Докум. повесть; Спортивные рассказы: Для среднего и старшего возраста. М.: Детская литература, 1977. С. 9.

¹⁷ См.: Шкловский В. Б. О трудных победах, веселом труде и счастливых открытиях // Пионер. 1967. № 7. С. 29.

¹⁸ См.: Несмелов А. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. С. 653–654.

¹⁹ См.: Рахтанов И. А. Маршак — редактор замыслов // Рахтанов И. А. На широтах времени. М.: Советский писатель, 1980. С. 300.

²⁰ См.: [Карточка общего учета студента ВГКИ Рахтанова И. А.] // ЦГАЛИ СПб Ф. 59 (Высшие курсы искусствоведения). Оп. 2. Ед. хр. 962. Л. 1–2.

второй курс литературного отделения Высших государственных курсов искусствоведения (ВКГИ) при Государственном институте истории искусств (современное название – Российский институт истории искусств). Активно участвовал в других общественных и литературных организациях. С 1927 г. он состоял в профсоюзе работников просвещения (Рабпрос). С 1927 по 1929 г. числился в редакционной коллегии издательства Высшего совета физической культуры при ВЦИК'е РСФСР. В период с 1926 по 1927 г. был членом правления Литассоциации, а в 1929 г. – заместителем ее председателя.²¹ В том же 1929 г. он упоминается как участник детской секции ленинградского отдела Всероссийского союза писателей.²²

Среди преподавателей Рахтанова в Институте истории искусств были такие выдающиеся ученые, как Юрий Николаевич Тынянов, Борис Михайлович Эйхенбаум, Виктор Борисович Шкловский.²³ С последним Рахтанов особенно сблизился и продолжал поддерживать связь в течение жизни. Это сближение началось с момента, когда однажды, после занятий, студент провожал преподавателя от Исаакиевской площади (где в доме № 5 находится Институт истории искусств). Они шли, говоря об истории, стихах и романах.²⁴ Рахтанов отмечает, что в то время, когда он входил в литературную студенческую группу «Послезавтра», объединявшую преимущественно поэтов, В. Шкловский хорошо относился к ним, правда, советовал заменить название группы: «он говорил, что производное от “послезавтра” – “послезавтрак” – звучит смешно»²⁵.

---

²¹ См.: [Карточка общего учета студента ВКГИ Рахтанова И. А.] Л. 1. Пока, к сожалению, не удалось точно установить, какая именно литассоциация имеется в виду: вероятнее всего, это литературное общество, собиравшееся в самом Институте истории искусств.

²² См.: Письмо детской секции ленинградского отдела ВССП // Литературная газета. 1929 г. 30 декабря. № 37, С. 2.

²³ См.: Рахтанов И. А. Урок жизни // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 333.

²⁴ См.: Шкловский В. Б. О трудных победах... С. 29–30.

²⁵ Рахтанов И. А. Маршак – редактор замыслов. С. 300.

Общение с главными деятелями формальной школы литературоведения оказало немалое влияние на развитие творчества молодого писателя: в его сочинениях встречаются такие черты как прием остранения, ирония, и парадокс.

Как вспоминает Рахтанов, его первые произведения были написаны под впечатлением от любимой в молодости книги «Как я это вижу» Петера Альтенберга²⁶, являвшегося представителем литературного импрессионизма.

В период 1926–1927 гг. начинающий автор написал 10 коротких рассказов, с которыми выступал «во всех юношеских литературных кружках и объединениях Ленинграда»²⁷. К сожалению, к настоящему времени эти миниатюры, за исключением одной, упомянутой в очерке, найти не удалось. Текст сохранившегося рассказа под названием «Урок жизни» приводится ниже:

«Сидя на крылечке, Эдуард Иванович нежно-нежно почесывал зад собственного борова, казавшийся розовато-красным в лучах заката. “Идиллия”, – сказал автор, подходя к крылечку. “Шпик, обыкновеннейший шпик”, – ответил Эдуард Иванович и замолчал. С этой-то поры и я понял, что нет на свете идиллий, да и не было»²⁸.

На данный момент, с учетом того, что задача сопоставления ранних произведений автора с творчеством австрийского писателя- импрессиониста не была поставлена, говорить о подражании молодого Рахтанова П. Альтенбургу не представляется возможным. Данный вопрос требует отдельного изучения.

В то же время можно отметить, что рассказ представляет собой пародию на импрессионизм и идиллию. Боров – животное нечистоплотное, грязное, и потому сцена, рисующая его зад в лучах заката, выглядит нелепо.

---

²⁶ См.: *Рахтанов И. А.* Урок жизни. С. 330.

²⁷ Там же. С. 330.

²⁸ Там же. С. 333.

Имя Эдуард, мало распространенное в России 20-х гг., в сочетании с отчеством «Иванович» в те времена также могло восприниматься анекдотично. Оказывается, что Эдуард Иванович нежен к свинье лишь потому, что представляет, какой замечательный из нее получится шпик, и, в конечном итоге, оказывается вовсе не идеалистом. Тем самым пародируется сентиментальное отношение. В результате, можно заключить, что рассматриваемый текст ироничен, абсурден, построен на приеме остранения, т. е. заключает в себе признаки, характерные для формальной школы.

Рассказы начинающего писателя понравились Владимиру Владимировичу Маяковскому. В 1927 г. В. Маяковский прибыл в Ленинград для выступления с докладом-разговором «Даешь изящную жизнь!». На следующий день после выступления поэта Рахтанов заметил В. Маяковского, сидящего на скамейке «в скверике Казанского собора между статуями Кутузова и Баркляя де Толли...»²⁹ и присел рядом с ним. Представившись, Рахтанов, с разрешения В. Маяковского, прочитал некоторые из своих коротких рассказов и получил приглашение приехать в Москву вместе с рекомендацией показать свои наработки Осипу Максимовичу Брику.

После встречи с В. Маяковским Рахтанов и другие студенты организовали в Ленинграде отделение ЛЕФ.³⁰ Как работник ЛЕФа Рахтанов упоминается и в письме В. Маяковского в отдел печати ЦК ВКП(б), написанном в январе 1927 г.³¹ Вскоре будущий писатель, делегированный товарищами, отправился в Москву.

Во время этой поездки состоялся судьбоносный разговор Рахтанова с О. Бриком – одним из идеологов ЛЕФа. О. Брик раскритиковал короткие

---

²⁹ Рахтанов И. А. Урок жизни. С. 332.

³⁰ См.: Там же. С. 334.

³¹ См.: Маяковский В. В., Третьяков С. М. В отдел печати ЦК ВКП(б), январь 1927 г. // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1961. С. 212.

рассказы, посоветовав «писать проще и не столь литературно»³². «А еще лучше – идите работать в газету. “Лефы” – мастера, они все умеют»³³. В то же время О. Брик отметил: «но вы будете писателем, и поэтому вам надо сказать об этом со всей прямоотой...»³⁴. В итоге молодой автор, разочаровавшись в своих попытках подражать П. Альтенбергу, начал искать «иные способы выразительности»³⁵.

Одним из результатов подобных поисков стал неопубликованный рассказ «Последний подпоручик»³⁶, датированный 1927 г. и написанный в сатирической манере. Он представляет собой историю семнадцатого сына короля Сиам, который в пятилетнем возрасте был отправлен в Россию на обучение. Сын поступил на службу в русскую армию, дослужился до подпоручика, а потом женился на медсестре, лечившей его от ангины. В один прекрасный момент подпоручик получил письмо с извещением о смерти отца, после чего вместе с женой отправился в Сиам, чтобы принять законный трон.

Если обратить внимание на ряд деталей в произведении, то можно предположить, что история была частично основана на биографии шестого короля Сиам Вачиравуда, обучавшегося за границей и желавшего отменить многоженство. Помимо этого, в рассказе присутствует изображение сиамского быта, который придает произведению экзотический оттенок. В то же время в произведении обнаруживаются комические моменты, среди которых можно назвать диалог подпоручика с его русской женой о многоженстве; приказ о введении новой военной формы с шароварами сорочками, вышитыми петушками, и смушковыми папахами; монолог кота, в котором он рассказывает о чтении книги Павла Вольноградского «Сиам и сиамцы» и др.

---

³² Рахтанов И. А. Урок жизни. С. 334.

³³ Там же. С. 335.

³⁴ Рахтанов И. А. Урок жизни. С. 335.

³⁵ Там же.

³⁶ Рахтанов И. А. Последний подпоручик // РГАЛИ Ф. 2852 (О. Брик). Оп. 1. Ед. хр. 470. Л. 1–7.

Таким образом, в новой попытке начинающего писателя, как и ранее, прослеживаются прием остранения и ироничность – элементы, характерные для формальной школы. Вместе с тем, описание Бангкока, быта и одежды местных жителей, выполненное в форме путевого очерка, позволяет говорить о наличии в данном произведении Рахтанова черт, характерных для творческого объединения ЛЕФ.

В таком же духе написан и рассказ «Доктор Руссель»³⁷, основанный на истории Николая Константиновича Судзиловского (псевдоним Николас Руссель). Повествование в рассказе идет от лица автора, который обнаружил в библиотеке ряд документов о докторе. Рассказывая о 12-летней жизни героя на Гавайях, где тот создал свою партию, получившую поддержку у местного населения, и принес благополучие народу, писатель нарисовал образ русского интеллигента, стремящегося к труду. Как отмечает критик С. Сивоконь, Рахтанов «увидел в этой воистину необыкновенной биографии не только авантюрную, но и смешную сторону <...> жизнь человека деятельного и даровитого, но крайне непоследовательного рассказана с некоторой долей сочувствия, но и с нескрываемой улыбкой, порой весьма саркастичной»³⁸. Критик также упоминает, что несмотря на то, что данный рассказ, по сравнению с предыдущими попытками, вышел в свет, он все-таки остался незамеченным и не вызывал особой реакции публики и критики.³⁹

Построение произведений на основе реальных событий, на основе историй настоящих людей, впоследствии становится одной из главных особенностей творчества Рахтанова, прежде всего его детской прозы.

1.2. Рахтанов и «Академия Маршака»

На третьем курсе начинающий автор познакомился со своим будущим наставником – Самуилом Яковлевичем Маршаком, который являлся на тот

---

³⁷ Рахтанов И. А. Доктор Руссель // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 39–43.

³⁸ Сивоконь С. Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова. С. 203.

³⁹ См.: Там же. С. 204.

момент редактором детского отдела Госиздата («Лендетгиз»).⁴⁰ До этого знакомства Рахтанов не думал писать произведения для детей.

После первой беседы с редактором будущий детский писатель попытался адаптировать адресованный взрослому читателю рассказ о девочке с роялем, над которым он тогда работал. Как вспоминает сам Рахтанов, действие происходило во время гражданской войны. Девочка, дочь белогвардейского полковника, следует в обозе за отцом, продолжая играть гаммы на рояле. В дороге на них нападают бандиты и забирают у девочки инструмент. В результате у бандитов появляется музыка, а рядом с героиней возникает не соответствующий военному времени быт.⁴¹ Однако попытка адаптации оказалась неудачной.

«А я так и знал, – сказал Маршак, – так всегда бывает, когда пробуешь выдумывать на пустом месте... Расскажите-ка лучше о том, что вы действительно знаете. Каким было ваше детство?»⁴² Так Рахтанов начал работать над тем, что в дальнейшем станет его первой детской повестью, основанной на личном опыте, об американском пансионе в Китае. Во время работы над повестью молодой писатель практически каждый день посещал редакцию, которую он назовет впоследствии «Академией Маршака». Атмосфера редакции произвела на него сильное впечатление, дав ощущение близкого к студенческим кружкам и ассоциациям места, где можно было научиться писать настоящую литературу высокого, качественного уровня.⁴³

По воспоминанию автора, до выхода книги «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней» в печати он «довольно часто читал его вслух и у знакомых и пионерам в лагерях»⁴⁴ возле станции Сиверской. История получила теплый

---

⁴⁰ См.: *Рахтанов И. А.* Маршак – редактор замыслов. С. 297.

⁴¹ См.: Там же. С. 300.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 298.

⁴⁴ См.: *Рахтанов И. А.* Ранний Кассиль // *Рахтанов И. А.* На широтах времени. С. 432.

прием. «Название моей книги <...>, повторенное ребячьими голосами, шелестело навстречу мне, едва я появлялся в лагере»⁴⁵. Повесть увидела свет в 1931 г.⁴⁶, но была выпущена не в «Лендетгизе». При этом, по каким-то причинам внутреннее содержание книги несколько отличалось от того, что указывается в рассказах-воспоминаниях автора (этот вопрос будет подробно рассматриваться в следующей главе данной работы). Тем не менее, по воспоминаниям Л. Чуковской, книга «была принята очень хорошо, имела много рецензий»⁴⁷, ее даже хотели экранизировать.⁴⁸

Спустя 27 лет повесть, претерпев немало изменений, была переиздана под названием «Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней». В предисловии автор, вспоминая о работе с бывшим редактором Детгиза, объясняет причину, по которой первая его книга вышла в другом издательстве: «Работа эта была медленной, нередко трудной, и по молодости, по нетерпению или неопытности не все выдерживали ее напор. Не выдержал и я...»⁴⁹ Лишь став опытным зрелым писателем, Рахтанов осознал справедливость требований своего наставника и, по собственному мнению, «довел ее до того состояния, в котором хотел видеть вещь Самуил Яковлевич» Маршак⁵⁰. Повесть понравилась также и Л. Кассилю, который включил ее в состав своего сборника⁵¹.

В «академии Маршака» молодого писателя окружали и другие люди, полные энтузиазма и энергии, стремившиеся к созданию лучшей детской литературы. Среди них были редакторы Лидия Корнеевна Чуковская, Тамара

---

⁴⁵ Рахтанов И. А. Ранний Кассиль. С. 433.

⁴⁶ Рахтанов И. А. Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней: рассказ для детей среднего и старшего возраста: М.; Л.: Огиз; Молодая гвардия, 1931.

⁴⁷ Чуковский К. И., Чуковская Л. К. Переписка: 1912–1969. М.: Новое лит. обозрение, 2003. С. 153.

⁴⁸ См.: Там же.

⁴⁹ Рахтанов И. А. Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней // Рахтанов И. А. Годы учения: повести и рассказы: М.: Советский писатель, 1958. С. 93.

⁵⁰ Там же. С. 92.

⁵¹ Рахтанов И. А. Денис Ощепков и Банни Сидней: повесть // Голубятня: сборник: для детей. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 227–257.

Григорьевна Габбе, писатель Л. Пантелеев, поэт Юрий Дмитриевич Владимиров и др. В дальнейшем об их общении на страницах дневников и писем Чуковской, в мемуарах Л. Пантелеева останется немало воспоминаний.

Период работы в редакции завершился для Рахтанова в 1931 г, когда после возвращения из корреспондентской поездки, он «вместо плохого детского очерка написал короткий взрослый»⁵². Очерк⁵³ понравился Николаю Семеновичу Тихонову. В результате молодой писатель принял решение о заключении договора с ГИХЛ. В письме Л. Чуковской он сообщает о своей радости: «я переменяю профессию, то-есть не совсем, словом ныне я – очеркист, а не детский писатель. Не детский! Ура! <...> Подумайте, Лидочка, никаких разговоров с Маршаком. Ничего. Полная свобода»⁵⁴.

В то же время, можно рассматривать вариант, допускающий, что уход Рахтанова из редакции был связан с первыми репрессиями в отношении Лендетгиза в 1931 г. Несмотря на то, что двумя годами ранее молодой автор подписался под статьей, выступавшей в защиту С. Маршака,⁵⁵ он мог опасаться за свою дальнейшую судьбу, в связи с чем и принял решение о смене места работы.

1.3. Поездки и очерки. Журналистская деятельность

Вышеупомянутая командировка послужила началом периода поездок и очерков в жизни писателя.

Еще в студенческие годы он занимался журналистской деятельностью. В карточке общего учета студента ВГКИ упоминается, что Рахтанов

---

⁵² [Письмо Чуковской Л. К. от 12 мая 1931 г.] // РГАЛИ Ф. 3390 (Л. К. Чуковская). Оп. 1. Ед. хр. 651. Л. 1–2.

⁵³ См. *Рахтанов И. А.* Александровский посад // Звезда. 1931. № 8. С. 133-138.

⁵⁴ [Письмо Чуковской Л. К. от 12 мая 1931 г.] // РГАЛИ Ф. 3390 (Л. К. Чуковская). Оп. 1. Ед. хр. 651. Л. 1.

⁵⁵ См.: Письмо детской секции ленинградского отдела ВССП // Литературная газета. 1929 г. 30 декабря. № 37, С. 2.

временно работал в журнале «Молодая гвардия» документалистом.⁵⁶ Однако никаких сведений о деталях этой работы найти не удалось.

Приблизительно в 1930 г. Рахтанов отправился в Псков, а оттуда попал на Залитские острова. В этой поездке его интересовали «люди, их отношения, их новые радости и заботы, живая и трепетная жизнь»⁵⁷. Следуя принципу творчества – писать на основе реальной жизни, автор рассказывает историю о жизни местных жителей до и после революции, их порядках и быте.

В период 30–40-х гг. писатель совершил несколько подобных поездок, фиксируя увиденное в форме очерков и коротких рассказов. Один из таких очерков – «Кукисвумчерр»⁵⁸, написанный после поездки в 1931 г. в город Хибиногорск (современное название – Кировск), был адресован детям старшего возраста. Очерк, относящийся к ряду «талантливых произведений, рассказывающих ребенку о гигантском размахе социалистического строительства в стране»⁵⁹, познакомил читателей с одним из великих проектов того времени, развернувшимся вблизи месторождений минерала-апатита в горах за Полярным кругом, с предысторией этого места и с людьми, участвовавшими в освоении тундры.

В этом же году от редакции «Пионерской правды» Рахтанов совершил корреспондентскую поездку в Автономную Марийскую республику к заволжским школьникам. В эту поездку вместе с ним отправился Евгений Аронович Долматовский – будущий поэт, а тогда корреспондент пионерской газеты. Писатель подарил юному товарищу сборник стихотворений О. Мандельштама «Камень», на который у юноши не хватило собственных денег. Подаренная Рахтановым книга впоследствии оказалась у Д. Данина со

---

⁵⁶ См.: [Карточка общего учета студента ВГКИ Рахтанова И. А.] Л. 1.

⁵⁷ Рахтанов. И. А. Колосов, или Александровский посад, или Талапские, или Залитские острова // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 7.

⁵⁸ Рахтанов И. А. Кукисвумчерр: для детей старшего возраста. М.: Молодая Гвардия, 1932.

⁵⁹ Лупанова И. П. Полвека... С. 166.

следующей сопроводительной надписью: «Дарю тебе добытый рахтановской кровью в стране Мари драгоценный камень, с условием носить не за пазухой»⁶⁰.

В 1932 г. в составе молодежной бригады писатель отправился в Кузнецк, чтобы написать о строительстве Кузнецкстроя. Во время этой поездки состоялось его знакомство с писателем Николаем Григорьевичем Смирновым. Несмотря на то, что два автора были знакомы друг с другом недолго, в предисловии к книге «Государство солнца» писатель Яков Михайлович Свет называет Рахтанова близким другом Н. Смирнова⁶¹. Именно благодаря истории Н. Смирнова о перевозке локомобиля, записанной Рахтановым и опубликованной в дальнейшем в журналах «30 дней»⁶² для взрослых и «Пионер» для детей, молодой автор был принят в Союз писателей⁶³.

Этот период их совместной работы упомянут в статье М. Уральского, опубликованной в «Новом журнале».⁶⁴ По мнению критика, «молодежная литературная бригада в составе Александра Бека, Исая Рахтанова, Николая Смирнова и Лидии Тоом»⁶⁵ добилась определенного успеха. Во время поездки Рахтанов написал ряд очерков, которые должны были войти в состав книги об строительстве комбината. Однако книга, в конечном итоге, не была реализована. Возможной причиной этому стала смерть Н. Смирнова. Вместо запланированной книги спустя два года был выпущен сборник

---

⁶⁰ Данин Д. Строго как попало // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 238.

⁶¹ См.: Свет. Я. О «Государстве Солнца» и авторе этой книги // Смирнов Н. Г. Государство Солнца. М.: Республика. 1992. С. 3.

⁶² Рахтанов И. Погонщики локомобиля // Тридцать дней. 1934. № 3. С. 67–71.

⁶³ См.: Рахтанов И. А. «Свежати́на», «Крупня́тина» // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 344.

⁶⁴ См.: Уральский М. Кузнецкстрой: литературный миф как документ эпохи // Новый журнал. 2017. № 287. С. 277–291.

⁶⁵ Там же. С. 277.

«Кузнецкстрой (История Кузнецкстроя в воспоминаниях)»⁶⁶, в который так и не вошли произведения Рахтанова.

Очерки были выпущены отдельно: один из них – «Погонщики локомотива», уже упомянутый выше; другой – «В тени Алтая»⁶⁷, напечатанный позже. Помимо этого, в печати вышел «Рассказ о чистой любви»⁶⁸, действие в котором происходит также на строительной площадке Кузнецкстроя.

«Рассказ о чистой любви» повествует об истории любви монтера Петра Ладощина к студентке Полине Васильевой. На работе Петр – способный, смелый человек, который практически не раздумывая ринулся в ледяной колодец, чтобы решить проблему с водопроводом. В жизни же частной он далеко не столь героичен: этот молодой человек неграмотен, не знаком с классической музыкой и не умеет, даже не может любить: долг перед работой лишает его такой возможности. В этом рассказе Рахтанов говорит не о конкретном человеке, а о случае, который мог произойти в тех обстоятельствах в то время где угодно.

Сочинение было подвергнуто разгрому.⁶⁹ В рецензии критик обращает внимание на обилие избитых штампов в тексте, и говорит о том, что завязка истории, перенесенная в очередь к уборной, «переводит рассказ из плана легкой снисходительной иронии в план издевательской пародии на молодых людей нашей страны, которым автор отказывает в чувствах»⁷⁰.

---

⁶⁶ См.: Кузнецкстрой: (История Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск: Западно-сибирское креовое издательство, 1934.

⁶⁷ Рахтанов И. А. В тени Алтая // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 39–49.

⁶⁸ Рахтанов И. А. Рассказ о чистой любви // Красная новь. 1933. № 8. С. 136–139.

⁶⁹ См.: Канторович В. Заметки журналиста // Литературный современник. 1937. № 6. С. 244–245.

⁷⁰ Там же. С. 245.

15 августа 1934 г. Рахтанов в составе литературной бригады отправился на другую великую стройку, в Магнитогорск.⁷¹ В бригаду входили и такие писатели, как В. Шкловский, Борис Абрамович Кушнер, Татьяна Тэсс и Сергей Александрович Бондарин.⁷² О произведениях Рахтанова, написанных по результатам данной командировки, информацию найти не удалось.

В начале Великой Отечественной войны писатель в качестве военного корреспондента газеты Брянского фронта «На разгром врага» отправляется на передовую. Вместе с ним работал известный поэт Иосиф Павлович Уткин, который поручился за него и взял под свое покровительство. Это потребовалось в связи с тем, что несмотря на журналистский опыт Рахтанова, из-за перенесенной в детстве болезни он с трудом мог ходить. Впоследствии их пути разошлись: поэт получил ранение, и его перевезли в госпиталь в тыл, а писатель оставался на фронте вплоть до января 1942 г., когда по предписанию политуправления в связи с состоянием здоровья вернулся в Москву.⁷³ Спустя 24 года после последней встречи с Уткиным, который погиб в 1944 году, Рахтанов посвятил его памяти очерк под названием «Личное оружие поэта».

Приблизительно в 1942–1943 гг. писатель заключил договор с проектирующим города институтом Гипрогором и выехал на Урал, в город Орск. В результате был написан следующий очерк, касающийся темы великих строек.⁷⁴ Кроме того, в эти же годы выходит сборник «Сыны Урала», написанный в соавторстве А. Панфиловым и Л. Хватом.⁷⁵

---

⁷¹ См.: [Письмо Слонимскому М. Л. от 24 июня 1934 г.] // ЦГАЛИ СПб Ф. 414 (М. Л. Слонимский). Оп. 2. Ед. хр. 575. Л. 2.

⁷² Бондарин С. А. Магнитка // Бондарин С. А. Парус плаваний и воспоминаний. М.: Советская Россия, 1971. С. 36.

⁷³ См.: Рахтанов И. А. Личное оружие поэта // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 371--377.

⁷⁴ Рахтанов. И. А. На краю Европы // На широтах времени. С. 50-51.

⁷⁵ Сыны Урала: сборник / под ред. Генерал-майора М. Дребеднева. Свердловск: ОГИЗ. Свердловское Областное государственное издательство, 1943.

Таким образом, в этот период Рахтанов, создавая путевые заметки и очерки, продолжает следовать идеям ЛЕФа. Помимо этого, благодаря работе с именитыми писателями и журналистами, автор приобретает значительный опыт, позволивший ему в дальнейшем достичь высокого уровня в жанрах спортивного и портретного очерков.

1.4. Московский период

Точную информацию о времени переезда писателя из Ленинграда в Москву установить не удалось. Тем не менее, по письмам Рахтанова можно восстановить ход событий. Первый относительно длительный период проживания Рахтанова в столице пришелся на 1931 г., когда его первую книгу собирались экранизировать (о чем уже было сказано выше). В период поездок писатель постоянно перемещался по стране, и постоянном месте его жительства нигде не упоминается. В одном из писем, адресованном автору пьесы «Интервенция» Льву Славину, говорится: «Живу сейчас в Ленинграде...»⁷⁶, – а также указывает два своих адреса (рабочий и домашний):

«Адрес мой: Ленинград Проспект 25 октября 28 Издательство «Молодая Гвардия» <сектор> старшего возраста, мне.

Или: ул. Красных Зорь 73/75 кв. 69 доктору Иехельсону для меня.

(последний адрес домашний)»⁷⁷

В письме не приводится дата, тем не менее, по содержанию становится ясно, что оно отправлено после постановки вышеуказанной пьесы, т.е. после марта 1933 г. При этом, так как улица Красных Зорь была переименована в Кировский проспект после смерти Кирова в декабре 1934 г., дата отправки письма приходится на период с весны 1933 г. до зимы 1934 г.

---

⁷⁶ [Письмо Славину Л. И.] // РГАЛИ Ф. 2811 (Л. И. Славин). Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 1.

⁷⁷ Там же.

Вслед за этим, в деловых письмах от 8 февраля и 24 июня 1934 г. Михаилу Леонидовичу Слонимскому, члену правления Союза писателей, становится известно, что Рахтанов проживает по московскому адресу – ул. Кропоткина 39 кв. 8.⁷⁸ Исходя из вышесказанного, можно предположить, что переезд в столицу состоялся в 1934 г.

Вместе с началом московской жизни наступает наиболее активный период творчества писателя. С одной стороны, Рахтанов продолжает работать над произведениями для взрослого читателя («Бешеные мужики», очерки, посвященные разным личностям); с другой стороны – писать для детей.

Литературный сценарий «Бешеные мужики», который по каким-то причинам так и не был воплощен на экране, написан в 1934 г. в соавторстве с Николаем Павловичем Абрамовым. К сожалению, в процессе работы ознакомиться с текстом не удалось. Данный материал хранится в московском архиве, а, кроме того, не относится к детской прозе, в связи с чем не был заказан для изучения. Поэтому рассмотрение данного произведения будет основываться на мнении критиков. Следует упомянуть, что в описи архива данное произведение названо сценарием, однако критик С. Сивоконь в критической статье⁷⁹ и писатель Б. Соловьев в рецензии на неизданную редакцию «Пестрой книги»⁸⁰ называют данное произведение повестью.

Как указывает в публикации С. Сивоконь, что сюжет произведения основан на реальном случае из биографии французского ученого Луи Пастера. В 1886 г. к нему на лечение была отправлена группа из русских мужиков, пострадавших от укуса бешеного волка. Пастеру удалось спасти их,

---

⁷⁸ См.: [Письма Слонимскому М. Л.] // ЦГАЛИ СПб Ф. 414 (М. Л. Слонимский). Оп. 2. Ед. хр. 575. Л.1–2.

⁷⁹ См.: Сивоконь С. Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова. С. 205.

⁸⁰ Соловьев Б. И. Рахтанов. «Пестрая книга» // РГАЛИ Ф. 1234 (Издательство «Советский писатель»). Оп. 18. Ед. хр. 1002. Л. 7.

после чего они возвратилась в Россию.⁸¹ По словам критика, повесть перекликается с «Доктором Русселем»: «Тот же экстравагантный, авантюрный, почти пародийный сюжет, острые характеристики, подчеркнутая ироничность. Несомненно сказалось в “Бешеных мужиках” и влияние сатирической прозы Ю. Тынянова – “Поручик Киже” и “Малолетнего Витушишникова”»⁸². Писатель Б. Соловьев, несмотря на отрицательную оценку произведения, также отмечает влияние Ю. Тынянова и формальной школы: «Материал этот изложен автором, почему то в космической манере, как своего рода анекдот, наподобие “Поручика Киже” Тынянова <...> вся повесть написана по методу “остранения”»⁸³.

Таким образом, такие черты, как экзотика, ироничность, обнаруживаемые уже в ранних произведениях Рахтанова, становятся важными характеристиками творчества писателя.

В развитии детской прозы автора немалую роль сыграл Л. Кассиль. Их знакомство состоялось еще в Ленинграде в 1929 г. благодаря редактору первой пионерской газеты «Ленинские искры» Ивану Игнатьевичу Халтурину. «Кассиль дал мне свой адрес и пригласил к себе. <...> и в первый же приезд в столицу я пришел к нему»⁸⁴. Между двумя писателями обнаруживаются довольно интересные параллели. Во-первых, Л. Кассиль начинал как участник ЛЕФа, идеями которого был увлечен и Рахтанов. Во-вторых, путь в детскую литературу для обоих начинался с автобиографической повести, которую редактировал С. Маршак. В-третьих, их объединяет интерес к путешествиям в дальние страны и увлеченность спортом, которые проявляются в произведениях обоих авторов.

Укрепление дружбы двух писателей началось с того времени, когда они вместе снимали дачу на Клязьме. В гости к ним приходили спортсмены,

---

⁸¹ См.: *Сивоконь С.* Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова. С. 206–207.

⁸² См.: Там же. С. 206.

⁸³ *Соловьев Б. И.* Рахтанов. «Пестрая книга». Л. 7.

⁸⁴ *Рахтанов И. А.* Ранний Кассиль. С. 432.

среди которых были боксер Николай Королев, бегун Георгий Знаменский, пловец Семен Бойченко и др.⁸⁵ Вдохновленный общением с гостями, Рахтанов при участии Л. Кассиля «начал писать спортивные очерки, помещая их в “Пионере”»⁸⁶. При этом, они вместе болели за футбольную команду «Спартак», и на основе идей Л. Кассиля Рахтанов предложил спортивный журнал для детей «Внимание! На старт!».⁸⁷

Кроме того, в журнале «Литературный критик» ими была написана совместная статья «Товарищ пишет для детей»⁸⁸, в которой они описывают трудности и радости работы детских писателей. Авторы выступают в качестве друга, готового помочь детскому писателю решить проблемы, с которыми последний постоянно сталкивается в своей работе.

В статье говорится, что несмотря на бесконечные, изматывающие заседания различных комиссий и постоянную критику со стороны Народного Комиссариата Просвещения в адрес детской литературы, существует положительная сторона – общение с юным читателем. Писатель получает письма от читателей, где содержится признание его труда и любовь к его произведениям, и чувствует радость и гордость: «Он ощущал живую кровную связь с читателями. Он был нужен, это ясно по письмам»⁸⁹. Писатель отправляется в литературный кружок и, общаясь с молодым поколением, осознает важность своего труда: «он чувствовал, происходят встречи одного поколения с другим <...> Это была разгадка того, почему он детский писатель»⁹⁰. Кроме того, ему становится ясно, как следует создавать свои произведения: «для таких читателей нельзя фальшивить, нельзя не продуманные мысли выдавать за продуманные, что надо понять и

---

⁸⁵ См.: *Кассиль Л. А.* Про кого пишет Рахтанов? // *Рахтанов И. А.* Пестрая книга. М.: Детская литература, 1967. С. 218–223.

⁸⁶ *Рахтанов И. А.* Ранний Кассиль. С. 434.

⁸⁷ См.: Там же. С. 441.

⁸⁸ См.: *Кассиль Л. А., Рахтанов И. А.* Товарищ пишет для детей // *Литературный критик*. 1934. № 1. С. 134–139.

⁸⁹ Там же. С. 139.

⁹⁰ Там же. С. 138.

почувствовать все до конца, честно, тепло и мужественно, что для таких читателей нужно и самому перевоплощаться в четырнадцатилетнего или четырехлетнего и видеть все заново, жадно и необыкновенно...»⁹¹

Многие из событий, названные в статье, происходили с самими авторами. Например, ими приведено стихотворение участника литературной бригады, которой Рахтанов руководил в те годы; ⁹² также упоминаются «неурядицы в Лендетгизе».

Итак, Рахтанов и Л. Кассиль не только выразили свою позицию по отношению к ситуации в детской литературе 30-х гг., но и объяснили свое понимание задач творчества детского писателя.

1.4.1. Обзор детской прозы Рахтанова

В центре детских художественных произведений Рахтанова всегда находится образ героя (или героев) – известного или неизвестного. Герои известные – это участники реальных исторических событий (Амангельды Иманов, Борис Кудрявцев, Василий Александрович Дегтярев). К героям неизвестным относятся не только люди (мальчик Коля, житель Спарты Леонид), но и собаки (Максим Максимович Максименко, Цыган).

Исторический рассказ «Амангельды Иманов» (1938) ⁹³ описывает казахского героя, выходца из простой семьи, который в 1916–1919 гг. боролся за освобождение родной земли от царской власти и способствовал распространению большевистских идей в Казахстане. Перед юным читателем предстает живой образ удальца, уверенно чувствующего себя в седле и способного радовать окружающих музыкой, эволюционирующего в патриота, думающего о благе народа.

---

⁹¹ Кассиль Л. А., Рахтанов И. А. Товарищ пишет для детей. С. 138.

⁹² См.: Хелемский Я. Одна судьба / публикация Г. Долматовской // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 75.

⁹³ Рахтанов И. А. Амангельды Иманов: исторический рассказ: для младшего и среднего возраста. М., Л.: Детиздат, 1938.

Другой герой, запечатленный Рахтановым, – обыкновенный ленинградский школьник Борис Кудрявцев из повести «Потомки Маклая» (1954) – оказывается более близким читателю. Причина, по которой он оставил свой след в истории, заключается в том, что он сумел найти ключ к расшифровке писем племен острова Пасхи, осуществил то, чего не могли до этого сделать именитые ученые. Писатель удачно сочетает вымышленный материал с реальными фактами из жизни Бориса. Под его пером главный герой рисуется любознательным мальчиком, страстно увлеченным наукой, который противостоит расовой теории, веря в то, что таинственные таблички с острова Пасхи – наследие богатой культуры ныне исчезнувшего народа.

Повесть «Потомки Маклая», изданная впервые в 1954 г., является самым популярным произведением писателя, которое было переиздано 6 раз и переведено даже на китайский язык.⁹⁴

В сравнении с предыдущими персонажами, третий герой, описанный Рахтановым на страницах рассказа «Секреты Василия Алексеевича» (1941)⁹⁵, является человеком преклонных лет. Автор знакомит юного читателя не только с подвигами известного конструктора-оружейника Василия Алексеевича Дегтярева, но и с его повседневной жизнью, подчеркивая, по

---

⁹⁴ Повесть выходила 3 раза отдельной книгой, 4 раза – в составе сборника:

Рахтанов И. А. Потомки Маклая. М., Л.: Детгиз, 1954.

Рахтанов И. А. Потомки Маклая. М.: Детгиз, 1956.

拉赫坦诺夫：《马克莱的后裔》，巩蕴德译。江苏人民出版社，1957年。

(Рахтанов И. А. Потомки Маклая / Пер. Гун Юньдэ. Цзянсу: Народное издательство Цзянсу. 1957).

Рахтанов И. А. Потомки Маклая // Рахтанов И. А. Годы учения. С. 1–89.

Рахтанов И. А. Потомки Маклая // Рахтанов И. А. Пестрая книга. С. 7–90.

Рахтанов И. А. Потомки Маклая // Рахтанов И. А. На широтах времени: рассказы и очерки. М.: Советский писатель, 1973. С. 217–306.

Рахтанов И. А. Потомки Маклая // Рахтанов И. А. Потомки Маклая: документальная повесть; Спортивные рассказы: для сред. и ст. возраста. М.: Дет. лит., 1977. С. 11–90.

Рахтанов И. А. Потомки Маклая // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 211–292.

⁹⁵ *Рахтанов И. А.* Секреты Василия Алексеевича // Мурзилка. 1941. № 2. С. 8–9.

мнению писателя, важные для молодого поколения черты – скромность и трудолюбие.

Герои неизвестные не имеют реально существовавших прототипов и являются собирательными образами, обладающими положительными чертами характера, и именно в этом заключается их главное преимущество: на месте такого героя может оказаться каждый.

Таких героев в творчестве писателя было немного. Один из них – мальчик Коля Федоров, скучающий летом на даче и мечтающий о героических подвигах, о необыкновенных встречах⁹⁶. В рассказе «Коля и другой» (1937) автор повествует о том, как, перепутав случайного встречного с сыном известного полярника, Коля спасает ему жизнь, вытаскивая из реки. Узнав, что спасенный мальчик вовсе не сын героя, Коля весьма огорчился, однако сказал: «все равно я бы тебя спас». За счет описания деталей и естественности диалогов двух мальчиков, Рахтанову удается создать живой образ простого школьника, тем самым вызывая у читателя чувство эмпатии герою.

Если «Колей» может стать любой советский мальчик, то другой герой Рахтанова далек от привычного мира. В рассказе «Леонид – маленький спартанец» (1940)⁹⁷, переносящем читателя в дальнюю страну, известную на весь мир своими воинами, читатель знакомится с маленьким черноглазым спартанцем Леонидом, которого с рождения приучают к суровым условиям жизни, воспитывают храбрым и ловким защитником своей страны. Рассказ, занимающий всего лишь одну страницу, не только выполняет познавательную функцию, откликаясь на потребность ребенка стремиться «ко всему яркому, необычайному»⁹⁸, но и подает детям пример, вызывая желание быть сильными и ловкими.

---

⁹⁶ Рахтанов И. А. Коля и другой // Мурзилка. 1937. № 9. С. 10–11.

⁹⁷ Рахтанов И. А. Леонид — Маленький спартанец // Мурзилка. 1940. № 12. С. 6.

⁹⁸ Лупанова И. П. Полвека. С. 164.

Среди героев неизвестных не случайно оказались два пса, о которых автор писал в разное время, ведь их поступки ничем не отличаются по значимости от поступков людей. В первом рассказе (1937)⁹⁹ перо автора рисует образ путешественника, кочующего с одной пограничной заставы на другую, и не сразу дает понять, что Максим Максимович Максименко – это пес. Он не принадлежит никому, его хозяин – не конкретный солдат, а все пограничники вообще, и все его любят. Отправившись вместе с ними на рыбалку, пес вытаскивает из воды нарушителя, спасая того от гибели в омуте, и находит вещественное доказательство шпионажа. Героический поступок второго пса, о котором Рахтанов написал спустя 30 лет, тоже связан со спасением человека. Собака Цыган, тренируемая с ранних лет для подрыва вражеских танков, вытаскивает своего хозяина-красноармейца из-под колес поезда, но теряет при этом лапу. Это лишает пса возможности отправиться на фронт вместе с хозяином, и потому Цыган, несмотря на окружающих его людей, остается в одиночестве на несколько лет.¹⁰⁰

Среди произведений Рахтанова имеется и третий рассказ, посвященный собаке, которая, однако, не совершала никаких героических поступков. На первое место здесь выходят дружеские отношения между хозяевами и собаками, в противовес которым показан мальчик Алеша, крадущий собак для перепродажи, думающий больше о прибыли, чем о судьбе животных. Рассказ «Бичи» (1957) был опубликован дважды: в журнале «Пионер»¹⁰¹ и в сборнике «Дружище Тобик», выпущенном уже после смерти автора¹⁰².

Немногое известно о произведениях Рахтанова, написанных им в военные годы на основе фронтовых впечатлений. Свет увидело только три произведения, одно из которых было адресовано детям.

---

⁹⁹ Рахтанов И. Максим Максимович Максименко // Мурзилка. 1937. № 8. С. 14–17.

¹⁰⁰ Рахтанов И. Цыган // Пионер. 1967. № 7. С. 26–29.

¹⁰¹ Рахтанов И. Бичи // Пионер. 1957. №10. С. 57-59.

¹⁰² Рахтанов И. А. Бичи: Рассказ // Дружище Тобик: Рассказы о собаках / сост. А. С. Коммисарова. М.: Детская литература, 1987. С. 70–75.

В рассказе «Случай с актером» (1943)¹⁰³, в отличие от большинства произведений писателя, повествование ведется от лица главного персонажа – актера фронтовой труппы. Действие происходит вблизи передовой, когда театральная постановка прерывается из-за внезапно начавшейся атаки немцев. Актер, игравший немецкого офицера, не успевает переодеться, и прямо в гриме пытается догнать своих товарищей. Но в этот момент его крадут два немецких солдата. В конце концов герой снова обнаруживает себя в штабе у своих. Произведение написано в юмористической манере, свойственной Рахтанову, что в какой-то степени облегчает переживания от войны, в которой, к моменту выпуска рассказа, наступил перелом в пользу СССР.

Писатель воочию столкнулся с ужасами войны в ее первые годы, когда ситуация для Советского Союза была крайне тяжелой. В двух своих произведениях¹⁰⁴, относящихся к этому периоду, Рахтанов без прикрас старается изобразить действительность, передать настроения, царившие среди людей.

Спорт – весьма важная тема для писателя. Уже в самой ранней повести для детей изображены сцены соревнования по боксу и состязания в беге. Рахтанова, как отмечает С. Сивоконь, можно назвать «одним из пионеров спортивной темы: в 30-х годах рядом с ним можно было поставить только Льва Кассиля с его знаменитым “Вратарем Республики” и “Черемышем”»¹⁰⁵. Его очерки и рассказы, посвященные спортсменам, издавались многократно в течение всей жизни писателя, что говорит о широкой популярности у аудитории.¹⁰⁶

---

¹⁰³ Рахтанов И. А. Случай с актером // Мурзилка. 1943. № 10. С. 12–13.

¹⁰⁴ Рахтанов И. А. 1) Личное оружие поэта. С. 371–377; 2) Король ринга на партизанской тропе // Рахтанов И. А. На широтах времени. С. 104–122.

¹⁰⁵ Сивоконь С. Умение удивляться // Рахтанов И. А. Потомки Маклая: Докум. повесть; Спортивные рассказы. С. 9.

¹⁰⁶ Рахтанов И. А. 1) Батерфляй: спортивные рассказы. М.: Правда. 1939; 2) Чемпионы: рассказы: для старшего возраста. М., Л.: Детиздат. 1939; 3) Без точки;

Спортивные очерки Рахтанова знакомят читателя с разными видами спорта (например, бокс, плавание, бег, самбо, гребля), при этом их объединяет множество общих черт. Для зрителя, наблюдающего со стороны, спорт – это соревнования, в которых победа дается спортсменам легко и естественно. Рахтанов стремится показать, как нелегко достичь успеха; раскрыть переживания и эмоции спортсменов, сделав их ближе к читателю. Детальное описание тренировок является сильной стороной рассказов и помогает не только продемонстрировать то, что это тяжелый и неустанный труд, но и позволяет читателю узнать особенности отдельных видов спорта, а также – технику спортсмена.

Вслед за очерками о спортсменах Рахтанов пишет про своих современников, которые встречались писателю на его литературном пути и оставили в памяти немало воспоминаний. Портретные очерки, входящие в сборник «Рассказы по памяти» (1966)¹⁰⁷, впоследствии становятся важной частью его творческого наследия.

В своих мемуарах автор, рассказывая о людях, стоявших у истоков советской литературы, рисует общую картину того времени. В них прослеживаются характерные для писателя черты: внимание к деталям, использование документальных источников, юмористический оттенок и т.д. Несмотря на то, что не все фигуры, представленные на страницах книги,

---

Баттерфляй: рассказы о советских пловцах, рекордсменах Бойченко и Мешкове. М.: Физкультура и спорт. 1940; 4) Книга для болельщиков: рассказы о спортсменах. М.: Советский писатель. 1940; 5) Четыре медали // Мурзилка. 1947. №4. С. 10–11; 6) Высший класс: рассказы о трех поколениях советских спортсменов. М.: Московский рабочий, 1948; 7) Паспорт чемпиона: Рассказы: для среднего и старшего возраста. М., Л.: Издательство и фабрика детской книги Детгиза в Москве, 1948; 8) Друзья мои – спортсмены: очерки. М.: Военное издательство, 1949; 9) [Рассказы о спортсменах] // Пестрая книга. С. 141–217; 10) Из «Книги для болельщиков» // На широтах времени. 1973. С. 82–210; 11) Спортивные рассказы // Потомки Маклая; Спортивные рассказы. С. 91–207; 12) Из «Книги для болельщиков» // На широтах времени. 1980. С. 82–210.

¹⁰⁷ В общей сложности сборник был переиздан 5 раз: в издательстве «Советский писатель» в 1966, 1969, 1973, 1980 гг. и в 1971 г. в издательстве «Детская литература».

были хорошо знакомы писателю, ему удастся оживить образы этих людей и эмоционально заразить читателя.

В последние годы жизни, несмотря на ухудшающееся здоровье, заключив договор с издательством «Советский писатель» в 1976 г., начал работу над повестью «Утренний человек». В основе сюжета лежала биография Ивана Осиповича Коломийцева, первого посла Советской России в Персии.¹⁰⁸ Однако из-за болезни Рахтанову не удалось закончить свою книгу.

В 1979 г. писатель скончался. Был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

---

¹⁰⁸ См.: [Заявка на публикацию повести «Утренний человек». Издательский договор] // РГАЛИ Ф. 1234 (Издательства «Советский писатель»). Оп. 22. Ед. хр. 707. Л. 9–16.

ГЛАВА II. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ «ЧИН-ЧИН-ЧАЙНАМЕН И БОННИ СИДНЕЙ». ИЗМЕНЕНИЯ СЮЖЕТНОГО ПЛАНА

Как уже было отмечено в предыдущей главе, первая детская повесть писателя «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней» имеет две отличные друг от друга редакции, изданные с разницей в 27 лет. Интересно провести их текстологическое сопоставление.

Поскольку имеется различное понимание задач текстологии, следует уточнить, что в данной работе будут применяться принципы, сформулированные Д. С. Лихачевым и его сторонниками. Согласно данной теории, текстология изучает историю текста произведения в тесной связи со «множеством вопросов историко-литературных, исторических, историко-бытовых и пр., и пр.»¹⁰⁹. Это позволяет более глубоко понимать содержание и смысл произведения, а также замысел автора при анализе разночтений и объяснении причин изменений текста.

Творческая история первой детской повести Рахтанова началась в конце 20-х гг. и закончилась в конце 50-х гг. В течение этого периода вплоть до переиздания книга была предана забвению. В письме Л. Чуковской Л. Пантелееву упоминается статья о забытых книгах, в которой она хотела напомнить читателю об 11 детских писателях и их книгах, в том числе и о «Чине» Рахтанова¹¹⁰. Однако в напечатанной статье места для повести Рахтанова не нашлось¹¹¹. Как оказалось, в подобном упоминании не было необходимости: произведение было переработано автором в 1956 г. и спустя

---

¹⁰⁹ Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.: Наука, 2006. С. 11.

¹¹⁰ См.: Пантелеев Л., Чуковская Л. Пантелеев Л., Чуковская Л. К. Переписка, 1929-1987. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 100.

¹¹¹ См.: Чуковская Л. О книгах забытых или незамеченных // Вопросы литературы. 1958. №. 2. С. 42–71.

два года вновь увидело свет¹¹². В новой редакции повесть претерпела существенную правку: общее количество обнаруженных разночтений составляет 368 штук.

Неизменной осталась общая линия повествования: на основе своего личного опыта, автор рассказывает об истории русского мальчика, который невольно оказался в американском пансионе, находящейся в другой стране. Повесть ведется от первого лица: повествователь – главный герой, сын большевика. Из-за революции мальчику пришлось покинуть родной город на неопределенный срок, но, в итоге, в новой среде он провел всего лишь две с половиной недели, после которых смог возвратиться домой. За время пребывания в школе главный герой пережил многое: знакомство с одноклассниками, строгий распорядок дня, новые дисциплины, боксерский поединок, «пижамная ночь» и состязание в беге.

При сопоставлении текста двух редакций повести в данной работе все найденные в процессе анализа разночтения будут разделены на две основные части. В первую часть, представленную в данной главе, входят изменения, связанные с развитием сюжета, при этом к ним относятся не только собственно сюжетные изменения, но и имена и характеристики персонажей, влияющие на развитие действия и на конфликт. Ко второй группе, рассмотренной в следующей главе, относятся разночтения, касающиеся стилистической правки, правки, уточняющей отдельные элементы, и др.

2.1. Изменения в экспозиции

Первые изменения на сюжетном уровне появляются уже в экспозиции повести. Во-первых, было изменено место действия. В редакции 1931 г. американская школа, где оказываются герои, находится в Корее, в городе Чемульпо (современное название – Инчхон), и называется «Чемульпоуская

---

¹¹² См.: *Рахманов И. А.* 1) Денис Ощепков и Банни Сидней: повесть // Голубятня: сборник. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 227–257. 2) Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней // *Рахманов И. А.* Годы учения: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1958. С. 92–140.

подготавливающая к университету академия». В редакции 1958 г. школа располагается в Китае, в городе Циндао, и становится «Циндаоской, подготавливающей к университету, академией». Данное изменение, в отличие от прочих, не является нововведением, а представляет собой возвращение к авторскому замыслу. Как уже отмечено в биографии Рахтанова, писатель учился в подобной американской школе в Китае и в своих воспоминаниях не раз говорил о том, что школа, в которой учится герой его первой повести, находится в Китае. Кроме того, по воспоминаниям Л. Кассиля, Рахтанов, читая у него в гостях свежую рукопись повести, говорил о школе, находящейся в китайском городе Циндао¹¹³. Предположительно, причиной замены места действия стал конфликт на Китайской-Восточной железной дороге, произошедший в 1929 г., в то время, когда первая редакция готовилась к печати. Данный конфликт привел к разрыву дипломатических отношений СССР с Китаем, отчего, по цензурным соображениям, школа из Китая могла быть перенесена в Корею. На момент переработки повести СССР и КНР поддерживали дружественные отношения, и потому автор смог вернуться к своему изначальному замыслу.

Во-вторых, автор расширяет мотивировку перемещения главного героя в американскую школу. В редакции 1931 г. объясняется только причина, по которой возникает необходимость покинуть родной город: из-за гражданской войны отец повествователя должен отправиться в тайгу в обход белогвардейского окружения – обстоятельства, слишком опасные для ребенка, отчего взять его с собой нельзя, но, почему он очутился именно в американской школе в чужой стране, остается неясным. В редакции 1958 г. автор раскрывает этот момент, вводя в повествование нового персонажа – капитана корабля Ивана Терентьевича Сиверцова, старого гимназического приятеля отца.

---

¹¹³ См.: *Кассиль Л. А. Про кого пишет Рахтанов? // Рахтанов И. А. Пестрая книга: для старшего возраста. М.: Дет. лит., 1967. С. 218.*

Отец повествователя, стремясь оградить ребенка от опасности, передает его капитану Сиверцову, вместе с которым мальчик должен был отправиться в морское путешествие в нейтральный порт ожидать возвращения родного города советской власти, но капитан оказывается сторонником белых и сотрудником фирмы «Братья Скавельские с сыновьями», выступающей под американским флагом. Капитан, желая перевоспитать ребенка в соответствии со своими представлениями, планирует отдать его в американскую школу. Признание капитана в его истинных убеждениях и намерениях становится для повествователя моментом, когда он впервые в жизни встречает «предательство, обманы, вероломство»¹¹⁴. В стремлении избежать дальнейшей встречи с капитаном-предателем мальчик соглашается, в конце концов, начать учёбу в незнакомом и чужом для него городе в американской школе.

Появление нового персонажа не только делает повествование более достоверным и убедительным в фактическом и психологическом отношении, но и вносит дополнительные интересные смыслы. Так, возникает сюжетный и идейный параллелизм между двумя парами противостоящих друг другу персонажей: с одной стороны, отца-большевика и его приятеля-монархиста, поддерживающего капиталистов (их противостояние началось еще с гимназической скамьи), с другой стороны, главного героя, усвоившего отцовское воспитание, и американского школьника, типичного представителя привилегированной части капиталистического общества. Представители старшего поколения – отец повествователя и капитан Сиверцов – будто бы передают младшему поколению свой идеологический конфликт. Впрочем, капитан Сиверцов до определенного времени вынужден скрывать свою настоящую позицию, Банни же формулирует свои взгляды откровенно, как хозяин положения.

---

¹¹⁴ *Рахманов И. А.* Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней. С. 95. (Далее ссылки на первую и вторую редакции даются в тексте с указанием страниц и со следующим сокращением: Чин-1931 и Чин-1958).

Советская детская литература того времени должна была выполнять идеологические задачи: «воспитание любви к Родине, к своему народу, возвращение братских чувств к народам других стран, подготовка детей к мирному созидательному труду, взлелеивание лучших черт социалистического гуманизма, воплощенных в идеях Коммунистической партии»¹¹⁵. В соответствии с такими установками в эпизоде с капитаном Сиверцовым автор показывает явное неприятие его героем жизненных правил, существовавших при царской власти и господствующих в капиталистическом мире. Таким образом, новое начало истории приобретает идеологически правильный воспитательный характер, сохраняющийся в дальнейшем на протяжении всего произведения.

В-третьих, происходит замена имени главного героя: Борис становится Денисом. Предполагаемой причиной замены имени в этом случае является то, что новое имя – Денис – имеет английский эквивалент Dennis, и от этого иностранцам становится удобней его запомнить и произнести. Такая замена помогает писателю в дальнейшем сблизить повествователя с его единственным в школе приятелем, Фор Бинзом. Недаром только в редакции 1958 г. Фор начинает называть русского мальчика по его имени, а не по прозвищу «Чин», как в редакции 1931 г. Помимо этого, в первой редакции главный герой остается безымянным вплоть до развития действия, тогда как во второй редакции первое упоминание его имени появляется уже в разговоре с капитаном Сиверцовым.

2.2. Изменения в завязке

Завязки обеих редакций повести в целом практически не отличаются – это знакомство русского мальчика с одноклассниками. После заселения в школу, к нему заглядывают одноклассники-американцы, вожак которых

---

¹¹⁵ *Полевой Б.* Советская литература для детей и юношества // Второй всесоюзный съезд советских писателей 1954 г.: стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956. С. 45.

впоследствии становится его соперником. Имя вожака в редакции 1931 г. – Бонни Сидней; в редакции 1958 г. – Банни Сидней. Причина замены «о» на «а» точно не известна, однако можно предположить, что имя во второй редакции соответствует американскому произношению английского имени, отчего такая транскрипция подчеркивает американское происхождение и, главное, – самосознание данного персонажа.

Стоит отметить, что во второй редакции также были изменены имена ряда других персонажей, появляющихся в развитии действия.

2.3. Изменения в развитии действия

В развитии действия, состоящем из четырех эпизодов (утренняя гимнастика, завтрак в столовой, урок спеллинга, боксёрский поединок), было сделано наибольшее количество переработок.

Первый эпизод, следующий за знакомством с одноклассниками и знаменующий начало новой школьной жизни повествователя, – утренняя гимнастика. В сцене, где наставник класса капитан Конверверт¹¹⁶ проводит переключку, обнаруживается замена имени одного из второстепенных персонажей, помощника Банни Сиднея: вместо Айзэка Эзра он становится Монти Колтикоттом. Замена еврейских по происхождению имени и фамилии «Айзек Эзра» может быть связана с рядом причин. Во-первых, в редакции 1958 г. на примере отношения Банни к Фору Бинзу и китайскому мальчику четко показано, что главный антагонист воспитан в духе расовой нетерпимости, и потому человек, являющийся его правой рукой, никак не может иметь такое имя. Во-вторых, Айзек Эзра – «сын торговца опиумом, в честь которого названа целая улица в Шанхае» (Чин-1931, 23). В связи с тем, что Опиумные войны в Китае были инициированы Великобританией, отец помощника Бонни (Банни), будучи торговцем опиумом, вероятней всего,

---

¹¹⁶ Фамилия данного персонаж в редакции 1958 г. пишется как «Конверворт». Информацию о данной фамилии не удалось, однако можно предположить, что замена «е» на «о» связана с правилами транскрипции.

является англичанином и вряд ли может носить фамилию «Эзра». «Монти Колтикотт», в свою очередь, имеет англо-саксонское происхождение. Люди с фамилией Colticott и близкими к ней Calcott, Calcutt, Caldecot, входили в число первых поселенцев Нового Света, а имя «Монти» в 50-60 гг. являлось достаточно распространенным в Америке. В результате выбранная замена имени в большей степени подходит для американского мальчика, помогая усиливать правдоподобие. Вместе с этим, можно предположить, что вариант имени в редакции 1931 г. мог быть выбран автором из числа его действительных одноклассников во время учебы в подобной школе.

Помимо этого, в редакции 1958 г. в конце эпизода появилось дополнение: после того, как Банни вызвали из строя, кроме обычных упражнений, «он показал, как скауты Соединенных Штатов помогают полиции оттеснять толпу» (Чин-1958, 99). Это напомнило Денису о рассказе отца о том, как в царские времена жандармы и полиция так же разгоняли людей, вышедших протестовать против существовавшего тогда политического режима. Чувствуя неприязнь к притеснителям свободы, Денис отказался выполнять такое упражнение, и это с самого начала пребывания русского мальчика в пансионе привело к недовольству учителя новым учеником. Дальнейший ход событий усиливает зародившееся сразу же противостояние между Денисом и педагогами американской школы.

Итак, вводится очень важная составляющая конфликта. В отличие от других учеников, которые беспрекословно признают авторитет взрослых-учителей, поддерживающих систему американских ценностей, главный герой поступает исходя из собственных принципов, заложенных в него отцом, и потому неизбежно оказывается в оппозиции к администрации и преподавательскому коллективу буржуазного частного учебного заведения. Здесь вновь возникают и параллели между повествователем и его отцом, между старшим и младшим поколениями. Денис, словно принимая от отца, сражающегося против сторонников царизма, знамя Революции, выступает

против приверженцев капитализма, прежде всего, в лице американцев – своих соучеников и их наставников.

Выбор Банни в качестве лица, демонстрирующего скаутские упражнения, сделан не случайно. Во-первых, именно Банни станет для рассказчика главным антагонистом, воплощением всего, что для него неприемлемо, что ему чуждо и враждебно. Тем самым обозначаются истоки основного конфликта и его главные участники. Во-вторых, скаут Сидней – чемпион школы по боксу и знает толк в применении силы. В-третьих, в дальнейшем повествовании не раз будут возникать случаи, когда Банни использует полученные боевые навыки для разрешения любых повседневных вопросов. Например, во время завтрака в столовой в разгар словесной перепалки между Денисом и Банни, первое, что приходит в голову американскому школьнику, – бокс. При появлении китайского мальчика на территории пансионского парка, Банни с посохом наперевес стремглав помчался выгонять его ударами по лицу. Это укрепляет впечатление того, что в американской школе учат действовать только с помощью грубой силы, не заботясь об объяснении, когда и где такую силу следует применять.

После утренней гимнастики ученики оказываются в столовой. При переработке эпизода завтрака изменения текста затронули образ экономки, симпатизирующей русским. В редакции 1931 г. это российская немка, которая «во время империалистической войны была сестрой милосердия на русском фронте» (Чин-1931, 10). В редакции 1958 г. становится латышкой, а информация о сестрах милосердия оказывается выпущенной.

Необходимость такой переработки было обусловлена, прежде всего тем, что сочетание «русской немки» и «сестры милосердия» являлось непонятным для читателя 1958 г. На момент выхода первой редакции сочетание «сестра милосердия» все еще активно употреблялось в быту, и не вызывало у читателя вопросов. Тогда как к 1958 г. данное понятие вышло из употребления, и вместо него стало использоваться слово «медсестра». По

этой причине, чтобы не отвлекать читателя от сюжета, автор выпустил «сестру милосердия» из текста. В свою очередь, замена национальности вызвана переменой отношения к немцам в России. В 1931 г. в России проживало большое количество немцев, и даже существовала Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья, отчего то, что немец может оказаться своим, было понятно. Однако после событий Великой Отечественной войны немцы стали восприниматься большинством детей как враги. Выбор в пользу латышки был сделан, возможно, потому что, во-первых, экономка изначально могла быть немкой из Риги, в которой большую часть населения составляли немцы, и как только возникла необходимость замены, автор выбрал следующую группу местных жителей – латышей. Во-вторых, к выходу второй редакции Латвия находилась в составе СССР, и потому читателю не нужно было объяснять симпатии экономки к повествователю. В то же время, возможен другой вариант: экономка изначально была латышкой, но в 1931 году Латвия была самостоятельным государством, в связи с чем автор заменил ее национальность на немецкую, а потом вернулся к исходному варианту во второй редакции.

Следующее существенное различие обнаруживается в эпизоде урока спеллинга – единственного подробно описанного занятия, на котором русский мальчик побывал, пока дирекция школы еще не освободила его и соперника от занятий для подготовки к боксерскому поединку.

В начале урока учитель мистер О’Бдуд, стремясь обыграть задание для учеников с помощью истории о забытом правописании слова «спеллинг», спрашивает аудиторию: «Так вот, мальчики, не поможете ли вы мне, старому мудрецу, уже начавшему забывать спеллинг таких простых слов, как слово “спеллинг”. Кто хочет, мальчики, отправиться в страну правописания? Фор Бинз, например?» (Чин-1958, 102). В редакции 1931 г. обращение к Фору выглядит весьма нейтральным, любой ученик мог бы оказаться на его месте. В редакции же 1958 г. урок из занятия по правописанию превращается в

класс обучения дискриминации и расизму. Учитель целенаправленно обратился к Фору, не за тем, чтобы услышать его ответ, а для того, чтобы высмеять его, показав тем самым другим ученикам, как нужно относиться к тем, кто не является чистокровным американцем: «ему никогда поэтому не понять и не полюбить всю божественную красоту нашего классического правописания» (Чин-1958, 102). Несмотря на то, что Фор, в отличие от «американского мальчика» Банни Сиднея, на которого надеялся учитель, правильно сказал ответ, мистер О'Бдуд сделал вид, что не услышал его.

Преображенный во второй редакции мистер О'Бдуд – первый взрослый, открыто проявляющий американский национализм, с которым Денис постоянно сталкивается в школе. То, что таким персонажем становится именно учитель, представитель интеллектуальной и гуманной профессии, человек, влияющий на формирование личности своих воспитанников, обязанный особенно строго отвечать за свои слова и поступки, служит, чтобы показать: американский национализм свойственен не какой-то маленькой группе малообразованных людей, а распространен во всех слоях общества, является повсеместно признанной и насаждаемой идеологией.

Школа-пансион служит моделью такого рода общества, где роль учителей весьма важна, так как они передают ученикам не только знания, но и нравственные принципы. Когда учитель поощряет национализм и расизм, школьники, у которых еще не сформировалась собственная моральная система, естественно, берут с него пример. Поэтому поведение мистера О'Бдуда в какой-то степени объясняет, почему все школьники выстроили враждебные отношения к Фору и Денису.

После урока начинается подготовка к боксерскому поединку, во время которой между повествователем и Фором зарождается дружба.

Их общение начинается с того момента, когда Фор заходит к русскому мальчику после первой тренировки в гости и предлагает стать секундантом в

боксерском поединке. Однако меняются мотивировки Фора. В редакции 1931 г. Фор – по происхождению метис японки и американца, самый маленький ученик в классе, который из-за своих корней постоянно подвергается насмешкам со стороны Бонни и других учеников, слепо копирующих поведение своего лидера. «Все боятся Бонни, – сказал Фор. Но покажите мне хотя бы одного мальчика, который любил бы его. В нашей школе подобных нет» (Чин-1931, 19). Желая прекратить издевательства Бонни и нейтрализовать враждебную для себя атмосферу, Фор ищет помощи у Бориса – единственного, кто, по его мнению, способен лишить Бонни авторитета в ученической среде. Подобные причины поведения героев понятны любому школьнику и не требуют каких-либо дополнительных пояснений.

В редакции 1958 г. Фор является единственным из одноклассников, не признающим положение Бонни в школе. При этом из-за своего полуамериканского происхождения он становится жертвой постоянных насмешек уже со стороны не только одноклассников, но и учителей: «Фор Бинз происходит от филиппинки! Он не чистокровный белый, не стопроцентный янки. В нем только пятьдесят процентов настоящей крови. <...> Быть может, вы снизойдете до нас и скажете нам, как пишется это слово, вы, филиппинское величество?» (слова учителя спеллинга мистера О'бдуд) (Чин-1958, 102). Если в первой редакции Фор еще хоть как-то общается с другими учениками (например, со своим соседом по комнате, Вильямом Пирччем¹¹⁷), то во второй редакции других контактов у Фора нет. Таким образом, Фор оказывается в совершенном одиночестве. Появление русского мальчика, попавшего в схожее положение, становится для Фора возможностью хоть с кем-то подружиться и получить помощь. «Они все

---

¹¹⁷ В редакции 1958 г. фамилия данного персонажа пишется через одно «ч» – Пирч. Далее по тексту при упоминании данного персонажа в событиях, не претерпевших изменений в редакции 1958 г., будет использоваться второй вариант, соответствующий современному принципу транслитерации американской фамилии.

настроены против вас так же, как и против меня» (Чин-1958, 125) – говорит Денису Фор.

В свою очередь в возникновении симпатии повествователя к Фору в обеих редакциях немалую роль играет сочувствие. В редакции 1958 г., помимо сочувствия, второй причиной сближения Дениса с Фором становится наличие у обоих персонажей собственного мнения. Отсутствие личного мнения среди учеников, замеченное повествователем при первой встрече, тяготило его: «Новые знакомые мне не понравились. <...> Нет у них собственного мнения! Все повторяют, что скажет Банни. <...> Как найти среди них друга, товарища? С кем мне здесь водиться?» (Чин-1958, 99). Слова Фора, произнесенные им во время первого разговора с Денисом, показывают, что в школе есть человек, с которым можно дружить. «Банни лучше всех дерется, – сказал Фор, – кроме того, тут убеждены, что лучше его никто не умеет рассказывать на пижамных ночах. А он хуже всех. Так мне кажется, мастер Чин-Чин-Чайнамен» (Чин-1958, 106).

После второй тренировки в редакции 1958 г. добавлена сцена, в которой Банни вместе с другими учениками окружил Фора и начал угрожать ему: «Одна минута схватки, один хороший удар, и Чин-Чин-Чайнамен лежит в глубоком обмороке. А тогда, Фор Бинз, берегитесь, я пройду по вашей зеленой коже, она у меня станет оранжевой, вы, филиппинец» (Чин-1958, 108). Увидев происходящее, Денис тут же вступился за Фора: «Отстаньте от него <...> мы встретимся с вами на ринге» (Чин-1958, 108). Данная сцена представляет собой подтверждение того, что совместная борьба повествователя и Фора с американским окружением по-настоящему началась.

Важно отметить, что изменение национальности матери Фора выглядит неслучайным. Причин для этого несколько. После того, как во время Второй мировой войны Америка нанесла атомные удары по японским городам Хиросима и Нагасаки, брак между японкой и американским шкипером

выглядел неубедительно, и представлялся читателю редакции 1958 г. странным. В связи с этим Фор, как сторонник Дениса, никак не мог иметь японские корни. Замена японки на филиппинку может быть обусловлена тем, что, во-первых, Филиппины долгое время были колонией США, так что американский шкипер мог оказаться там и найти жену среди местных жителей; во-вторых, СССР стремился распространять и поддерживать коммунистическую идеологию в азиатском регионе, а на Филиппинах как раз существовало коммунистическое движение, которое в годы работы над второй редакцией находилось в подполье, поэтому Филиппины могли выступать в роли потенциального союзника. Таким образом, дружба Фора, с его филиппино-американскими корнями, и Дениса, сына русского большевика, отражает идеологическое стремление Советского Союза.

Хотя персонаж Фор Бинза подвергся переработке, в редакциях 1931 г. и 1958 г. неизменным остается роль Фора как элемента, направляющего действие в сторону развития и сталкивающего повествователя и Бонни (Банни): после боксерского поединка именно Фор сообщает главному герою о пижамной ночи и просит его побить соперника в мастерстве рассказа перед одноклассниками; после пижамной ночи вновь просит русского мальчика победить американца в кроссе уже перед всей академией и гостями.

В эпизоде с матчем по боксу различия на сюжетном уровне отсутствуют. В обеих редакциях матч состоит из трех раундов. В первом раунде повествователь, обрадованный началом поединка, устремляется в сторону чемпиона, но оказывается бессильным перед его техникой: Бонни (Банни) разбивает ему губу. После перерыва начавший уставать русский мальчик вновь не может ничего противопоставить умению соперника и проигрывает раунд. Только к последнему, третьему раунду, главный герой начинает давать отпор. В конце концов соперник падает от сильного удара, однако победу повествователю не засчитывают: учитель по боксу выносит вердикт о нарушении правил.

Главный герой до попадания в школу никогда не занимался боксом, и поэтому за три дня тренировок не мог освоить этот вид спорта на уровне, достаточном для победы чемпиона академии. Иной исход боя был бы неправдоподобным. Вследствие этого, все обнаруженные правки в эпизоде затрагивают отдельные детали и будут рассмотрены в следующем разделе.

Последнее изменение, обнаруживаемое в развитии действия, связано с новым персонажем, появляющимся впервые на следующий день после поединка. Это китайский мальчик, который зачем-то пытается проникнуть в школу, но терпит неудачу. «Из своего окна я заметил китайского мальчика в куртке из синей дабы и соломенной шляпе с большими полями <...> сторож схватил его и вытолкнул на улицу» (Чин-1958, 113). Описание появления нового героя короткое, но этого достаточно для того, чтобы вызвать у читателя (как и у повествователя) любопытство и вопрос: почему одетый попростому посторонний человек хочет попасть в американский пансион.

2.4. Изменения в кульминации

Кульминацией повести в обеих редакциях является эпизод «пижамной ночи», в котором конфликт между двумя мальчиками – представителями двух разных систем ценностей – доходит до крайнего противостояния.

Среди обнаруживаемых в данном эпизоде изменений, первым становится дополнение вступительной речи организатора и председателя собрания Вильяма Пирча. Перед началом ночи он предупреждает участников: «все, что рассказывается здесь, на пижамных ночах, – тайна» (Чин-1958, 118). Данное добавление перекликается с дальнейшим развитием действия, в котором наставник класса узнает про собрание учеников и вызывает повествователя к себе в кабинет: «Я кое-что узнал о вашем рассказе на так называемой пижамной ночи, молодой человек» (Чин-1958, 126). Информация должна была сохраняться в тайне, но ее разгласили. Нарушение правил игры существенно по двум причинам: во-первых, в описываемой школе среди

учеников не может быть тайн. Во-первых, учителя ведут за всеми строгий надзор, что подтверждается в конце повести, когда директор Мистер Торкс¹¹⁸ рассказывает о том, как руководство читает всю корреспонденцию, получаемую учениками. Во-вторых, несмотря на слова Вильяма Пирча о важности церемонии, для кого-то из учеников значимость обрядов мизерна. Этот человек презирает законы ученического братства и школьной солидарности, шпионя за товарищами и поставляя информацию о них воспитателям. Это обстоятельство, введенное в издании 1958 г., обостряет ситуацию, делает конфликт сложнее, а повествование интереснее.

Далее во второй редакции был переработан рассказ Бонни. Действие в обоих вариантах построено на истории о вымышленном кузене Шанси У. Фильде – выходеце из бедной семьи, который в погоне за своей мечтой становится известным и успешным человеком. Выбрав подобную историю для рассказа, американский мальчик хочет показать фигуру, служащую для него образцом, а также – поставить ее в пример другим ученикам. Однако разница в данной фигуре принципиальна.

В редакции 1931 г. Шанси У. Фильд – изобретатель медных футляров для часов, который учится новому, трудится не покладая рук, последовательно идет по карьерной лестнице и при этом не забывает о любимой собаке, тогда как в редакции 1958 г. он превращается в знаменитого гангстера, постоянно стремящегося заполучить богатство любыми способами, для которого нарушение законов, вплоть до убийства, становится привычным делом.

Если в первой редакции после рассказа все ученики без исключения начинают хлопать Бонни, то во второй редакции Фор и повествователь не выражают восторга. Фор не хлопает потому, что ожидает конца собрания, чтобы разоблачить ложь Банни, раскрыв факт заимствования его истории из

---

¹¹⁸ В редакции 1931 г. фамилия данного персонажа пишется как «Торпс». Причину данной замены установить не удалось.

«Национального собственного журнала мальчиков», и доказать, что у него нет успешного и влиятельного кузена. В то же время остается неизвестным, понравилась ли Фору фигура Шанси У. Фильда. В свою очередь, повествователь недоволен рассказом, так как ему, в отличие от одноклассников, «совсем не понравился знаменитый кузен – гангстер, бандит, убийца» (Чин-1958, 121).

История Шанси У. Фильда в обоих вариантах является воплощением «американской мечты», к которой всегда стремилась американская молодежь. Первый вариант, представленный в редакции 1931 г., соотносим с принципом «советской мечты», только американский герой достигает успеха трудом лишь для себя, ради личного богатства, совершенно не думая о других. Такого рода герой, хотя и не вызывает симпатии у советского читателя, тем не менее, понятен ему, так как поведение данного героя находится в пределах моральных норм. Тогда как в случае второго варианта, Шанси – это преступник, в погоне за материальной выгодой готовый на все, даже на действия за пределами практически любой морали.

Чтобы показать юному читателю, как именно следует воспринимать историю миллионера, автор ввел реакцию повествователя. Его презрительная оценка, во-первых, демонстрирует, что подобная фигура знаменитого кузена ни в коем случае не должна быть примером для советских детей; во-вторых, говорит о том, что такие жизненные ориентиры американцев, как достижение богатства и власти любыми средствами, не следует поощрять.

Отдельные изменения внесены во второй редакции и в выступление повествователя. Большую часть в описании данной сцены в редакции 1931 г. занимает изложенная на нескольких страницах история Бориса о путешествии по Уссурийскому краю, в которой русский мальчик рассказывает о том, как вместе с китайским проводником Фу Тан-Ли убил тигра и спас своего отца из японского плена. В то время как в редакции 1958 г. главное место в сцене занимает не сама история, сжатая до

нескольких строк, а то, как Денис ведет себя, какие чувства испытывает в процессе выступления.

Необходимо отметить, что рассказ русского мальчика в обоих вариантах построен на основе его дневника. Но во второй редакции подробности путешествия в повести не раскрываются: «Рассказа своего я здесь приводить не буду» (Чин-1958, 122), и потому остается неизвестно, насколько сильно изложенное отличается от предыдущей версии. Единственное изменение, затронувшее рассказ, – манера повествования. В варианте 1931 г. Борис, ничего не опасаясь, пересказывает дневник от первого лица. В случае второго варианта, Денис, не желая быть полностью откровенным с соучениками, перерабатывает записи дневника в новеллу, рассказываемую от третьего лица.

Данные изменения можно объяснить тем, что, во-первых, автор, путем сокращения истории, повествующей о событиях прошлого и не имеющей прямой связи с главным конфликтом, стремится не отвлекать читателя от основного сюжета. Во-вторых, если изначально в развернутом содержании истории был показан ряд достоинств главного героя: смелость, выносливость, умение ориентироваться в лесу и т.д., то в переработке с помощью описания того, что думает и чувствует рассказчик во время своего выступления, были выделены другие его качества: скромность, порядочность и мудрость – более характерные для данного персонажа во второй редакции. Денис в целом ведет себя более осторожно и скромно. Находясь в совершенно чуждой обстановке, он не желает целиком и полностью раскрывать себя, и, тем более, не хочет выставлять себя героем. Чувствуя недружественное отношение школьников, русский мальчик понимает, что в правдивость случившегося они вряд ли поверят. Осознав ситуацию, благодаря своему решению рассказчик избегает неприятного положения, поступая скромно и мудро. За счет этого разница между ним и его главным антагонистом усиливается.

В редакции 1931 г. несмотря на то, что при выборе лучшего рассказчика, голосование окончилось вничью, после раскрытия плагиата Бонни председатель собрания сразу же объявил о победе русского мальчика. При этом выдвинутое им предложение напечатать рассказ в школьном журнале получило поддержку других учеников. Однако в редакции 1958 г. до момента разоблачения все школьники, кроме Фора, выбрали в качестве победителя Банни. После того, как Фор раскрыл источник победившей истории, авторитет Банни в глазах его соучеников начал разрушаться, но в дело вмешался Вильям Пирч: «остановитесь и слушайте меня внимательно. После всего, о чем мы только что узнали, я снова спрашиваю вас – кто же победил сегодня? И сам отвечаю: победил Банни Сидней...» (Чин-1958, 124). Председатель «пижамных ночей» принимает решение о победе американского мальчика, убеждая всех, что использование чужого текста для достижения победы – это настоящий американский поступок, поступок бизнесмена, а быть деловым преуспевающим человеком важнее всего.

Перемены в поведении школьников служат свидетельством того, как американская система воспитывает детей. Изначально ученики реагируют на факт плагиата отрицательно. Такое поведение выглядит весьма естественно, ведь они оказались обмануты, причем человеком, являющимся для всех идеалом. Но все меняется после объяснения старшего среди них Вильяма Пирча. Обман, представленный как способ достижения «американской мечты», вызывает у участников собрания одобрение. В результате, авторитет Банни, начавший было разрушаться, восстанавливается; чемпион школы продолжает служить для мальчиков примером.

Важным становится то, что последнее слово оказывается за учеником, чей возраст и статус выше. Вильям, хорошо усвоивший за годы обучения, американскую систему ценностей, становится наставником младшего поколения, поддерживая преемственность поколений.

Таким образом, переработка финала данного эпизода обостряет разницу, существующую между Денисом и американским окружением. Мечты американцев о карьере бизнесмена, во главе всего ставящего личную выгоду, для советского человека неестественны, чужды. То, что, в конце концов, Банни побеждает Дениса, в действительности является победой не американского школьника, а американских ценностей и подчиненности авторитету.

В редакции 1958 г. после завершения «пижамной ночи» была изменена сцена разговора Фора с Денисом, в которой первый просит крепко побить Банни в кросс-коунтри, запланированном на следующей неделе. В первой редакции Фор произносит лишь фразу «Побейте Бонни. Только крепко» (Чин-1931, 61), не давая дополнительных пояснений, тогда как во второй редакции Фор не только объясняет сложившееся положение: «Интересным рассказом тут ничего не сделаешь <...> все равно они не поймут» (Чин-1958, 125), – но и подает идею о том, как все-таки победить американцев, используя понятные им методы: «надо как-нибудь иначе, чтобы все было просто, и, бесспорно, нужна сила» (Чин-1958, 125). Американцы понимают силу, и потому отвечать им нужно тоже силой.

Переработка была необходима в связи с тем, что в редакции 1931 г. отсутствовал логический переход от эпизода пижамной ночи к состязанию в беге. Борис уже одержал победу над Бонни в искусстве рассказчика, и не совсем ясно, по какой причине он должен продолжать бороться. Впрочем, это возможно объяснить тем, что каждый из мальчиков уже единожды выиграл, отчего возникает ничья. Поэтому требуется провести третье состязание, чтобы решить, кто же является победителем. Но возникает другой вопрос: почему третье соревнование оказывается физическим? Это отмечают и критики. Так С. Сивоконь упоминает замечание одного из критиков, высказанное после первого издания: «почему это сын большевика доказывает свою правоту не силой своих убеждений, а силой своих

кулаков?»¹¹⁹ Это замечание, по мнению С. Сивоконь, помешало повести упрочить свое положение в детской литературе¹²⁰. Поэтому в редакции 1958 г. расширенная речь Фора в совокупности с поражением Дениса становятся мотивировкой очередного участия повествователя в спортивном состязании, в результате чего автору удается устранить отмеченный недостаток.

Вместе с тем, роль может играть то, что к 1958 г. в СССР спорт стали оценивать иначе: к нему стали относиться уважительнее; появился профессиональный спорт; советские спортсмены начали участвовать в престижных международных соревнованиях и занимать призовые места, повышая тем самым авторитет спорта. С учетом этого, добавленный комментарий Фора делает спортивную победу Дениса весьма почетной.

На другое утро после разговора с Фором Денис вновь видит у ворот школы китайского мальчика. Если при первом появлении действия мальчика могут восприниматься как случайность, ввиду того, что школа располагается в китайском городе, и вполне возможно, что какой-то местный житель из интереса захочет посмотреть ее поближе, то второе его появление, опровергает подобную версию. Денис понимает: тот не только пытается попасть на территорию школы, но и кого-то ищет. Тем самым усиливается ожидание разгадки личности нового персонажа.

Несмотря на отсутствие подробной информации, в двух имеющихся описаниях проявляется ряд значимых черт, характеризующих китайского мальчика: смелость и настойчивость. Вопреки висящей при входе в академию вывеске, надпись на которой гласит: «Вход китайцам и собакам воспрещен»; вопреки тому, что сторож выгнал его на улицу, а Банни, ударив по лицу, вытолкнул в сторону, китаец все-таки пытается войти в чужое и опасное для него пространство и найти пока еще незнакомого ему человека. Притом

---

119 Сивоконь С. [Рец. на кн.: Рахтанова И.А. Пестрая книга. М.: Дет. лит., 1967.] // Новый мир. 1968. № 1. С. 279–280.

120 Там же. С. 279.

создается некая связь между ним и повествователем. «Я вижу, как Банни бьет китайца по лицу <...> здесь я рассчитаюсь с ним за все. И за этого китайского мальчика...» (Чин-1958, 126) – Денис, увидев, как Банни относится к незнакомому человеку, принимает решение, которое становится основой для возникновения линии дружбы представителей двух народов, разворачивающейся впоследствии в развязке повести.

Кроме того, в добавленном фрагменте укрепляется отрицательная характеристика образа Банни. Если в первой редакции негативное впечатление о Банни могло быть субъективным, поскольку оценку дает повествователь – его соперник, то во второй редакции поведение Банни при виде незнакомца, хотя и увидено глазами Дениса, – вполне объективный факт, четко свидетельствующий, что американский мальчик груб, жесток и воспитан в духе расизма.

2.5. Изменения в развязке

За первую неделю, которую повествователь провел в новой школе, коллизия между двумя мальчиками достигла предела, и наступила пора решительного этапа – состязания в кросс-коунтри. Соревнование устраивается в честь Дня благодарения, на праздник в школу приедут гости: консул, матросы и офицеры канонерки.

Первое, что следует отметить среди различий в развязке повести касается финальной подготовки русского мальчика к бегу. В редакции 1931 г. Борис отправляется в американский магазин, чтобы купить резиновые губки в качестве смягчающей подкладки для обуви, тогда как в редакции 1958 г. место американских резиновых губок занимает специальная мягкая травка, которую Денису когда-то во время путешествия по тайге показал китайский зверолов и опытный проводник Фу Тан-ли.

Смягчающая подкладка для обуви вполне могла оказать важную помощь при беге и способствовать тому, что повествователь, в конце концов,

пришёл к финишу первым, т. е. подкладка является одним из значимых факторов, обеспечивающих победу русского мальчика. Если в первой редакции таким значимым фактором становится предмет американского производства – победа над американцами достигается с их же собственной помощью. Во второй редакции, напротив, значимый фактор – это знания и навыки, полученные Денисом от китайского проводника – победа над американцами достигается только благодаря собственным силам героя; ему не требуется американская помощь, он самостоятелен. Вместе с тем, данная правка могла быть обусловлена бытовыми и психологическими мотивировками. В первой редакции у повествователя есть свободные деньги, возможность взять отпуск и выйти из пансиона, умение легко сориентироваться в незнакомом городе и знание, что именно необходимо выбрать в магазине. Во второй редакции Денис оказывается в школе, жизнь в которой, несмотря на комфортабельные условия, напоминает ему заточение. В случае сохранения фрагмента в неизменном виде у юного читателя могли возникнуть вопросы, ведь тогда остается неясным, обеспечил ли капитан Сиверцов мальчика деньгами; откуда Денис знает незнакомый город и ассортимент продаваемых товаров. Спросить у одноклассников или учителей он не мог, так как ни с кем, кроме Фора, не проявлял откровенность, да и, судя своему по характеру, в принципе не стал бы обсуждать с кем-либо свое снаряжение. В итоге во второй редакции рассказчик проявляет свойственную ему изобретательность, устраивая все внутри пансиона без денег и советов.

После начала соревнования по бегу, в тот момент, когда повествователь теряет из вида соперника и начинает звать его, в редакции 1958 г. вместо ожидаемого Банни появляется китайский мальчик. В этот раз ничто не мешает ему, и он обращается к Денису с речью. Личность китайского мальчика, ранее вызывавшая любопытство, раскрывается: его зовут Сун Да-сян, его отец находится под командованием отца повествователя – «комиссара партизанского отряда имени товарища Сергея

Лазо» (Чин-1958, 131). И всё это время он искал именно Дениса, чтобы передать вести с родины. Неожиданная встреча придала русскому мальчику сил, и после разговора с Сун Да-сяном он ускорил свой бег.

Персонаж китайского мальчика выступает одновременно в нескольких ролях. Во-первых, он – посыльный комиссара, способствующий созданию прямого контакта между отцом и сыном. Если до этого Денис полагал, что он остался в абсолютном одиночестве и отцу ничего неизвестно о его текущей судьбе, то слова Сун Да-сяна: «ваш отец очень беспокоится о вас – он всегда думает, как вам живется у американцев...» (Чин-1958, 131) – дают Денису настоящую поддержку, чувство того, что отец теперь рядом с ним.

Во-вторых, Сун Да-сян – новый участник противоамериканского антирасистского союза. Поведение Дениса в школе вызывает у китайца почтение и одобрение. Обобщая в своей речи отрицательный образ американцев, он показывает, что совершенно им не симпатизирует. По собственной инициативе протягивая руку, Сун Да-сян предлагает свою помощь Денису. Вежливость китайского мальчика, наличие собственного мнения, веселый характер, способность спокойно разговаривать на бегу на иностранном языке вызывает у повествователя симпатию и восхищение, и он с радостью отвечает на рукопожатие. В результате, Сун Да-сян присоединяется к Денису и Фору, расширяя границы их содружества.

В то же время в данной сцене прослеживается мотив контроля над физиологическими процессами посредством воли и разума героя. Поддержка близкого человека и нового товарища воодушевляет русского мальчика, который теперь ощущает всю значимость своей победы: «моя победа станет их победой» (Чин-1958, 133) – первое место в соревновании является триумфом не только для него, но и для всех служащих ему опорой людей. Усиление бодрости духа, несомненно, должно было придать герою физических сил, и потому бежать ему стало легче.

Следующим изменением, внесенным после сцены, где повествователь приходит к финишу первым, оказывается введение шумной толпы китайцев, встречающей его: «Все они, должно быть, пришли посмотреть, чем закончится бег <...> Всем было интересно, кто победит, всех это касалось, всех волновало...» (Чин-1958, 135). После того, как наставник Конверворт объявляет о победе русского мальчика, они окружают его, протягивая фрукты и сладости.

В соответствии с рекомендациями С. Маршака, Рахтанов выстраивает состязания по степени важности¹²¹, и, следовательно, с каждым этапом значимость победы русского мальчика возрастает: нокаут соперника в боксе – акт личного самоутверждения (ни учителя, ни ученики не признали её); рассказ во время «пижамной ночи» – подрыв авторитета Банни в ученической среде. Кросс, являющийся торжеством перед лицом преподавателей, американского консула и флота, во второй редакции становится победой и перед лицом китайцев – арена, на которой сражаются Денис и Банни, выходит за пределы американского общества, превращаясь в международную. Таким образом, автор использует мотив, характерный для советской литературы и кино 30-х–50-х гг., хорошо знакомый читателю: интернациональная толпа в качестве пышной декорации и свидетеля триумфа героя, воплощающего советскую систему ценностей, над врагом.

Важно заметить, что появление зрителей-китайцев, входящее в общую линию советско-китайской дружбы повести второй редакции, становится возможным благодаря изменению поведения Фора (см. ниже). В совокупности данные правки служат признаком того, что в издании 1958 г. Рахтанов стал больше заботиться о бытовой достоверности, психологической и логической мотивированности событий.

---

121 *Рахтанов И. А.* Маршак – редактор замыслов // *Рахтанов И. А.* На широтах времени. М.: Советский писатель, 1980. С. 302.

Повествователю не довелось почивать на лаврах победителя. Появление Бонни (Банни), волочащего левую ногу, становится для американцев в лице консула Белчера, не желающего признавать превосходства русского мальчика, поводом опровергнуть результаты кросса. Спешно перебивая рассуждения капитана Конверверта о выборе победителя, консул утверждает: «Бонни Сидней. Американец Сидней» (Чин-1931, 76). Однако во второй редакции толпа китайцев, показывая окружающим своим поведением, что они признали победу русского мальчика, заставляет зрителей сомневаться в словах Белчера. И хотя Банни, довольный вердиктом американского руководства, победоносно требует от русского мальчика возвращения к своей аме, слова Сиднея все же не имеют силы. По этой причине консул вынужден повторно утвердить победу американца своей решающей речью: «Итак, нам ясно, кто победил, – продолжал консул, – победил, я говорю, чемпион академии по боксу Банни Сидней! Гип! Гип! Ура!» (Чин-1958, 136).

Образ консула, в отличие от большинства других американских персонажей (учитель бокса мистер Паркс, преподаватель спеллинга мистер О'Бдуд и др.), уже в первой редакции имеет отрицательный характер. Изменения, произошедшие с консулом в редакции 1958 г., приобретают идеологическую окраску, обостряя и усиливая негативные черты данного персонажа. Это властный человек, разделяющий людей по положению и должности, строго обходящийся со своими подчиненными, который всеми силами стремится сохранить авторитет американцев, даже несмотря на очевидные факты.

В конце эпизода с кроссом консул отдает директору приказ поскорее убрать русского мальчика – нарушителя местного порядка, американского образа жизни, подчеркивая: в данной школе «ученики должны верить, что американцы всегда побеждают» (Чин-1958, 138). В решении консула, помимо рвения любыми способами поддерживать престиж соотечественников и их

слепую веру в собственную исключительность, отчетливо проявляется деспотичное отношение американцев к представителям других стран и наций: тот, кто не желает подчиняться воле США, должен быть устранен.

В конечном итоге, добавленные во второй редакции реплики консула вместе с последующими переработками образов матроса Джимми и врача канонерки «Штат Огайо» примыкают к ряду других изменений, затрагивающих совокупное изображение взрослых героев-американцев в повести.

После первого объявления о первенстве американского мальчика неожиданно из толпы зрителей раздается недовольный возглас: матрос, поставивший на повествователя деньги, не согласен с решением консула и просит пригласить корабельного доктора для проведения осмотра чемпиона. Консул соглашается, и доктор приступает к обследованию.

Изначально, в редакции 1931 г., морской доктор ведет себя в соответствии с принципами профессиональной медицинской этики и играет решающую роль в определении победителя состязаний по бегу: совершенно спокойно проводит осмотр и выносит свое решение, чем утверждает победу Бориса. «Больной в порядке. Нога здорова, пульс нормальный. Симуляция, мальчик, – сказал доктор Бонни» (Чин-1931, 78). В редакции 1958 г. доктор разительно меняется: предстает перед читателем боящимся чего-то, беспокойным, бормочущим под нос человеком. Все ожидают его диагноза, но он, долго не осмеливаясь принять решения, в конце концов отходит в сторону: «я не берусь определить, здорова нога или повреждена <...> я очень сожалею, сэр» (Чин-1958, 137).

Во второй редакции перед доктором стоит дилемма: с одной стороны, по профессиональной обязанности он должен ставить правдивый диагноз – у американского мальчика отсутствует травма; с другой стороны, он не может выступить против консула – человека, положение и статус которого выше. В

итоге доктор из честного, независимого от чужого мнения, персонажа, неизменно следующего врачебным принципам, превращается в трусливого подчиненного, заботящегося лишь о собственной выгоде. Итак, единственным, кто выделяется из толпы, создающей для повествователя враждебную атмосферу, остается моряк Джимми.

Матрос, отличающийся от других своим низким положением в обществе и осмелившийся выразить недовольство решением консула, в обеих редакциях непосредственно помогает русскому герою. Однако во второй редакции данный персонаж в большей степени характеризуется стремлением к деньгам и личной выгоде. Вместо фразы, показывающей намерение поделить выигрышем: «Я дам вам половину этих денег, если вы побьете вашего чемпиона» (Чин-1931, 69), – в реплике появляется другая, говорящая о сильном желании оставить всю сумму себе: «Я советую вам побить вашего чемпиона» (Чин-1958, 130).

Таким образом, вместе с вышеупомянутыми изменениями образов школьников, практически все американцы в редакции 1958 г. приобретают негативный оттенок. Подобные изменения, соответствующие царившей в то время идеологии и международной обстановке, делают повесть более контрастной, сосредоточивая отрицательные черты в американской группе действующих лиц.

Завершением спора о победе русского мальчика во второй редакции становится сцена, в которой Сун Да-сян бросает камень в лицо американского консула, когда же тот в ярости требует поймать наглеца, и Банни вскакивает со своего места. Раздраженный последовавшими насмешками Сун Да-сяна, он, забыв о своем притворстве, устремляется вперед и тем самым убедительно показывает окружающим, что его нога совершенно здорова. В результате, в редакции 1958 г. вместо американского доктора, не осмелившегося принять окончательного решения, ключевую роль

в установлении настоящего победителя, а значит и в разрешении конфликта, играет китайский мальчик.

В данной переработке, с одной стороны, подчеркивается то, что русский мальчик побеждает не с американской помощью, как в редакции 1931 г., а благодаря усилиям его союзников. С другой стороны, поднимается проблема отсутствия однозначного морального критерия. Бросок камня в лицо человека мог привести к тяжелой травме или даже смерти, однако поступок китайского мальчика в данной ситуации воспринимается как правильный и мудрый, поскольку жертва нападения – человек непорядочный, к тому же политический враг. Он и сам нарушает законы морали ради политических целей. Важно показать читателю, что оценка какого-либо поступка должна производиться с учетом многих факторов: окружающая обстановка, мотивы человека, совершающего действие, его социальное положение и др.

Интересно отметить, что появление китайского мальчика неизменно оказывается приуроченным к концу каждого из поединков Дениса с Банни, при этом насыщенность эпизодов нарастает с каждым разом, как и в случае с соревнованиями. В конечном итоге, помощь Сун Да-сяна приводит к освобождению Дениса из американской школы и позволяет закончить повествование на ноте интернационализма и дружбы советской и китайской стороны.

Завершением развязки в обеих редакциях является сцена с двумя главными героями, стоящими в окружении других учеников. В редакции 1931 г. данная сцена заставляет вспомнить завязку повести, в которой мальчики копируют Бонни: «Вы Чин-Чин-Чайнамен, — сказал мне Бонни Сидней. Вы – Чин-Чин-Чайнамен, — повторили другие» (1931,7). В этот раз все повторяют сказанное повествователем: «Бонни Сидней, уезжайте в Сидней, — так сказал я. Уезжайте в Сидней, — повторили другие» (Чин-1931, 78). Бонни никто не любит, поэтому после победы Бориса школьники

более не желают следовать за прежним лидером, и его место в ученической среде занимает русский мальчик. Развитие действия в итоге оформляется по принципам зеркальной композиции.

В свою очередь, в редакции 1958 г. сцена разговора с Банни выглядит иначе: ученики во всем поддерживают своего вожака, и потому, когда симуляция Банни раскрывается, им нечего сказать повествователю, отчего вслед за русским мальчиком говорит только Фор, наконец решившийся открыто высказать свое мнение. То, что Банни никак не отвечает на такое поведение Фора, иллюстрирует перемену в отношениях героев, произошедшую после победы в кроссе.

В финале редакции 1931 г. представлен комический эпизод: антагонист посрамлен смехом. Фраза, которую произносят персонажи – дразнилка, основанная на звуковом подобии, но по сути абсурдная. Если прозвище, данное в начале книги Борису, несет в себе сатирический, идеологический намек, то предложение уехать именно в Сидней оказывается эвфемизмом, означающим, очевидно, «куда-нибудь подальше», ведь город, куда предлагают уехать Бонни и куда он действительно отправляется, выбран условно, только по созвучию с его фамилией, но никак иначе не связан с американцем: это не американский порт, он расположен в Австралии (в те годы – английском доминионе).

Во второй же редакции финал вполне серьезен, лишен абсурдизма и выходит за пределы игры. Хотя он прямолинейнее в идеологическом плане, зато психологически оказывается более сложен, демонстрируя колебания, растерянность, невозможность мгновенно переродиться в товарищах Банни, возросшую уверенность в себе Фора.

Далее добавлена сцена, в которой Денис рассказывает Фору о себе, своем прошлом, об отце и истории с капитаном Сиверцовым. Фор хвалит русского мальчика: «Вы молодец, Денис! И я на месте вашего отца не

побоялся бы выдать вам оружие, чтобы вы могли вместе с другими бойцами защищать угнетенных, но и здесь, в подполье, как вы это называете, вы сделали свое дело отлично. Благодарю вас, Денис» (Чин-1958, 139).

С самого начала жизни в школе Денис, будучи скромным и осторожным подростком, не сообщает о себе Фору практически никакой информации. Хотя и Денис, и Фор внутри американской школы оказываются в схожих условиях, последний не получает полного доверия со стороны русского мальчика. Это в корне отличается от первой редакции, где Фор узнает все подробности о Борисе еще до сцены подготовки к «пижамной ночи». В редакции 1958 г. все меняется после окончательной победы. Во время состязания Фор становится помощником Дениса: он укрепляет поддержку за пределами академии, и именно благодаря ему происходит важная встреча Сун Да-сяна с Денисом; при участии Фора на финише собирается толпа китайских зрителей, а матрос канонерки начинает верить в способности русского мальчика. Иначе говоря, цепочка событий, обеспечившая победу повествователя, случается при непосредственном участии Фора, принесшего пользу противоамериканскому содружеству. Это становится одной из причин, по которой русский школьник, наконец, открывается Фору.

Другой причиной доверия является перемена в расстановке сил в школьной среде. Говоря об освобождении угнетённых, Фор подразумевает во многом себя, постоянно подвергающегося издевательствам со стороны американцев. После поражения американского мальчика Фор освобождается от гнета и начинает чувствовать себя более уверенно, и оттого способен быть полноценным союзником, ведущим дальнейшую борьбу самостоятельно.

2.6. Изменения в эпилоге

Эпилог в первой редакции, будучи весьма кратким и простым, занимает всего лишь пару абзацев. Получив от отца телеграмму, на другой

день Борис, провожаемый Фором, отправляется на родину. В это же время, Бонни, в проводах которого участвует только его двоюродный брат Айзек, уезжает в Сидней. Тогда как во второй редакции эпилог расширяется на две страницы, на которых Банни более не упоминается, а Фору не позволяют проводить Дениса, но появляется прощание с китайским мальчиком и нравоучительная речь директора, предваряющая текст телеграммы отца.

Прежде всего, следует рассмотреть сцену общения повествователя с директором. На другое утро после кросса в кабинете директора вместо ожидаемых ударов палкой, Денис выслушивает нотации мистера Торкса, в которых ему также объясняют причины необходимости его отчисления из школы. Вслед за этим мистер Торкс показывает Денису телеграмму от отца, из которой Денис узнает, что японцы, побежденные отрядами партизан, покинули Дальний Восток, и отец просит вернуть сына домой.

Слова директора вновь подчеркивают идею американского национализма. Во-первых, всё американское лучше. Поехать в Америку учиться и работать – это единственный путь к успеху. Во-вторых, вопреки перспективам, предлагаемым Денису американцами, повествователь сделал осознанный выбор в пользу своих идеалов – по мнению мистера Торкса, это весомая потеря для русского мальчика.

В то же время, посредством добавленной речи персонаж директора обретает характер, становится более живым и осязаемым. Директор предстает перед читателем типичным янки. С одной стороны, он действительно верит в безупречность американского образа жизни и искренне жалеет мальчика, который, по его мнению, потерял перспективы светлого будущего и никогда теперь не сможет познать счастье быть американцем. С другой стороны, директор проявляет лицемерие. До получения телеграммы мистеру Торксу не было ясно, что делать с Денисом. Теперь же обстоятельства сложились крайне удачно. Тем не менее, директор прикрывает свое желание поскорей отправить мальчика за пределы школы и

разыгрывает роль страдающего человека, который хотел сделать ребенка счастливым, но ему этого не позволили.

Наконец, победа партизан, благодаря которой японцы покидают родные для повествователя места, вновь позволяет провести параллели между отцом и сыном. Японцы, пришедшие на Дальний Восток, по мнению директора, также предстают спасителями, несущими добро и просвещение местному населению. Однако отец русского мальчика, командующий партизанским отрядом, вместе с другими местными жителями, выступает против японского присутствия и насаждаемой системы ценностей, продолжая придерживаться собственных взглядов. В свою очередь, Мистер Торкс желает облагородить мальчика, превратив его в янки, но Денис не принимает американских идеалов и, подобно своему отцу, борется с ними.

В тот же день, после разговора с директором, повествователь направляется на пароход, идущий в Россию. Вместе с другими китайскими мальчиками к причалу приходит Сун Да-сян. Два мальчика, переходя на «ты», горячо прощаются друг с другом.

В редакции 1931 г. кроме Фора у повествователя нет других друзей в школе, поэтому только он приходит на причал проводить Бориса домой. В редакции 1958 г., хотя Фор по-прежнему остаётся приятелем Дениса, из-за наказания, полученного за содействие русскому мальчику, прийти он уже не может. Положение Фора в значительной мере перекликается с историей коммунистической партии Филиппин, чье вооруженное восстание в середине 50-х гг. было разбито правительственными силами, поддерживаемыми США. В конце концов, Фор по-прежнему остается зависим от американцев.

В свою очередь, прощальные слова Сун Да-сяна: «Мы будем здесь дальше бороться» (Чин-1958, 140) – показывают, что победа Дениса в кроссе послужила началом борьбы местных жителей с американским присутствием.

Тем самым, русский мальчик передает знамя Революции, полученное от отца, другой стране.

Реплика Сун Да-сяна перекликается с историей города, представленной в экспозиции повести, и реальными историческими событиями, произошедшими в Циндао в период с 1945 г. по 1949 г. В 1945 г., после вступления американского флота в городской порт, Цинадо был объявлен морской базой США. Это вызвало недовольство местных жителей, только недавно освободившихся от японской оккупации, и привело к серии народных протестов. Ситуация оставалась неизменной вплоть до 1949 г., когда Коммунистическая партия Китая одержала победу в гражданской войне, и американские войска приняли решение о выводе сил из города.

2.7. Выводы

Исходя из выше сказанного, можно прийти к выводу о том, что, во-первых, в редакции 1958 г. сюжет повести в целом становится более увлекательным и мотивированным, психологически оказывается более сложен. Писатель, придерживаясь позиции, что с ребенком можно говорить обо всем, стремится в переработке изобразить более реальную жизнь, в которой существует зло: доносы, предательство, несправедливость, дискриминация и т.д. В то же время, писатель, уделяя внимание воодушевлению молодого поколения, затрагивает темы дружбы и взаимной поддержки, выделяя такие важные для человека качества, как смелость, скромность, выдержка и ум, а также подчеркивает необходимость бороться за правоту и существование возможности доказать ее. Таким образом, мир во второй редакции повести Рахтанова, перед которым оказываются дети, становится сложнее.

Во-вторых, главный конфликт повести, представляющий собой, по сути, конфронтацию советской и американской систем ценностей в лице повествователя и американского окружения, во второй редакции выражается

более явно. Это связано с тем, что в редакции 1931 г. автор описывал события так, как они могли бы происходить в действительности. Он не стремился показать идеологическую разницу. Хотя в момент работы над первой редакцией американцы и являлись классовыми врагами, Рахтанов встает на точку зрения, которая соответствует времени, представленному в повести, когда мало кто из иностранцев представлял себе что-либо о большевиках. По этой причине большинство персонажей-американцев оказывается нейтральным. В свою очередь, в переиздании автор переходит на точку зрения современности, отчего все герои начинают мыслить так, будто бы понимают, что происходит, и ведут себя как политические и классовые враги. В результате практически все американцы во второй редакции приобретают отрицательные черты.

В-третьих, обнаруживается влияние перемен в международной обстановке на творчество писателя. В советском обществе на фоне всплеска интернационалистического и антирасистского движения верили в то, что молодые люди способны найти общий язык и преодолеть классовую неприязнь, обеспечив сохранность мира. По этой причине во второй редакции усилилась интернационалистическая тенденция, присутствует идея о том, как международное сотрудничество побеждает расизм и американский национализм.

ГЛАВА III. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОВЕСТИ «ЧИН-ЧИН-ЧАЙНАМЕН И БОННИ СИДНЕЙ». ИЗМЕНЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРАВКИ

При сопоставлении первой и второй редакций повести И. Рахтанова «Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней» обнаружено немалое количество разночтений, не касающихся непосредственного развития сюжета, но сосредоточенных вокруг главного конфликта повести, важных, помимо этого, для понимания идей произведения, авторского замысла, а также – особенностей творчества Рахтанова. Такого рода разночтения в данной работе разделены на следующие группы: 1) идейные изменения; 2) изменения в описании психологического состояния героев; 3) изменения, связанные с бытовыми реалиями; 4) стилистические правки. Важно отметить, что данное разделение является условным, и некоторые изменения, обусловленные одновременно рядом причин, могут быть одновременно отнесены к нескольким группам. К той или иной из них такого рода разночтения отнесены в связи с тем, что одна из причин кажется более существенной. Возможно, предложенная классификация не очень удачна, но более четкой выработать пока не удалось.

3.1. Идейные изменения

Чтобы подкрепить изменение общей идеи повести, обрисованной на уровне сюжета, автор уделяет значительное внимание частным подробностям. Большинство разночтений в деталях, относящихся к данной группе, сосредоточено вокруг двух противоборствующих сторон: русского мальчика и его американского окружения (Чемульпоуская / Циндаоская академия, ее ученики и преподаватели; прибывшая на праздничные состязания делегация во главе с консулом). Последнее в редакциях 1931 и 1958 гг. характеризуется по-разному. Особенно существенно то, что проявление американского национализма и расизма во второй редакции усиливается на протяжении

всего текста и последовательно подчеркивается в незначительных, казалось бы, обстоятельствах.

Прежде всего рассмотрим правку, внесенную в афористическую реплику тренера по боксу. Повествователь, согласившись участвовать в поединке, вместе со своим соперником направляется к учителю бокса, мистеру Парксу. Одобряя выбор школьниками вида спорта для решения спора о первенстве, тренер подчеркивает значимость бокса:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Тот не <i>настоящий джентльмен</i> ¹²² , кто не побывал на ринге, мальчик» (Чин-1931, 13).	«Тот не <i>настоящий янки</i> , кто не побывал на ринге, мальчик» (Чин-1958, 101).

Слова «джентльмен» и «янки» выполняют в приведенном контексте одинаковую функцию: подчеркивают исключительность, можно даже сказать, идеальность человека с точки зрения говорящего. Однако «джентльмен» является чисто английским, не американским понятием, под которым изначально, подразумевали человека, имеющего благородное происхождение и отличающегося соответственно благородством нрава и поведения. После избирательной реформы 1832 г. в Англии слово «джентльмен» начали использовать для обозначения человека, имеющего высокое положение в обществе, хорошее образование и поведение в соответствии с нормами приличия. В современном языке оно приобрело дополнительное значение: настоящий джентльмен верен своим убеждениям, но при этом должен уважать других людей, не принуждая их к исполнению его воли против их желания.

В свою очередь, слово «янки» в европейском мире традиционно ассоциируется с жителями Америки, однако однозначного определения данного слова не существует. Согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона,

---

¹²² Здесь и далее в цитатах курсив применяется для выделения сравниваемых деталей.

«с именем “янки” соединяют типичные черты северо-американцев как положительного, так отрицательного характера»¹²³. В самой Америке первоначально так называли уроженцев американского региона Новая Англия и её жителей – выходцев из Англии за особенности их диалекта. В годы Гражданской войны в США слово использовалось жителями южных штатов как уничижительное прозвище северян. В современной Америке существует стереотип, связанный с «янки»-политиками: у них белая кожа, они богаты и получили образование в элитных учебных заведениях вроде Гарварда.

В связи с тем, что в Америку ехали люди, оказавшиеся в Европе вне закона и вне морали, за пределами США «янки» традиционно ассоциируются с носителями отрицательных качеств. В то же время, после победы северян философия янки стала главенствующей, и все то, над чем иронизировали южане и европейцы, внутри страны получило положительную оценку. По этой причине американцы во второй редакции предстают людьми, считающими своими лучшими национальными чертами такие качества, за которые в иных странах их не терпят, осуждают и презирают. Они с гордостью принимают данное им прозвище, потому как другие не понимают истинного счастья, истинного величия в том, чтобы быть янки.

Замена «джентльмена» на «янки» позволяет подвести диалог повествователя с учителем к спору о понятии настоящего человека. «Настоящий янки – это настоящий джентльмен и настоящий человек. Запомните это, мальчик, – сказал мистер Паркс» (Чин-1958, 101). Понятие джентльмена, заключенное учителем в определение «янки», создает противоречивое ощущение: как было отмечено выше, джентльмен обладает благородством и уважением по отношению к окружающим; однако в случае американцев, готовых на любые средства для достижения личной выгоды,

---

¹²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. Т. 41. С.-Петербург: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 672

такое поведение возможно далеко не всегда. В результате, переработка фразы учителя бокса, во-первых, обрисовывает противоречивую натуру американцев, во-вторых, помогает усилить конфликт систем ценностей русского мальчика и школьного окружения.

Помимо собственно замены в речи мистера Паркса, во второй редакции понятие «янки» используется и в речи директора школы, когда он дает указания по воспитанию русского мальчика: «Возьмите русского и начинайте делать из него стопроцентного янки» (Чин-1958, 104); «Наша задача – сделать из него янки» (Чин-1958, 126).

Таким образом, употребляя слово «янки», автор стремится подчеркнуть, как персонажи-американцы гордятся своей национальной идентичностью и ставят её превыше всего, что усиливает проявление американского национализма.

Следующей значимой правкой становится изменение в требовании американских школьников к повествователю после того, как он повесил фотографию амы-китаянки в комнате:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«О, снимите ваш американский флаг, вы Чин-Чин-Чайнамен <...> Американский флаг не должен висеть рядом с китаянкой» (Чин-1931, 7).	«О, снимите эту фотографию, вы, Чин-Чин-Чайнамен <...> Фотография китаянки не может висеть в одной комнате с американским флагом» (Чин-1958, 98).

Флаг, представляющий символом страны и национального духа, в обеих редакциях для американских мальчиков является ценным и важным, почти священным предметом, поэтому, когда рядом с ним появляется то, что, по их мнению, заслуживает презрения, они выступают против такого осквернения

святыни «нечистым» соседством. Однако их реакция во второй редакции становится более принципиальной.

В редакции 1931 г. позиция школьников относительно либеральна. Каждый ученик в своей комнате имеет право делать все, что захочет, в том числе – обустроить помещение по собственному усмотрению. Однако любые действия, порочащие американские ценности, недопустимы. Поэтому повествователь должен сделать выбор в пользу только одного из предметов. Выбрав портрет, мальчик не может более держать у себя священный флаг. В свою очередь, во второй редакции вопрос о снятии флага не поднимается. Флаг занимает главенствующую роль, становясь неприкосновенным, а все то, что не заслуживает находиться рядом, должно быть либо устранено, либо изменено в соответствии с американскими нормами. Тем самым, деспотичное отношение школьников к другим нациям становится более выраженным.

Если в первой редакции враждебное отношение проявляется лишь в среде школьников, то во второй оно возникает и в окружении взрослых: учителей и руководителя школы. Примером этому служат изменение реплики учителя на уроке спеллинга и вывеска с оскорбительной надписью.

Уже упоминавшийся мистер О'бдуд из-за происхождения Фора не только открыто издевается над его внешностью: «я не доверяю ему, мальчики. Некая зеленоватость его кожи беспокоит меня...» (Чин-1958, 102); но и принижает его умственные способности: «навряд ли это ему удастся, потому что английский язык лишь наполовину его язык» (Чин-1958, 102).

Слова мистера О'бдуда явно демонстрируют дискриминацию в отношении к человеку, не являющимся чистокровным американцем. Зеленоватый оттенок лица часто ассоциируется с заболеваниями организма, либо же с плесенью, обозначающей несвежесть того, что она покрывает, или, напротив, с недозрелостью (например, плода). Поэтому упоминание о

подозрительной «зеленоватости» создает ощущение, будто бы учитель считает Фора нездоровым и боится заразиться от него какой-то болезнью. Эта брезгливость по отношению к метису с зеленовато-желтой кожей изобличает в преподавателе фанатичного расиста. Вместе с тем, изначально пренебрежительное, не подкрепленное фактами мнение о недоразвитых умственных способностях мальчика показывает уверенность учителя в собственном превосходстве над представителями других рас.

Маленькая вывеска с надписью на английском и китайском языках: «Вход китайцам и собакам воспрещен» при входе школы появилась в редакции 1958 г. и в повести упомянута дважды, причем каждый раз ей дается четкая оценка. Впервые это происходит в сцене, в которой Денис с балкона увидел китайского мальчика: «несмотря на это гнусное запрещение <...> мальчик тут» (Чин-1958, 126); последующий раз – когда Сун Да-сян разговаривает с Денисом, выражая свою неприязнь к американцам: «Я сильно боюсь надписей <...> Это очень презренные надписи» (Чин-1958, 131).

Идея о подобной вывеске не была придумана писателем. В Китае до сих пор существует дискуссия о подлинности вывески «Вход китайцам и собакам воспрещен», которая была повешена у входа в парк «Хуанпу», разбитого в 1868 г. и находящегося на территории шанхайского международного сэттльмента (1842–1943 г.).¹²⁴ Согласно официальным правилам посещения парка с 1890 г. по 1928 г. вход в парк был разрешен только иностранцам, т. е. эта территория для китайцев была под запретом. В то же время собакам доступ в парк также был воспрещен. Несмотря на то,

---

¹²⁴ См.: 吴恒: 《“华人与狗”与“华人”与“狗” —— 以公共租界工部局档案为中心重新检视近代上海租借公园歧视华人的史实与传闻》, 《近代史学刊》 2012 年 1 期, 第 106–124 页。(У Хэн «Китайцы и собаки» или «китайцы» и «собаки» – Пересмотр исторических фактов и слухов о дискриминации китайцев в парке на территории сэттльмента в Шанхае на основе архивов Шанхайского муниципалитета // Журнал новой истории Китая. 2012. №. 1. С. 106–124).

что в официальных документах запрет для китайцев и запрет для собак никогда не находился в одном и том же пункте правил посещения парка, не исключена возможность того, что надпись: «Китайцам и собакам вход воспрещен» – была сформулирована вахтерами: так как официальная инструкция была составлена только на английском, чтобы не объяснять ее каждый раз нарушителям, сторожа поставили доску с разъяснениями на китайском языке при входе в парк. По этой причине среди местных жителей распространился слух о подобной табличке. Однако сам факт запрета входа в парк для китайцев служит подтверждением расистского отношения американцев к людям других наций.

Таким образом, исходя из собственного опыта, автор использует по-настоящему существовавшую дискриминацию китайцев в повести, разоблачая расистскую позицию руководителя школы: по его мнению, китайцы, во-первых, недостойны пребывания на территории американской школы; во-вторых, сродни собакам, дики и опасны, способны на непредсказуемый поступок. В то же время, критическое отношение героев к надписи, выраженное с помощью эпитетов – «гнусное» и «презренные», выступает в роли морального ориентира, демонстрируя юному читателю, как следует воспринимать расовую дискриминацию.

Следующим немаловажным различием в особенностях американского окружения повествователя становятся принципы, лежащие в основу воспитания следующего поколения: ориентир на физическую силу и стремление к успеху, к богатству.

Среди изменений, подчеркивающих важность физической силы, следует отметить два, наиболее выразительные.

Ради тренировок по боксу учеников освобождают от занятий. Во второй редакции появляется сцена, где повествователь, подвергая это решение сомнению, переспрашивает учителя. Последний аргументирует:

«Вы должны драться, вы – будущий мужчина» (Чин-1958, 103), приводя приказ директора школы: «Возьмите русского и начинайте делать из него стопроцентного янки, чтобы он ничем не отличался от наших молодцов, и пусть он для начала разовьет себе кулак» (Чин-1958, 104). Сходная позиция директора и учителя доказывает, что для американцев физическая сила важнее знания; и именно развитие силы становится первым шагом в формировании настоящего человека.

Необходимо упомянуть, что в СССР с самого начала признавали значимость физической культуры. В школе физкультура являлась обязательным предметом, а с 1931 г. был введен комплекс ГТО. Поэтому для советского читателя понятие физической силы так же важно. Однако во время выхода первой редакции считалось, что человек должен развиваться всесторонне, и потому занятия спортом не становились главным. В 1950-е гг. отношение к спорту изменилось. В стране появился профессиональный спорт, и люди могли быть освобождены от работы или учебы ради подготовки к спортивным соревнованиям. Следовательно, читатель редакции 1958 г. вполне мог понять причину освобождения учеников от уроков. Но для Рахтанова, воспитываемого по-старому, такой подход, скорее всего, казался неправильным, поэтому в переиздании он выражает точку зрения, принятую в 1930-е гг., и русский мальчик не соглашается с позицией янки.

Среди отличий в характере изображения стремлений американцев к успеху и к богатству, то есть к воплощению так называемой «американской мечты», необходимо отметить усиление в редакции 1958 г. внимания к теме власти денег и уже упоминавшееся изменение способов достижения личной выгоды героями, идеальными в глазах американцев.

В первой редакции упоминания о деньгах встречаются лишь в двух случаях: в рассказе Бонни и в словах матроса о заключенном им пари; тогда как во второй – возникает также в репликах воспитанников школы и консула.

В сцене первой подготовки русского мальчика к боксерскому поединку, учитель знакомит его с требованиями относительно спортивной формы, упоминая о боксерских перчатках, выдаваемых школой:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Перчатки дает школа. Вам незачем беспокоиться» (Чин-1931, 16).	«Перчатки дает школа. Вам незачем беспокоиться, <i>ведь за вас заплатили сполна</i> » (Чин-1958, 104).

В первой редакции причиной, по которой русскому мальчику не нужно беспокоиться, является отсутствие необходимости искать перчатки. В то же время, это может вызвать у читателя вопрос, бесплатно ли школа выдает инвентарь, тогда как во второй редакции добавленная деталь развеивает подобные сомнения – перчатки, как и другие вещи в школе, уже оплачены, и русскому мальчику не требуется платить. Данная переработка, во-первых, усиливает степень достоверности происходящего в глазах читателя; во-вторых, акцентируя внимание на важности денег, подразумевает, что в мире американцев ничего не даётся просто так, и люди должны платить за все.

Значимость денег в жизни американцев во второй редакции подтверждается и в указании администрации школы, полученном наставником класса после того, как он сообщил директору о рассказе повествователя во время «пижамной ночи»: «За парня заплачено полноценной монетой за полгода вперед. И в это полугодие мы будем его воспитывать, согласно полученным нами твердым гарантиям» (Чин-1958, 126). Ответ директора на сомнения наставника в допустимости пребывания в школе мальчика, чьи убеждения противоречат американским, демонстрирует, что человек здесь оценивается исключительно исходя из его материального положения: обеспеченность денежными средствами выступает наилучшей гарантией благонадежности и важнее идеологического диссонанса, поскольку оправдывает любые проступки.

Следующее добавленное в редакции 1958 г. упоминание денег встречается, когда раздраженный консул Белчер, приняв решение исключить повествователя, велит директору: «Удержите все внесенные за него деньги. Ведь он нарушил наш порядок, наш американский образ жизни» (Чин-1958, 138).

Консул, вероятно, осведомлен о внесенной вперед плате за обучение Дениса, однако, в отличие от директора, он не воспринимает деньги как несокрушимую гарантию, обеспечивающую возможность оставить мальчика в школе, так как одной из обязанностей консула является защита интересов своей страны, и он таким образом, заботясь о незыблемости принципов и репутации США, вынужден избавиться от любого, кто может нанести им ущерб. Однако деньги слишком важны для него, и потому он готов сохранить их любой ценой, в том числе и незаконно, для чего удерживает средства, внесенных за обучение мальчика, в качестве штрафа за нарушение американских правил. Сама возможность перевода патриотических и нравственных ценностей в денежный эквивалент дискредитирует такие ценности; советскому читателю, особенно ребенку, она казалась невыносимой. В результате, поведение и речи консула вызывают иронию и презрение.

Не менее показательны детали, подчеркивающие неразборчивость средств для достижения личной выгоды.

В сцене знакомства консула с участниками забега, директор не соглашается допустить русского мальчика до соревнований, и консул Белчер обращается к повествователю:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Лучшие друзья человека <...> его десять пальцев и его <i>личное мужество</i> » (Чин-1931, 67).	«Лучшие друзья человека <...> его десять пальцев и его <i>личная предприимчивость</i> . <i>Так, русский, думаем мы, американцы</i> » (Чин-1958, 129).

Речь идет о понимании того, что следует считать важнейшими качествами человека. Неизменным остается один факт: человеку следует трудиться своими руками. В то же время, такое качество как «мужество», обозначающее душевную храбрость, во второй редакции заменяется «предприимчивостью», означающей «находчивость, соединенную с энергией и практичностью» – качеством, необходимым бизнесмену. Понятно, что с нравственной точки зрения второе качество гораздо сомнительнее первого. Замена соответствует образу американцев во второй редакции: самое главное – пробиваться вперед и получать выгоду, обходя конкурентов всеми доступными способами.

Для этической мотивировки сомнительного совета, который дает взрослый школьнику, автор в редакции 1958 г. добавил фразу, объясняющую, что точка зрения консула принята лишь в американском обществе. Вместе с тем, чиновник здесь называет повествователя не по имени, не общим «мальчик» или другим сходным понятием, а словом, обозначающим национальность – «русский». В такого рода обращении вновь проявляется американский национализм, усиливается чуждая рассказчику атмосфера.

В изображении повествователя в изданиях 1931 и 1958 гг. также обнаруживаются значительные разночтения, среди которых самые важные – изменения, касающиеся отношения героя к окружающей среде. Прежде всего, это эпизод, в котором русский мальчик после заселения в комнату вешает портрет важного для него человека:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Я повесил в ней портрет воспитательницы-китаянки на ту же стену, на которой висел американский флаг» (Чин-1931, 6).	«Едва распаковав чемодан, я повесил фотографию самого родного мне человека после отца, китаянки амы, не рядом с этим флагом, а на другой стене, ближе к письменному столу» (Чин-1958, 97).

В редакции 1958 г. первое, что делает повествователь, после прибытия в школу, – вешает на стену комнаты портрет няни. То, что Денис делает это сразу же, в тот момент, когда он еще не до конца осознал свое положение, подчеркивает важность данного поступка. В жизни мальчика няня является вторым по значимости человеком, однако, почему-то, он достает из чемодана именно ее портрет, а не портрет самого важного для него человека – отца. Возможно, причиной этому служит осторожность: герой желает избежать расспросов об отце со стороны одноклассников, ведь он – командир партизанского отряда, и информация о нем может вызывать негативное отношение среди американцев.

Вслед за этим, при первом упоминании китаянки в редакции 1958 г. автор вводит экзотическое слово «ама», которое обозначает няню в китайском и ряде других языков. Хотя данное слово встречается и в редакции 1931 г., в сцене заселения в комнату оно приобретает дополнительный смысл. Называя свою няню «амой», перед лицом одноклассников русский мальчик с первого момента позиционирует себя как китаец. Это объясняет, почему американские школьники начали дразнить новичка уже при первой встрече.

Весьма примечательна замена, связанная с местом, в котором повествователь размещает портрет няни. Попав в школу, Денис понимает, что оказался в чужой обстановке, и идеология окружающих отличается от его собственных взглядов. При этом, с одной стороны, Денис испытывает неприязнь к американской идеологии, и потому стремится создать личное пространство, отделенное от раздражающего предмета. С другой стороны, несмотря на свое негативное отношение, мальчик старается вести себя корректно и не нарушать пространство флага – священного символа чуждой ему системы ценностей. Тем не менее, ученики всё равно начинают задирать Дениса, отчего во второй редакции поведение американских школьников становится менее оправданным и более враждебным.

Вслед за этим, следует обратить внимание на сцену, предшествующую «пижамной ночи»:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«На всех были <i>новые пижамы ярких цветов</i> потому, что ночи начинались <i>парадом</i> пижам в коридоре» (Чин-1931, 40).	«Их <i>унылого одинакового цвета пижамы, выданные школьной дирекцией, казались униформами.</i> Ночи начинались с <i>марша</i> пижам по коридору» (Чин-1958, 117).

В первой редакции во время «пижамных ночей» все ученики, в том числе и повествователь, будто бы становятся членами некоего ордена, присутствуя на его торжественном обряде: каждый участник действия облачен в парадную форму. Во второй редакции прежняя праздничность обстановки утрачивается. Возникшее у Дениса ощущение сходства пижам с униформой формирует впечатление, будто бы он оказался в казарме, где нет места индивидуальности, и все вокруг лишено радости. Именно поэтому добавлено указание на то, что пижамы выданы дирекцией школы, а слово «парад» заменено на «марш», *что*, благодаря контексту, воспринимается особым образом: это не бодрое, праздничное шествие, а нечто вроде обязательной строевой подготовки солдат.

Следующее изменение произведено автором в описании Дня благодарения: школьники встречают на моле гостей-матросов и проводят их в школу:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Мы построились вперемежку с матросами и пошли <i>домой</i> » (Чин-1931, 64-65).	«Мы построились вперемежку с матросами и пошли <i>в академию</i> » (Чин-1958, 128).

В первой редакции, прожив лишь две недели в школе, повествователь смирился со своим положением и привык к обстановке, поэтому он начинает

относиться к академии как к своему дому. Такое восприятие впервые появляется еще при рассказе о том, о том, как Борис ходил в американский магазин за губками для обуви: «Я купил в городе две резиновые губки и, придя домой, подложил их под пятки...» (Чин-1931, 64). В то время как во второй редакции Денис вовсе не намерен признавать американскую академию домом, хотя бы и временным, напротив, ощущает чуждость нового окружения и свою непринадлежность к нему.

Наконец, в издании 1958 г. изменилось отношение русского мальчика к американским учителям.

Во-первых, меняется оценка учителя спеллинга:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Все так же <i>шутливо</i> мистер О'бдуд <i>довел скучный урок</i> спеллинга до перемены...» (Чин-1931, 15).	«Все так же <i>юродствуя</i> , мистер О'бдуд <i>давал урок</i> до перемены...» (Чин-1958, 103).

В первой редакции сам урок для повествователя не вызывает интереса, однако учитель воспринимается как человек, умеющий пошутить, благодаря чему пребывание на уроке все же оказывается веселым. В противовес этому, использованный во второй редакции оборот «юродствуя», имеющий в современной светской речи уничижительную оценку, показывает, что повествователь считает поведение учителя ненормальным, нелепым. Данная переработка соответствует изменению образа мистера О'бдуда в целом.

Во-вторых, в редакции 1931 г. в эпизоде подготовки к боксерскому поединку Борис считает, что мистер Паркс – это «прекрасный тренировщик» (Чин-1931, 20), тогда как в редакции 1958 г. положительная оценка учителя выпущена. Данный персонаж, хотя и не враждебен русскому мальчику, но не мог вызвать у него симпатии из-за спорного суждения в начале тренировки о понятии «настоящий человек» (о чем уже шла речь выше). Настоящий человек в представлении мистера Паркса и Дениса – это разные люди.

Идеалом для первого является типичный янки; для второго те, кто подобен его отцу. В связи с тем, что русский мальчик не был знаком с боксом, да и вообще испытывал неприязнь к окружающим его американцам, он субъективно воспринимает такой вид спорта как драку, и потому дает учителю пренебрежительную оценку: «взрослый, большой, а учит мальчиков драться! Да еще как – не просто, а по правилам...» (Чин-1958, 105).

В-третьих, меняется отношение к директору:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«В первом ряду скамеек сидели учителя – директор <i>Академии</i> , мистер <i>Торкс</i> , седой <i>старик</i> , которого я видел во второй раз» (Чин-1931, 22).	«В первом ряду скамеек сидели учителя – директор <i>академии</i> мистер <i>Торкс</i> – седой <i>старикан</i> , которого я видел <i>всего</i> второй раз» (Чин-1958, 108).

Вместо нейтрального слова «старик» во второй редакции употребляется вариант «старикан», имеющий пренебрежительно-ироническую оценку. Несмотря на то, что до этого повествователь видел директора всего лишь один раз, о чем подробно не упомянуто в тексте, мистер Торкс все же произвел на мальчика неприятное впечатление. Подобная реакция не вызывает удивления. Во-первых, директор руководит школой, к которой повествователь не испытывает симпатий. Во-вторых, мистер Торкс не сделал ничего хорошего для мальчика. В-третьих, многие школьники не любят людей преклонного возраста, и тем более своих учителей. Поэтому ироничное, пренебрежительное, неприязненное отношение Дениса к директору становится более типичным, что делает поведение мальчика более естественным и правдоподобным.

3.2. Изменения в описании психологического состояния героев

При сопоставлении редакций обнаруживается, что во втором варианте введены большие фрагменты текста, содержание которых относится не

сколько к идеологической, сколько к психологической плоскости произведения. Это внутренние монологи главного героя, пояснения, мотивировки и т. п., которые обосновывают преимущественно психологическое состояние повествователя.

Рассмотрим прежде всего разночтения, связанные с описанием психологического состояния главного героя. Во второй редакции уже с самых первых страниц повести вводятся пояснения, мотивировки, уточнения переживаний, поступков и размышлений героя, элементы самоанализа, делающие повествование не только более понятным юному читателю, но более убедительным, достоверным, глубоким и неоднозначным. Так, когда Денис вспоминает, как год назад требовал у отца дать ему оружие наравне с другими бойцами, он уточняет: «Я чувствовал себя достаточно выросшим для этого – ведь в прошлом году мне исполнилось уже целых четырнадцать лет, и я хотел сражаться наравне с другими» (Чин-1958, 93); и вслед за этим указана и причина, по которой отец решительно отказался взять *мальчика* с собой в тайгу: «Теперь, став взрослым, я понимаю, что это мое самонадеянное, мальчишеское требование сильно испугало отца» (Чин-1958, 93). В коротком добавленном фрагменте субъект повествования раздваивается: русский мальчик предстает перед читателем одновременно в двух ипостасях: наивный, пылкий четырнадцатилетний подросток и уже обремененный некоторым жизненным опытом, более сознательный пятнадцатилетний рассказчик. Первый образ преобладает в дальнейшем повествовании и способствует возникновению у читателей-сверстников эмпатии и понимания, так как мальчики в данном возрасте характеризуются, при самых идеалистических и благородных устремлениях, такими общими качествами, как самонадеянность и чрезмерная уверенность в собственных силах. В результате, описание помогает сблизить читателя с главным героем, чья история приключений становится более привлекательной. В свою очередь, второй образ – рассказчик, переживший испытания, выпавшие на

долю главного героя, – является более взрослым и сознательным, и потому его воспоминания оказываются более объективными и убедительными. Сентенции и идейные оценки, встречающиеся в речи рассказчика, воспринимаются не как вставки от лица взрослого автора, а как плоды раздумий на основании реального, пусть недолгого, но трудного жизненного опыта. Помимо этого, добавленные строки о желании Дениса сражаться вместе со всеми показывают, что его позиция сложилась уже до того, как он впервые столкнулся с проблемами, вставшими перед ним в американской школе.

Перелом в сознании Дениса наступает в момент признания капитана Сиверцова. С этой поры от былой самоуверенности не остается и следа, а на ее место приходят чувства одиночества, отчаяния и гнева; ощущение чуждости окружению. Повествователь внезапно осознает, что окружающий мир, на самом деле, намного сложнее, чем он представлял себе прежде: «Жизнь, такая ясная, чистая и простая до этой поры, стала сложной, коварной, в ней – и рядом со мной – оказались возможны предательство, обманы, вероломство» (Чин-1958, 95), и человек, воспринимаемый как свой, неожиданно оборачивается чужим: «Только подумайте, Иван Терентьевич, которого я знал как друга отца, как человека одних с ним убеждений, оказался монархистом, стоял за царя» (Чин-1958, 94). Всех этих обстоятельств и, следовательно, переживаний в первой редакции не было. Таким образом, автор, во-первых, объясняет, почему до этого мальчик был полон самонадеянности (простая, ребяческая жизнь); во-вторых, обрисовывает начало душевного развития и созревания главного героя. Именно последним обусловлено его отличное от первой редакции поведение в незнакомом месте: русский мальчик начинает более настороженно относиться к окружающим, ведет себя более скромно и старается быть более сдержанным в проявлении своих чувств и эмоций перед другими людьми. Он уже имеет опыт разочарования и опасается повторения. Однако для читателя

эти чувства и переживания во второй редакции выражены более прямо и открыто.

Первым подобным проявлением становится реакция повествователя на американский флаг, добавленная в сцене заселения в комнату: «Он был так велик, что, куда бы я ни посмотрел, флаг всегда напоминал о себе, о том, что я не дома, что окружают меня люди, враждебно относящиеся к нашей революции» (Чин-1958, 97). Если в редакции 1931 г. на флаге не создается акцент, и он не вызывает у Бориса никаких эмоций, то в редакции 1958 г. Денис уже с первых минут после прибытия в школу начинает испытывать ощущение чуждости и неприязнь к американской окружающей среде, сопровождаемые сильной тоской по родине. При этом он предвзято воспринимает людей, находящихся в школе, как врагов. Это можно объяснить тем, что после предательства капитана Сиверцова мальчик, не успев усмирить душевное волнение, практически сразу же попал в новое, незнакомое место, одобренное и рекомендованное врагом-капитаном. К тому же, это место принадлежит американцам – людям других убеждений. Поэтому Денис переносит все возникшие негативные эмоции на новую школу и незнакомых людей, которым опасается доверять.

Следующая деталь, описывающая душевные переживания и мысли повествователя, обнаруживается в конце сцены его знакомства с соучениками. Во второй редакции добавлена новая реплика: «Новые знакомые мне не понравились. Они совсем не походили на оставшихся дома. Нет у них собственного мнения! Все повторяют, что скажет Банни. И в политике они, должно быть, ничего не понимают. И войны у них нет. И революции не было. О чем мне с ними говорить? Как найти среди них друга, товарища? С кем мне здесь водиться?» (Чин-1958, 99). Данная реплика в прямом виде выражает разные ощущения русского мальчика, возникшие после нелюбезного приветствия одноклассников: неприязнь к новым знакомым, тоску по дому, чувство одиночества, тогда как в первой редакции

из-за отсутствия внутренних монологов читателю приходится самому догадываться о психологическом состоянии главного героя. Таким образом, дополнение помогает четко передать все переживания, испытываемые персонажем.

Важная внутренняя реплика была добавлена в эпизоде, когда Фор впервые заходит к повествователю и просит его побить Банни. Обещав постараться победить соперника, русский мальчик задумывается: «выполнить обещание мне будет не легко и не просто. Я никогда прежде не только, конечно, не занимался боксом, но попросту даже и не видел его. Как же я выйду против Банни? Как буду драться с ним? Не раз я сожалел, что отец не взял меня с собой в тайгу. Зачем, зачем, не разобравшись, послал он меня с Иваном Терентьевичем? Впрочем, думать об этом теперь было уже поздно и ни к чему. Обстоятельства сложились так, что мне обязательно приходилось состязаться с Банни, и по возможности я должен был уйти с ринга победителем» (Чин-1958, 106). В данном монологе, помимо чувства огорчения по поводу решения отца и тоски по прежней жизни на родине, обрисованы также логичные рассуждения Дениса по поводу текущей ситуации. С одной стороны, испытывая тревогу и беспокойство, он сомневается в собственных способностях в связи с большой разницей между двумя участниками: сам повествователь никогда не занимался боксом, а его соперник – чемпион академии. С другой стороны, после истории с капитаном Сиверцовом Денис начинает понимать и воспринимать сложившуюся обстановку. Несмотря на трудности, надо выйти на ринг, не уступить врагу – тем самым, повествователь проявляет истинный героизм.

Усиление душевных переживаний главного героя вновь происходит в сцене окончания боксерского поединка, когда судья – учитель бокса – объявляет победу Банни. Мистер Паркс считает, что русский мальчик бил не по правилам: необходимо драться кулаком, а не ладонью. От решения учителя повествователь в обеих редакциях остается в недоумении,

испытывая обиду от свершившейся несправедливости: «Бонни (Банни) лежал на полу <...> я же был почти свеж <...> но победил не я, победил он. Тут была какая-то путаница» (Чин-1931, 28; Чин-1958, 111) – ведь, по собственному заключению, правил нарушить он не мог: «“Послать противника на пол можно только правильным, точным и хорошо рассчитанным ударом” – так говорят все боксеры всех частей света» (Чин-1931, 28; Чин-1958, 111). Однако во второй редакции с помощью добавленной внутренней реплики чувство несправедливости выражено сильнее и более явно: «Как им доказать, что я дрался сжатым кулаком, а не открытой перчаткой? Все равно меня бы не послушали» (Чин-1958, 112). Повествователю хочется доказать свою правоту, выразить недовольство вердиктом судьбы, в то же время он чувствует себя бессильным, ведь с его мнением, оттого что он – новичок, чужак, никто не считается. Благодаря внесенному изменению данный персонаж вызывает у читателя большее сочувствие и сопереживание.

Значительное количество переработок психологической характеристики персонажей обнаруживается в эпизоде «пижамной ночи».

Первое изменение возникает в сцене, во время которой ученики идут на собрание:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Мне было приятно ступать босыми ногами по ковровой дорожке, лежавшей там» (Чин-1931, 40).	«Мы неслышно ступали босыми ногами по ковровой дорожке» (Чин-1958, 117).

В редакции 1931 г. повествователь сконцентрирован на осязательных ощущениях; тогда как в редакции 1958 г. главным чувством для мальчика становится слух. Ученики идут на тайное собрание, и потому для них весьма важно перемещаться тихо – никто из учителей не должен их обнаружить. Необходимость двигаться бесшумно, с одной стороны, из-за шанса быть

пойманным, наверняка, вызывают у Дениса чувства страха и тревоги. С другой стороны, мальчика охватывает любопытство, и он испытывает удовольствие от того, что участвует в секретном мероприятии. В итоге, в данном фрагменте возникает более сложная психологическая ситуация.

Следующие изменения коснулись черепа-подсвечника, встречающего повествователя в комнате, где собрались ученики:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«На полу стоял череп, к которому <i>прилеплена</i> была толстая сальная свеча» (Чин-1931, 42).	«На полу стоял череп, в который была <i>вставлена</i> толстая свеча, <i>череп светился мертвыми глазницами</i> » (Чин-1958, 117).

В первой редакции описание черепа является нейтральным, череп не играет особой роли и не появляется в дальнейшем повествовании. В свою очередь, во второй редакции он становится важным предметом, передающим разные эмоции, которые переживает Денис во время собрания. Пламя от свечи, вставленной в череп, оживляет его, и потому светящиеся изнутри глаза вызывают у повествователя ощущение чего-то загадочного, таинственного и, вместе с тем, страшного. Такая атмосфера очень привлекает детей, отчего сходные чувства испытывают и другие участники встречи.

Образ черепа меняется в тот момент, когда приходит очередь рассказа Дениса, и он поправляет свечу, выгоревшую за время выступления Банни: «Теперь череп больше не казался таинственным. Он глядел на меня пустыми глазницами, напоминая тех, кто в прошлом году с винтовками в руках шагал рядом со мной по тайге и сложил там голову» (Чин-1958, 122). В важную для повествователя минуту, череп, напоминая о близких и дорогих ему соратниках, неожиданно становится его опорой и поддержкой. В результате безжизненный предмет оказывается для Дениса ближе, чем живые люди вокруг него.

Важно отметить, что в обеих редакциях повествователь не испытывает страх по отношению к мертвому, которое должно бы напугать мальчика такого возраста. Причина – это характерное для той эпохи раннее приобщение к трудностям, горестям и ужасам гражданской войны: к лишениям, болезням, смерти и т. д. Эти исключительные явления становятся для русского мальчика революционных лет обыденными и привычными. Трупы товарищей, как ни горестна утрата, воспринимаются рассказчиком более дружественными, чем живые соученики, не разделяющие его убеждений.

Знаменательна и переработка ремарки в конце выступления повествователя во время «пижамной ночи»:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Вот и все, – сказал я и пересел обратно на пол» (Чин-1931, 58).	«И когда я сказал фразу, о которой мечтал: “Вот, пожалуй, и все, что я знаю о русском путешественнике и его сыне”, – почувствовал, как дорого обошлась мне эта ночь. С радостью сел я на пол» (Чин-1958, 122).

В первой редакции выступление Бориса заканчивается весьма обыденно и прозаично: автор не описывает эмоции, которые мог испытывать рассказчик после длинной истории. Во второй редакции, в свою очередь, появились психологические дополнения, открыто изображающие чувства героя. Произнося последнюю фразу, Денис создает в своем рассказе двойственный финал. С одной стороны, он в очередной раз противопоставляет себя герою Ване, закрепляя впечатление о том, что история рассказывает не о нем самом, а о русском путешественнике и сыне. С другой стороны, он оставляет слушателей с ощущением некоторой недоказанности, будто бы давая намеки, что данная история на самом деле

имеет какую-то связь с ним. Это можно объяснить тем, что повествователю, как и любому подростку того возраста, хочется продемонстрировать себя перед другими, рассказать о своем героическом поступке, показав свои выдающиеся качества. В то же время, будучи скромным мальчиком, он старается избежать хвастовства, используя для этого вымышленную фигуру.

Заново переживая эмоции, русский мальчик стремится построить связный, увлекательный рассказ на иностранном языке и вместе с тем показать свой героизм, но не выдать себя. Сочетание данных факторов создает сильное психологическое напряжение. По этой причине, закончив свою речь, Денис несмотря на то, что «рассказ вышел длинным и не слишком складным» (Чин-1958, 122), весьма доволен собой и испытывает радость. Кроме того, воспоминания об отце и совершенном в тайге подвиге в определенной степени помогают Денису развеять тоску по дому, а также придают ему силы в борьбе с американским окружением.

Помимо описания чувств и переживаний повествователя, в данном эпизоде встречаются и разночтения, затрагивающие психологические характеристики других персонажей. Например, было изменено описание реакции слушателей на выступление лучшего рассказчика школы:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Бонни кончил. <i>Минут пять</i> все молчали» (Чин-1931, 49).	«Банни кончил. <i>Первые несколько секунд</i> все молчали» (Чин-1958, 121).

Пятиминутное молчание в первой редакции можно воспринимать как использованный автором художественный прием, гиперболизирующий увлекательность рассказа Бонни. Для писателя важно показать, как история миллионера Шанси У. Фильда настолько сильно поразила слушателей, что они полностью погрузились в мир этого персонажа. Однако такому варианту, по сравнению с версией, использованной во второй редакции, не хватает

психологической убедительности; глубокое потрясение, выразившееся в пятиминутном онемении, заставляет отнести к наивной аудитории с иронией. Несколько секунд молчания находящихся под сильным впечатлением слушателей выглядят более естественно, и потому данная деталь приобретает точность в изображении психологического состояния персонажей, не содержит иронического гротеска.

Не менее эффектно свидетельствует о психологическом состоянии персонажей другой переработанный фрагмент:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Свеча горела <i>большим пламенем</i> , но я не поправил ее. Я очень волновался» (Чин-1931, 60).	«Свеча в черепе <i>едва теплилась</i> , разливая по ковру жидкий свет, но никто и не думал ее поправлять. Все забыли о торжественности обряда <i>пижамных сборищ</i> . Я очень волновался» (Чин-1958, 123).

В обоих вариантах сложившаяся ситуация представляется напряженной, приковывающей внимание каждого из присутствующих. Однако в первой редакции внимание повествователя сосредоточено лишь на собственных эмоциях. О состоянии других участников «пижамной ночи» остается только догадываться. В свою очередь, во второй редакции все присутствующие поглощены своими переживаниями и не замечают свечи. Показательно, что в издании 1931 г. она только сильно нагорела, образовав высокое пламя, в редакции же 1958 г. почти потухла, то есть нагара скопилось больше, следовательно, углубленность героев в свои эмоции и размышления, их выпадение из реальности длилось значительно дольше. Таким образом, изображение сцены становится психологически более достоверным и притягательным для читателя.

Отдельно следует рассмотреть появившиеся лишь во второй редакции внутренние ощущения Дениса, сопровождающие перемены в восприятии его главного противника.

Первое изменение вводится после того, как Фор, зачитывая содержание журнала, раскрывает плагиат Банни. Повествователь поворачивается к своему сопернику, чтобы взглянуть на него: «Мне вдруг показалось, что он как бы уменьшился в росте» (Чин-1958, 124). Добавленная деталь изображает, как в сознании повествователя начинает разрушаться образ постоянно побеждающего американского мальчика. В сердце Дениса будто бы зарождается вера в собственную победу.

Далее добавлен монолог Дениса в сцене, где Банни выгоняет китайского мальчика: «Нет, должно быть, я еще недостаточно проучил этого мерзавца. Если бы я не чувствовал себя здесь, словно в подполье! С каким бы наслаждением прошелся бы я по этой выхоленной квадратной роже, и, честное слово, мне было бы решительно безразлично, как и чем его бить – ладонью или кулаком!» (Чин-1958, 126). Претерпев немало несправедливости, главный герой скопил на душе недовольство и раздражение. Поэтому при виде угнетения невинного человека, в сердце русского мальчика вспыхивает гнев, и возникает стремление проучить Банни. Однако Денис, осознавая собственное положение, вместо того, чтобы поддаваться импульсу и бежать на улицу, продолжает вести себя сдержанно, скрывая истинные эмоции.

Стоит отметить, что для автора совершенно необязательно, чтобы положительный герой во всех отношениях был правильным. Это прослеживается в речи повествователя, который обычно выражает свои мысли прилично и сдержанно, однако в отношении Банни совершенно не стесняется в высказываниях.

Кроме того, в данном монологе присутствует ирония над словами учителя бокса. То, что мистер Паркс учит мальчиков драться по правилам,

вызывает недоумение и неприятие повествователя. В его представлении драться необходимо по-простому. Во время поединка герой был признан проигравшим, потому как нарушил эти правила, и это было для него весьма обидно. Однако за пределами ринга правил нет, и потому ничто не должно помешать в полной мере побить Банни.

«Что же мне делать?» – рассуждает повествователь во второй редакции после того, как Банни признали победителем в состязании по бегу, – «Как прекратить издевательства Банни? Ведь сейчас, после новой своей так называемой победы, Банни, конечно, совсем обнаглеет» (Чин-1958, 137). Перспективы одолеть Банни исчезли, и Денис вновь испытывает беспокойство за ситуацию в школе.

Итак, добавленная динамика душевного состояния повествователя в процессе его столкновений с соперником, непосредственно обрисовывая внутренний облик главного героя, позволяет сделать его более живым и близким к юному читателю.

Завершая данный раздел, остановимся на переработках текста, характеризующих психологическое состояние Фора. В первой редакции описание внутреннего мира данного персонажа, в принципе, отсутствует. В свою очередь, во второй редакции на фоне общих изменений автор прибегает к изображению душевного состояния Фора, которое проявляется посредством выделения внешних деталей.

Когда участники «пижамной ночи» строго спрашивают Фора, может ли он привести доказательства плагиата Банни, он дает утвердительный ответ:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Могу, – сказал Фор» (Чин-1931, 59).	«Могу, – <i>дрожащим голосом</i> сказал Фор» (Чин-1958, 123).

Интонация голоса Фора во второй редакции позволяет обрисовать волнение, охватывающее мальчика от предвкушения открывшейся перед ним возможности наконец-то отомстить врагу и восторжествовать.

В конце кросса, когда Денис приближается к проигравшему сопернику для прощального слова, Фор присоединяется к нему: «К чертовой бабушке, вон из Китая <...> Банни Сидней, вон отсюда! Вон!» (Чин-1958, 138).

Своим поведением Фор показывает, что после поражения Банни он обрел долгожданную свободу, благодаря которой может выразить собственное мнение и излить все эмоции, скопившиеся у него на душе за долгое время. К этому моменту Фор становится психологически более зрелым и сильным, чем в начале повествования. К тому же, эмоции мальчика выражаются в виде лозунга, хорошо знакомого советскому читателю: «Янки, убирайтесь домой!».

3.3. Изменения, связанные с бытовыми реалиями

С 1931 г., когда впервые была напечатана повесть Рахтанова, к 1958 г., когда она была переиздана, очень многое изменилось в жизни, в самых разных ее областях. Не все очевидное для читателей времен первой пятилетки советские школьники послевоенного десятилетия могли понять без дополнительных разъяснений. Писателю пришлось внести в текст ряд изменений с учетом особенностей сознания новой эпохи, с ее вкусами и представлениями. Большинство изменений (первая их категория) связано с теми реалиями, что стали недостаточно знакомы читателям 50-х гг. Другая часть изменений (вторая категория) связана с малоизвестными аудитории 30-х гг. предметами или явлениями, которые получили распространение в 50-х гг., отчего потребовалось производить замену на эквивалентные по функции понятия.

К первой категории прежде всего принадлежит упоминание шпината – необходимого в рационе школьников овоща:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Шпинат – овощ, считающийся очень полезным. Вот отчего все завтраки и все обеды в <i>школе</i> непременно бывали со шпинатом» (Чин-1931, 10).	«Шпинат – овощ, который считается очень полезным, <i>а так как он дешевле мяса</i> , то без него не обходились ни один завтрак и обед в <i>академии</i> » (Чин-1958, 100).

Добавленное к шпинату пояснение обусловлено изменением популярности данного овоща. В конце XIX в. в связи с исследованием о содержании железа в шпинате, в западных странах шпинат приобрел репутацию полезного блюда и начал пользоваться значительной популярностью, широко рекламироваться и даже насаждаться, особенно в детском питании. Однако в 1937 г. выявилась ошибка в результатах прежнего исследования, отчего шпинат к середине 50-х гг. потерял прежнюю актуальность. В России этот овощ всегда был малоизвестен простым людям. Вопреки тому, что к концу XIX в. он стал доступен среднему классу, широкого распространения он не получил, и в советское время весьма редко встречался в обыденном рационе не только в 50-е гг., но и в 1931 г. когда в СССР прислушивались к мнениям иностранных диетологов.

Далее рассмотрим три сходные переработки в описании реалий. Первая – касается освещения школьного коридора:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«В коридоре, освещавшемся только двумя <i>шестнадцатисвечевыми</i> лампами по концам...» (Чин-1931, 39-40).	«В коридоре, освещенном только двумя <i>слабыми и тусклыми</i> лампочками по концам...» (Чин-1958, 117).

С развитием технологий шестнадцатисвечевые лампы, существовавшие в начале XX в., в послевоенный период перестали производить, и потому читатель 50-х гг. с трудом мог представить, насколько слабо светит такая лампа. По этой причине во второй редакции автор употребил конкретную

характеристику, предоставив полную свободу воображению читателей. Кроме этого, эпитет «тусклый» передает читателю пасмурное настроение рассказчика, идущего на очередное сражение с Банни.

Вторая переработка относится к боксерским перчаткам американского мальчика:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Широкие руки его в огромных <i>восьмиунцовых</i> перчатках <i>стали</i> еще страшнее» (Чин-1931, 25).	«Широкие руки его в огромных <i>тяжелых</i> перчатках <i>казались</i> еще страшнее» (Чин-1958, 110).

В первой редакции для описания перчаток автор использовал меру веса, не применявшуюся в повседневной жизни в советской России. Возможно, иностранная мера представлялась известной читателям зарубежной литературы или любителям бокса, которых, тем не менее, на момент выхода повести, было меньшинство. По причине того, что главным в описании было качество перчаток, во второй редакции Рахтанов, накопив опыт общения с юными читателями, заменил непонятное детям слово на конкретное качественное определение.

Последняя из трех правок связана с устранением эпитета «сальная» в описании свечи (см. цитату на С. 87 данной работы). Во-первых, в связи с развитием производства послевоенного времени выпуск сальных свечей был прекращен, их место заняли парафиновые и стеариновые свечи. Во-вторых, распространение получили электрическое освещение и керосиновые лампы (в местах отсутствия электричества). В результате, «сальная» свеча потеряла свою актуальность, став незнакомой читателю 50-х гг. Соответственно, более не нужная информация была убрана автором при переработке.

К первой категории также относятся три детали, выпущенные во второй редакции. В речи, произнесенной за три дня до поединка по боксу, тренер говорит:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Мальчик, – сказал <i>он</i> мне на второй день тренировки. Три дня – это большой срок. <i>Поезд из Мукдена в Фузан идет три дня</i> » (Чин-1931, 21).	«Мальчик, – сказал мне <i>мистер Паркс</i> на второй день тренировки. Три дня – это большой срок» (Чин-1958, 107).

Данное изменение обусловлено тем, что, во-первых, китайский город, долгое время известный в Европе как Мукден, после 1945 г. был переименован в Шэньян. Во-вторых, после корейской войны город Фузан (Пусан) оказался на территории Южной Кореи, и поезда из Китая туда ходить не могли. Поэтому во время выхода второй редакции читателю было сложно представить, какое расстояние мог пройти уже несуществующий поезд между двумя упомянутыми городами.

Вторая деталь была расположена в сцене бега, во время которого русский мальчик должен пересечь реку:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Вода замочила мне трусики, <i>и я выжал их</i> » (Чин-1931, 72).	«Вода замочила мне трусы» (Чин-1958, 133).

Выпущенная фраза, в первую очередь, связана с изменением отношения к голому телу в обществе. В 20–30-е гг. существовал культ спорта, здорового организма, поэтому традиционный стыд перед наготой часто отрицался, и эта позиция поддерживалась официальной идеологией. На момент выхода второй редакции ситуация изменилась, в отношении к телу и вообще к интимной сфере возобладали традиционные представления, поэтому потребовалось убрать фразу, подразумевающую публичное обнажение, которое могло вызвать у аудитории непонимание или даже негативную реакцию. Кроме того, кросс в повести проходит во время Дня благодарения, празднуемого в конце осени, поэтому на улице было достаточно прохладно для того, чтобы бегать в мокрой одежде. Указание на

то, что Денис перетерпел это неудобное обстоятельство подчеркивает стремление повествователя к победе и его стойкость.

Наконец, последняя деталь: «я мог распознать по засекам на деревьях, кто прошел: промышленный китаец или кореец соболевщик, но не сумел бы решить задачи на уравнение с одним неизвестным» (Чин-1931, 5-6). В 20-е гг. могло быть много детей, не имевших возможности получить образование, но обладавших промысловыми навыками, знаниями о лесе и т.п., тогда как к 50-е гг. в СССР существовала развитая образовательная система, поэтому то, что повествователь, претендующий на роль положительного героя, не разбирается в простых уравнениях, могло вызвать недоумение читателя.

Разночтений, относящихся ко второй категории, значительно меньше.

Во время выхода на ринг Бонни (Банни) ученики выражают бурный восторг. Одна из причин, по которой они поддерживают американского мальчика, связана с его отцом, имеющим в своем гараже немалое число автомобилей:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Каждый по желанию мог взять на прокат <i>фордик</i> или какой-нибудь другой автомобиль в гараже его отца и покататься» (Чин-1931, 24).	«Каждый по желанию мог взять на прокат “Додж” или какой-нибудь другой автомобиль в гараже его отца и покататься» (Чин-1958, 109).

В 1929 г. основатель компании «Форд» заключил с советской властью соглашение о сотрудничестве. В соответствии с договоренностями в Нижнем Новгороде был построен завод, выпустивший свой первый «Форд» в 1932 г.,¹²⁵ отчего данная марка получила определенное распространение в СССР, потеряв экзотический окрас, и перестала ассоциироваться с США. По

¹²⁵ Ford sighs USSR deal: [сайт]. URL: <https://www.automotivehistory.org/single-post/2016/05/31/Ford-signs-USSR-deal> (Дата обращения: 17.05.2018).

этой причине автор выбрал другую, неизвестную юному читателю, американскую марку автомобиля.

В сцене, где Фор и повествователь перелистывают журнал для американских мальчиков произведена замена футбольного матча на бейсбольный:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Там был отчет о <i>футбольном матче</i> между командами Питсбурга и Буффало» (Чин-1931, 38).	«Здесь <...> был отчет о <i>бейсбольном матче</i> между командами Питсбурга и Буффало» (Чин-1958, 116).

Данная замена в большей степени имеет связь с развитием популярности футбола в России. В 1910–20-х гг. футбол только начинал распространяться и стал приобретать все большую популярность. В 30-е гг. он воспринимался уже не как чужая игра, но иностранное происхождение, тем не менее, осознавалось советским обществом. Кроме того, велись бурные споры: в какой мере этот вид спорта полезен советской молодежи. В 1958 г. СССР впервые участвовал в международных соревнованиях (6-ом Чемпионате мира) по футболу, который к этому времени был признан важным и полезным видом спорта, получил всенародную любовь и уже не воспринимался как нечто иностранное и буржуазное. По этой причине для сохранения экзотического колорита писатель выбрал в качестве замены бейсбол, который начал развиваться в СССР только в 1986 г., и для читателя 50-х гг. был совершенно незнаком. При этом, бейсбол, имеющий в США статус национального спорта, позволяет усилить в тексте американский колорит.

Аналогичная переработка обнаруживается в диалогах между матросом и повествователем, когда первый, узнав, что русский мальчик не был в Америке, с гордостью рассказывает о своей стране:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«В Нью-Йорке, мастер, <...> есть <i>подземка</i> , а в Чикаго – озеро. Вот» (Чин-1931, 65).	«В Нью-Йорке, мастер, <...> есть <i>надземка</i> , а в Чикаго – озеро. Вот!» (Чин-1958, 128)

В связи с тем, что до 1935 г. в России отсутствовал такой вид транспорта, как метро, рассказ матроса о подземной дороге действительно выглядел чем-то экзотическим и был способен поразить читателя. Однако на момент выхода второй редакции в Москве уже существовало 4 линии, была построена первая линия метро в Ленинграде, и потому потребовалось заменить слово «подземка», переставшее быть чем-то необычным. Чтобы сохранить эффект речи матроса, автор выбрал в качества замены отсутствовавший в России надземный рельсовый транспорт.

Во второй редакции выпущена информация об асфальтированных дорогах в городе, где находится американская школа: «Дороги в городе не мощеные, а асфальтированные, но неудобные, потому что, когда бывает жарко, асфальт плавится и ноги застревают в нем» (Чин-1931, 6). Несмотря на то, что первые попытки применения асфальта были предприняты в Москве и Санкт-Петербурге еще в XIX в., в начале 30-х гг. в СССР данный тип дорожного покрытия не был широко распространен, и большинство дорог в городах оставались мощеными. В связи с этим информация об асфальтированных дорогах придает описанию экзотический иностранный колорит и выполняет познавательную функцию, расширяя читательский кругозор. В 50-х гг. асфальт в стране применяется повсеместно, и потому данная деталь утрачивает былые функции.

Последнее изменение обнаруживается в путевом дневнике русского мальчика:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Мы должны открыть новые залежи малозольного угля. Об этих залежах рассказывали во Владивостоке наши красные партизаны» (Чин-1931, 37).	<i>«Мы ищем уголь, очень нужный для нашей молодой страны. Отцу стало известно, что здесь, в Сучанском угольном районе, есть новые, еще не исследованные выходы малозольного угля. Найти их и разведать – наша задача» (Чин-1958, 115).</i>

Поиски угля в первом варианте, в отличие от второго, не имеют подчеркнутой значимости. Предположительно, изменение связано с тем, что во время работы автора над второй редакцией в СССР наступили годы пятой пятилетки. В этот период выросли объемы вложений в тяжелую промышленность, было начато строительство двух новых металлургических заводов, в результате чего увеличилась потребность в угле. По этой причине поиск месторождений угля становится необходимым для страны, в связи с чем автор старается обозначить это для юного читателя. Показательна и стилистика вставок, напоминающая обороты текстов из советских школьных учебников. Эти частотные фразы лозунгового типа казались привычными читателям послевоенных лет, тогда как в речи мальчика, пишущего дневник в 1922 г., они гораздо менее вероятны.

3.4. Стилистические правки

В числе разночтений, обнаруживаемых между двумя редакциями повести Рахтанова существенное место по своему объему занимают стилистические правки. Среди них в работе будут анализироваться не все, но наиболее значительные: такие, как замена нейтральных слов на стилистически окрашенные варианты; использование спортивных терминов; стилистические дополнения и др.

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«И я бил его за все, не думая, куда попадут мои <i>удары</i> , в глаз, скулу или спину» (Чин-1931, 27).	«И я бил его за все, не думая, куда попадут мои <i>тумаки</i> , в глаз, в скулу или в спину» (Чин-1958, 111).
«Вытянув правую руку, я дал Бонни <i>удар</i> под ложечку» (Чин-1931, 27).	«Вытянув правую руку, я дал Бонни <i>здоровенного тумака</i> под ложечку» (Чин-1958, 111).

В описании происходящего во время боксерского поединка в первой редакции слово «удар» встречается в общей сложности 8 раз. Однако во второй «удар» был заменен на «тумак» только в двух случаях, связанных с переходом Дениса в нападение. К этому времени впервые оказавшийся на ринге мальчик находится в весьма раздраженном состоянии. Забыв о технике, он начинает наносить беспорядочные удары противнику. «Тумак», являясь просторечным словом, в данном контексте более выразительно описывает движения Дениса.

Вместе со второй заменой автор использует эпитет «здоровенный», который также относится к разговорному стилю. «Здоровенный тумак», передавая воодушевленное состояние персонажа и его удовлетворение результатом, в большей степени соответствует манере речи подростка.

В то же время, в данном эпизоде внесены правки, связанные с употреблением боксерских терминов:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Бонни <...> только умел танцевать по присыпанному канифолью <i>полу</i> ринга» (Чин-1931, 27).	«Бонни <...> только умел танцевать по <i>настилу</i> ринга, присыпанному толченой канифолью» (Чин-1958, 111).

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Победил Бонни, я дрался <i>ладонью</i> – так сказал мистер Паркс» (Чин-1931, 28).	«Победил он, я дрался <i>открытой перчаткой</i> – так сказал мистер Паркс» (Чин-1958, 111).
«Ваш правый <i>крюк</i> в лицо был очень интересен» (Чин-1931, 28).	«Ваш правый <i>хук</i> в лицо был очень интересен» (Чин-1958, 112).

Появление указанных слов во второй редакции обусловлено тремя причинами. Во-первых, за годы работы над рассказами о спортсменах Рахтанов стал более грамотен в спортивной терминологии. Во-вторых, употребление терминов, являясь средством выполнения познавательной функции детской литературы, способствует расширению кругозора юного читателя. В-третьих, сама боксерская терминология стала лучше известна публике, ведь в 50-х гг. этот вид спорта уже не казался столь экзотическим, как в начале 30-х.

При этом, в случае с заменой «ладони» стоит отметить, что данную фразу как доказательство нарушения правил русским мальчиком произносит мистер Паркс – учитель бокса, и потому термин «открытая перчатка» более подходит к образу данного персонажа.

В связи с развитием профессионального спорта в СССР и участием советских спортсменов в международных соревнованиях, слово «крюк», представляющее собой традиционное русское название бокового удара в боксе, начало постепенно вытесняться английским вариантом «хук».

Следующий ряд правок относится к дневникам русского мальчика.

Первая из них – в описании кана (лежанки в китайском доме) во время отдыха после длительного похода:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«На кане жарко, как в бане во Владивостоке» (Чин-1931, 36).	«На кане теплынь!» (Чин-1958, 115).

Использованное в первой редакции нейтральное слово «жарко» рисует Бориса объективным наблюдателем, записывающим все, что попадает в его поле зрения, без формирования собственной оценки окружающего, тогда как во второй редакции эмоционально окрашенное слово «теплынь», дополняя изменения в описании психологического состояния повествователя, передает удовольствие мальчика, испытываемое им после изматывающего путешествия.

Далее, речь пойдет о трех фрагментах, выпущенных во второй редакции.

«Среда 15 июля. Мы лежим у костра. Много комаров, от костра идет дым, комары его боятся и улетают. Отец рассказывает, а я записываю. “Благородный олень, – говорит отец, – живущий в Уссурийском крае, называется изюбром. Шерсть его летом светло-коричневая, зимой серовато-бурая, с бело-желтым пятном сзади”» (Чин-1931, 32).

«16 июля. Вчера не кончил. За день устал и задремал. Мы углубляемся в тайгу. Деревья постепенно меняются, и теперь уже преобладают ели и сосны» (Чин-1931, 32).

«Обстановка нашей фанзы: железный котёл, вмазанный в низкую печь, от которой идут дымовые ходы, согревающие каны – нары, на которых, (обыкновенно, раздевшись догола, спят китайцы). Четыре долблёных корытца, деревянный ковш для воды, железная ложка, метёлочка для промывания котла, несколько запылённых бутылок, какие-то тряпки, две скамейки по стенам, масляная лампа и разбросанные на полу звериные шкуры – вот и все убранство» (Чин-1931, 36).

Дневник русского мальчика отражает его интересы. В обеих редакциях значительное место занимают записи, посвященные отцу и китайскому проводнику, что позволяет заключить: внимание повествователя притягивают люди. Вместе с тем, в первой редакции интересы повествователя более разносторонни: его кругозор охватывает детали, связанные не только с персонами, но и с бытом, с животными и природой. Во второй редакции восприятие Дениса меняется: природа выступает ресурсом, приносящим пользу, а человек выходит на главное место.

Помимо этого, на страницах дневника правке подверглась речь персонажа Василия Ивановича (Фу Тан-ли):

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Моя так думай, <i>не надо</i> , дедушка <i>стреляй</i> . Его мясо – старый, <i>мало-мало</i> воняй <i>есть</i> » (Чин-1931, 33).	«Моя так думай, <i>не надо</i> дедушка <i>стрелять</i> . Его мясо старый, <i>мала-мала</i> воняй» (Чин-1958, 114).
«Моя так думай, <i>тридцать два верста</i> <i>есть</i> » (Чин-1931, 34).	«Моя так думай, <i>тридцать две версты</i> <i>будет</i> » (Чин-1958, 114).
« <i>Конечно, моя ручайся голова-долой не можна. Тайга моя не мерила. Никто его не мерила. Потому прямой дорога нету, моста тоже нету. Ничего нету – только деревья и зверя одна</i> » (Чин-1931, 34-35).	« <i>Однако кто поручится? Тайгу я не мерил. Никто ее не мерил. Потому прямых дорог нету, мостов тоже нету. Ничего нету. Только деревьяев и звери одни</i> » (Чин-1958, 114).

Данный персонаж – это китаец-таежник, проводник русской партизанской команды. Он говорит на русском языке с акцентом, речь изобилует грамматическими ошибками. Тем не менее, следует заметить, что уровень русского языка Фу Тан-ли во второй редакции выше, чем в первой: были исправлены простые ошибки в употреблении форм глагола, в сочетании числительных с существительными, в согласовании сказуемого с подлежащим и т. д.

Главной причиной, обусловившей изменения, является восприятие читателем речи персонажа. В обеих редакциях она кажется комичной, ошибки Фу Тан-ли способны вызывать насмешку, в особенности у юного читателя. В 40-50-е гг. считалось, что смеяться над представителями других наций, особенно в случае языковых ошибок, нельзя; это рассматривалось сродни насмешке над физическими недостатками людей. Подобная реакция отчасти приравнивает аудиторию к американцам, нетерпимых к людям другой расы. Поэтому Рахтанов делает речь персонажа более литературной, более грамотной, в то же время, оставляя часть ошибок для сохранения правдоподобия. Вместе с тем, улучшения речи Фу Тан-ли во второй редакции в большей степени соответствует образу героя, который уже достаточно много времени провел в России, долго общается с русскими, и потому его речевые навыки должны быть развиты на более высоком уровне.

Однако правки в речи оказываются несистемными. Вероятно, автор ориентировался на собственные ощущения, оставляя нетронутыми те места, где смех над ошибками не будет обидным.

Последней правкой, обнаруживаемой в дневнике, является изменение датировки в одной из записей:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«20 июля. 3 часа ночи» (Чин-1931, 33).	«Двадцатое июля (в час ночи)» (Чин-1958, 114).

Группа партизан, в которой находится русский мальчик, постоянно перемещается с место на место, совершая длительные походы. Очевидно, на это требуется затрачивать немало сил. К тому же, из следующей заметки в дневнике, сделанной приблизительно через два дня, следует, что 20 июля группа готовилась к переходу через целину, и потому всем необходимо было выспаться. В связи с этим то, что Борис бодрствует в столь позднее время, выглядит нелогично и несколько неправдоподобно.

Вслед за этим, следует обратить внимание на изменения, внесенные в редакции 1958 г. в описание внешнего вида таких персонажей, как консул Белчер, Бонни (Банни) и матрос Джимми.

Встреча с американским консулом Белчером происходит перед самым началом кросса:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Он вышел из автомобиля и осторожно, чтобы не замочить <i>свои толстые ботинки</i> , подошел к мистеру Торпсу» (Чин-1931, 66).	«Он вышел из автомобиля и осторожно, чтобы не замочить <i>свои элегантные ботинки на толстых подошвах</i> , подошел к мистеру Торксу» (Чин-1958, 129).

Описание обуви консула является единственной портретной характеристикой данного персонажа в повести. В первой редакции выражение «толстые ботинки» само по себе создает ощущение чего-то массивного, грубого, и в малой степени сочетается с фигурой изящного, модного человека высокого положения. В свою очередь, использованный во второй редакции эпитет «элегантные» делает образ персонажа – человека, одетого не только богато, но и изысканно, со вкусом, усиливая правдоподобие. Вместе с тем, в редакции 1958 г., несмотря на то, что сам герой в повести представляется отрицательным, он все же приобретает относительно положительную характеристику. Такого рода изображение служит примером того, что отрицательный персонаж не обязательно должен быть обрисован во всем отталкивающе. В то же время, для юного советского читателя важным было не то, как человек одет, а то, как он ведет себя по отношению к окружающим. По этой причине, внешность консула несколько его не оправдывает.

Примерно тогда же, когда и с консулом, повествователь знакомится с матросом Джимми:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Рядом со мной шел высоченный матрос с <i>выбитыми</i> зубами и выстриженным наголо затылком. Круглая шапочка его съехала на бок» (Чин-1931, 65).	«Рядом со мной шел высоченный, <i>долговязый</i> матрос с <i>выбитыми передними</i> зубами и выстриженным наголо затылком. Круглая шапочка его <i>залихватски</i> съехала набок» (Чин-1958, 128).

Внесенные стилистические дополнения делают образ персонажа более зримым, уточняя ряд характерных для героя черт: слово «долговязый» уточняет телосложение матроса; «передние зубы» детализируют отдельные особенности его лица. В дополнение к этому, съехавшая «залихватски» шапочка помогает выразительно передать удалой характер героя, в целом проявляющийся в его поведении.

За счет проведенных переработок между впечатлениями, производимыми безупречной внешностью консула, и небрежным обликом матроса, возникает контраст, параллельный конфликту двух данных персонажей в сцене определения победителя забега.

Внешность главного антагониста во второй редакции подверглась сходной правке:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Бонни такой <i>худой</i> , <i>такой несильный</i> , бил меня» (Чин-1931, 25).	«Банни, такой <i>сухоробрый</i> , <i>на вид такой малосильный</i> , бил меня» (Чин-1958, 110).

Слово «сухоробрый» выступает стилистическим уточнением, поясняющим, в чем именно заключается худоба Банни. Вслед за этим, «на вид такой малосильный» служит для юного читателя примером того, как внешность человека бывает обманчива, позволяя, тем самым, обратить внимание на довод: не стоит судить человека лишь по его наружности.

Наконец, стоит упомянуть правку в сцене с подготовкой к кроссу:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Бонни освободили от занятий, и он тренировался <i>в школьном парке</i> » (Чин-1931, 62).	«Банни <i>с удовольствием</i> освободили от уроков: <i>ведь</i> он тренировался» (Чин-1958, 126).

В первой редакции Бонни сначала освобождают, и только после этого он начинает тренироваться. Это выглядит так, будто бы мальчик выполняет указание администрации школы. Во второй редакции Банни проявляет инициативу, и администрация, видя его старания и стремление победить, освобождает его, чтобы создать более благоприятные условия для подготовки. Несмотря на то, что суть происходящего не отличается, в редакции 1958 г. симпатии руководства школы к Банни выражены более явно.

3.5. Вывод

В результате проведенного анализа становится видно, что ряд изменений, которые с первого взгляда воспринимаются как чисто идеологические, на самом деле являются результатом творческого созревания писателя, усиление понимания им детской психологии и др.

Сравнение двух редакций позволят проследить творческое развитие писателя, произошедшее с ним в течение 27 лет. В 1931 г. Рахтанов еще неопытный, но увлеченный делом писатель. Он не задумывается о том, что нужно адаптировать текст для ребенка, отчего в некоторых фрагментах повести встречаются не очень удачные, малопонятные юному читателю, слова. В это время молодой автор смутно понимает, что из себя представляет детское сознание, но старается опираться на принцип развития кругозора читателя, принятому в детской литературе того времени, в особенности, в школе Маршака.

В 1958 г. Рахтанов становится зрелым писателем, который за годы работы немало общался как с самими детьми, так и с другими детскими

писателями, и оттого лучше осознает, что понятно и что нужно читателю. Поэтому в процессе работы над второй редакцией Рахтанов стал больше заботиться о бытовой достоверности, психологической и логической мотивированности событий. Вместе с тем, писатель продолжил следовать принципу развития кругозора юного читателя, сохранил умение использовать исторические материалы в основе произведений.

Такие характерные для писателя черты, как ирония и юмор, содержащиеся в обоих вариантах произведения, во второй редакции усиливаются. В повести возникает идеологически правильный образ главного героя, на который должны ориентироваться читатели. Однако его суждения часто звучат не по-взрослому, а по-детски, поэтому читатель, видя в герое себя со стороны, воспринимает его слова с иронией. Соединение иронии и серьезности приводит к тому, что образ героя становится более жизненным и убедительным, и не дает повести выглядеть примитивной пропагандой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была поставлена цель рассмотреть своеобразие детской прозы Рахтанова посредством описания его жизненного и творческого пути, а также анализа разночтений двух редакций первого детского произведения писателя.

В первой главе на основе архивных материалов, мемуаров самого писателя и воспоминаний его современников была составлена биография Рахтанова. Творческий путь писателя был разделен на четыре периода, для каждого из которых показаны разные литературные произведения. В то же время, несмотря на данное разнообразие, принципы формальной школы литературоведения и идеи ЛЕФа наложили свой отпечаток на всё творчество Рахтанова. Помимо этого, по проблемно-тематическому принципу был представлен обзор его художественных произведений для детей.

Во второй главе внимание было сосредоточено на анализе разночтений двух редакций повести «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней», в особенности, тех, что связаны с развитием сюжета. При этом были рассмотрены переработки имен и характеристик персонажей, влияющие на действие и конфликт произведения.

В третьей главе был продолжен текстологический анализ двух изданий первого детского произведения писателя. Рассмотренные разночтения, касающиеся детального описания, были разделены на четыре группы.

Проведенное текстологическое исследование показало, что при подготовке второй редакции своего раннего детского произведения Рахтанов провел существенную переработку материала. Более того, автор уделил значительное внимание деталям, что демонстрирует рост его литературного мастерства.

Найденные переработки можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести те изменения, влияние на которые оказали

политическая обстановка, бытовые реалии и т.п. Ко второй группе – изменения, связанные с творческим созреванием писателя: за время, прошедшее между изданиями двух редакций, Рахтанов, копив жизненный и литературный опыт, стал лучше понимать своего читателя.

Во второй редакции повести, с одной стороны, становятся заметными идеологические изменения, в результате чего главный конфликт повести усиливается. С другой стороны, автор уделяет больше внимания мотивированности событий и увлекательности происходящего, следствием чего является усложнение сюжета; более глубокими в произведении становятся изображение внутреннего мира главного героя и психологических портретов ряда второстепенных персонажей.

Данная работа служит лишь началом изучения творчества детского писателя Исая Рахтанова. Дальнейшее исследование может быть направлено на проработку таких проблем, как «особенности повествовательной манеры в повести И. Рахтанова «Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней»»¹²⁶, а затем и в других его произведениях; сравнительный анализ произведений Рахтанова и других писателей. Например, с повестью Н. Г. Смирнова «Джек Восьмеркин американец», в которой, как и в проанализированной в работе повести, показано соотнесение двух систем ценностей. Особенного внимания заслуживает сопоставление творчества Рахтанова и Л. Кассиля. Как было отмечено ранее, в их жизненном и творческом пути прослеживается немало общего. Сопоставлены могут быть, прежде всего, их сочинения о спорте, способы отражения автобиографических мотивов, а также – произведения на разные темы (например, «Коля и другой» и «Черемыш – брат героя»).

---

¹²⁶ Колесова Л. Н. Проза для детей, 1917–1987: семинарий. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. С. 115.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Рахтанов И. А.* Годы учения: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1958.
2. *Рахтанов И. А.* Коля и другой // Мурзилка. 1937. № 9. С. 10–11.
3. *Рахтанов И. А.* Амангельды Иманов: исторический рассказ: для младшего и среднего возраста. М., Л.: Детиздат, 1938.
4. *Рахтанов И. А.* Бичи // Пионер. 1957. №10. С. 57-59.
5. *Рахтанов И. А.* Денис Ощепков и Банни Сидней: повесть // Голубятня: сборник: для детей. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 227–257.
6. *Рахтанов И. А.* Доктор Руссель // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 39–43.
7. *Рахтанов И. А.* Кукисвумчерр: для детей старшего возраста. М.: Молодая гвардия, 1932.
8. *Рахтанов И. А.* Леонид — Маленький спартанец // Мурзилка. 1940. № 12. С. 6.
9. *Рахтанов И. А.* Максим Максимович Максименко // Мурзилка. 1937. № 8. С. 14–17.
10. *Рахтанов И. А.* Множество счастливых часов. // Пионер. 1965. № 2. С. 75.
11. *Рахтанов И. А.* На широтах времени. М.: Советский писатель, 1980.
12. *Рахтанов И. А.* Пестрая книга: для старшего возраста. М.: Детская литература, 1967.
13. *Рахтанов И. А.* Погонщики локомотива // Тридцать дней. 1934. № 3. С. 67–71.
14. *Рахтанов И. А.* Потомки Маклая: докум. повесть; спортивные рассказы: для среднего и старшего возраста. М.: Детская литература, 1977.

15. *Рахтанов И. А.* Потомки Маклая: повесть: для среднего и старшего возраста. М.; Л.: Детиздат, 1954.
16. *Рахтанов И. А.* Рассказ о чистой любви // Красная новь. 1933. № 8. С. 136–139.
17. *Рахтанов И. А.* Секреты Василия Алексеевича // Мурзилка. 1941. № 2. С. 8–9.
18. *Рахтанов И. А.* Случай с актёром // Мурзилка. 1943. № 10. С. 12–13.
19. *Рахтанов И. А.* Цыган // Пионер. 1967. № 7. С. 26–29.
20. *Рахтанов И. А.* Чин-чин-Чайнамен и Бонни Сидней: рассказы для детей среднего и старшего возраста. М.; Л.: Огиз; Молодая гвардия, 1931.
21. *Рахтанов И. А., Штеренберг О.* Подожди немного! // Знамя. 1938. № 5. С. 165–176.

Документальная литература

22. *Бондарин С. А.* Магнитка // *Бондарин С. А.* Парус плаваний и воспоминаний. М.: Советская Россия, 1971. С. 19–36.
23. Кузнецкстрой: (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск: Западно сибирское крвое издательство, 1934.
24. *Несмелов А.* Собрание сочинений в 2 т. Т. 2: Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.
25. *Пантелеев Л., Чуковская Л.* Пантелеев Л., Чуковская Л. К. Переписка, 1929-1987. М.: Новое лит. обозрение, 2011.
26. *Чуковский К. И., Чуковская Л. К.* Переписка: 1912–1969. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 153.

Критика и литературоведение

27. *Алексин А.* Яркость «Перстой книги» // Литературная газета. 1968. 23 окт. С. 5.

28. *В. Л.* «Амангельды Иманов» // Литературное обозрение. 1939. № 2. С. 44.
29. *Гуськов Н. А.* «Книжка про книжки» С. Я. Маршака // Детские чтения. 2012. № 2. С. 197–212.
30. *Данин Д.* Строго как попало // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 230–258.
31. *Долмат* Страна открытия: о книге И. Рахтанова «Кукисвумчерр», ОГИЗ, «Молодая гвардия», 1933 г. // Пионерская правда. 1933. 23 мар. № 28. С. 2.
32. *Жуткова Р.* Адрес точен // Физкультура и спорт. 1965. № 6. С. 38–39.
33. *Ильин С.* [Рец. на кн.: Рахтанов И.А. Кукисвумчерр. М.: Огиз–Мол. гвардия, 1932.] // Детская и юношеская литература. 1933. № 5. С. 32–33.
34. *Канторович В.* Заметки журналиста // Литературный современник. 1937. № 6. С. 238–253.
35. *Кассиль Л. А., Рахтанов И. А.* Товарищ пишет для детей // Литературный критик. 1934. № 1. С. 134–139.
36. *Колесова Л. Н.* Проза для детей, 1917–1987: семинарий. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999.
37. *Колесова Л. Н.* Проза для детей: XX век, вторая половина. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013.
38. Ленинградские писатели – детям: сборник лит.-крит. статей и публикаций / сост. Д. А. Левоневский. Л.: Детгиз, 1954.
39. *Лихачев Д. С.* Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006.
40. *Лунанова И. П.* Полвека: советская детская литература. 1917–1967: Очерки. М.: Дет. лит., 1969.
41. *Маршак С. Я.* О большой литературе для маленьких // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6.: В начале жизни (страницы воспоминаний). М.: Художественная литература, 1971. С. 195–243.

42. *Маяковский В. В., Третьяков С. М.* В отдел печати ЦК ВКП(б), январь 1927 г. // *Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 13.* М.: Художественная литература, 1961. С. 212.
43. *Милхайлов Р.* Два решения // *Звезда.* 1955. № 3. С. 166–168.
44. *Николаев В. Н.* Дорогами мечты и поиска: творческий путь Льва Кассиля. М.: Дет. лит., 1965.
45. *Новикова Ю.* Повесть, которая требует продолжения // *Пионер.* 1954. № 8. С. 71–72.
46. От истории текста к истории литературы / Отв. ред.: М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ, 2015.
47. Письмо детской секции ленинградского отдела ВССП // *Литературная газета.* 1929 г. 30 дек. № 37. С. 2.
48. *Полевой Б.* Советская литература для детей и юношества // *Второй всесоюзный съезд советских писателей 1954 г.: стенографический отчет.* М.: Советский писатель, 1956. С. 38–57.
49. *Прохоров Е. И.* Текстология: (принципы изд. классич. литературы): Учеб. пособие для филол. фак. и фак. журналистики гос. ун-тов. М.: Высшая школа, 1966.
50. *Разова В. Д.* Проблемы стиля детской литературы // *Проблемы детской литературы.* Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1976. С. 3–18.
51. *Рейсер С. А.* Основные текстологии. Л.: Просвещение, 1978.
52. *Савченко Г.* Денис Ощепков и другие сильные люди // *Семья и школа.* 1968. № 3. С. 44.
53. *Свет. Я. О «Государстве Солнца» и авторе этой книги* // *Смирнов Н. Г. Государство Солнца.* М.: Республика, 1992. С. 4–8.
54. *Сивоконь С.* [Рец. на кн.: Рахтанова И.А. Пестрая книга. М.: Дет. лит., 1967.] // *Новый мир.* 1968. № 1. С. 279–280.
55. *Сивоконь С.* Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова // *Детская литература.* 1967. М.: Детгиз, 1968. С. 201–215.

56. Сыны Урала: сборник / под ред. Генерал-майора М. Дребеднева. Свердловск: ОГИЗ. Свердловское Областное государственное издательство, 1943.
57. *Уральский М.* Кузнецкстрой: литературный миф как документ эпохи // Новый журнал. 2017. № 287. С. 277–291.
58. *Хелемский Я.* О «маленькой исторической библиотеке» // Пионерская правда. 1939. 16 янв. № 8. С. 3.
59. *Хелемский Я.* Одна судьба: публикация Г. Долматовской // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 68–94.
60. *Хеллман Б.* Сказка и быль: история русской детской литературы / авториз. пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
61. *Чуковская Л.* Говорящее дерево // Пионерская правда. 1954. 6 июля. № 54. С. 4.
62. *Чуковская Л.* О книгах забытых или незамеченных // Вопросы литературы. 1958. №. 2. С. 42–71.
63. *Шильдкрот З.* Книга о герое казахского народа // Книжные новости. 1938. № 11. С. 35.
64. *Шкловский В. Б.* О трудных победах, веселом труде и счастливых открытиях // Пионер. 1967. № 7. С. 29.
65. *Юкельсон И.* Повесть о юном исследователе // Учительская газета. 1954. 2 окт. № 79. С. 4.
66. 吴恒: 《“华人与狗”与“华人”与“狗” —— 以公共租界工部局档案为中心重新检视近代上海租借公园歧视华人的史实与传闻》, 《近代史学刊》2012年1期, 第106–124页。(У Хэн «Китайцы и собаки» или «китайцы» и «собаки» – Пересмотр исторических фактов и слухов о дискриминации китайцев в парке на территории сэттльмента в Шанхае на основе архивов Шанхайского муниципалитета // Журнал новой истории Китая. 2012. №. 1. С. 106–124).

Справочная литература

67. *Витман А. М., Оськина Л. Г.* Советские детские писатели: Биобиблиогр. словарь (1917–1957). М.: Детгиз, 1961.
68. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / под. ред. А. А. Суркова. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.
69. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1918–1931). М.: Молодая гвардия, 1933.
70. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1932–1939). М.; Л.: Детиздат, 1941.
71. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1946–1948). М.; Л.: Детиздат, 1950.
72. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1953–1954). М.: Детиздат, 1958.
73. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1955–1957). М.: Детиздат, 1959.
74. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1958–1960). М.: Детиздат, 1961.
75. *Старцев И. И.* Детская литература: Библиография (1964–1966). М.: Детская литература, 1970.
76. *Шиперович Б. Я.* Детская литература: Библиография (1967–1969). М.: Детская литература, 1973.
77. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. Т. 41. С.-Петербург: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904.

Электронный ресурс

78. Ford signs USSR deal: [сайт]. URL: <https://www.automotivehistory.org/single-post/2016/05/31/Ford-signs-USSR-deal> (Дата обращения: 17.05.2018).

Архивные документы

79. *Атаров Н. И. Рахтанов. Пестрая книга* // РГАЛИ Ф. 1234 (Издательство «Советский писатель»). Оп. 18 Ед. хр. 1002. Л. 1–5.
80. [Заявка на публикацию повести «Утренний человек». Издательский договор] // РГАЛИ Ф. 1234 (Издательства «Советский писатель»). Оп. 22. Ед. хр. 707. Л. 9–18.
81. [Карточка общего учета студента ВГКИ Рахтанова И. А.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 59 (Высшие курсы искусствоведения). Оп. 2. Ед. хр. 962. Л. 1–4.
82. [Письма Слонимскому М. Л.] // ЦГАЛИ СПб Ф. 414 (М. Л. Слонимский). Оп. 2. Ед. хр. 577. Л. 1–2.
83. [Письма Чуковской Л. К.] // РГАЛИ Ф. 3390 (Л. К. Чуковская). Оп. 1. Ед. хр. 651. Л. 1–2.
84. [Письмо Славину Л. И.] // РГАЛИ Ф. 2811 (Л. И. Славин). Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 1–2.
85. [Письмо Чуковской Л. К. от 12 мая 1931 г.] // РГАЛИ Ф. 3390 (Л. К. Чуковская). Оп. 1. Ед. хр. 651. Л. 1–2.
86. *Рахтанов И. А. Последний подпоручик* // РГАЛИ Ф. 2852 (О. Брик). Оп. 1. Ед. хр. 470. Л. 1–7.
87. *Соловьев Б. И. Рахтанов. «Пестрая книга»* // РГАЛИ Ф. 1234 (Издательство «Советский писатель»). Оп. 18 Ед. хр. 1002. Л. 6–7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№.	С.	Первая редакция (1931 г.)	Вторая редакция (1958 г.)	С.	С- к
1	5	В городе Владивостоке, где я родился, за время гражданской войны произошло восемнадцать переворотов.	В родном моем городе за годы гражданской войны произошло не один и не два переворота.	92	1-2
3	5	Мне было четырнадцать лет, когда отец отослал меня в американскую школу-пансион в Корею.	После слова «переворота» эти строчки выпущены.		
4	5	Это случилось в то время, когда белые, кажется в пятнадцатый раз, захватили Владивосток.	После слов «в американскую школу-пансион в Корею» эти строчки выпущены.		
5	5	Мой отец – известный на Дальнем ученый геолог и большевик отправился в своё четвертое путешествие по тайге Уссурийского края, то есть бежал из Владивостока.	Отцу тогда не раз приходилось партизанить в тайге или скрываться в подполье. Особенно запомнился мне его последний уход. С окрестных сопок была японская артиллерия, приходилось снова спешно покидать город, где его хорошо знали как большевика и очень известного на Дальнем Востоке геолога.	92	2-8
6	5	Проехать в Москву было нельзя, потому что железные дороги были захвачены белогвардейцами. В Чите образовалась так называемая «семеновская пробка».	Ему, верно, больше всего хотелось отправить меня в Москву, где жила бабушка. Но проехать к ней "в Россию", как говорят у нас на Дальнем Востоке, было невозможно, потому что железную дорогу перерезали белогвардейцы, и в Чите образовалась так называемая «семеновская пробка».	93	19- 24
7	5	Вот почему я очутился в Чемулипо, в Корее. Мне было тогда четырнадцать лет и два месяца. С детства я умел хорошо говорить по-английски, по-французски и немного по-китайски.	После слов «семеновская пробка» эти строчки выпущены.		

8	5-6	и я мог распознать по засекам на деревьях, кто прошел: промышленный китаец или кореец соболевщик, но не сумел бы решить задачи на уравнение с одним неизвестным.	После слов «семеновская пробка» эти строчки выпущены.		
9	6	Школа, «куда я попал», была не совсем обыкновенная.	Тут в городе есть подходящая для тебя школа. С помощью авторитета фирмы, я надеюсь, удастся тебя туда устроить.	96	9-11
10	6	Называлась она в переводе с английского так: «Чемульпоуская подготовляющая к университету академия».	Называется она, ты только подумай, салажонок, Циндаоская, подготовляющая к университету, академия.	96	11-12
11	6	Он окружен искусственно насаженным сосновым лесом.	Его окружают искусственно насажденные леса.	96	43
12	6	Город принадлежал японцам, и улицы назывались очень смешно – главная улица, например, называлась так: Майцура-Маччи, улица доброй (почтенной) погоды.	Сажали их немцы, строившие тут свою крепость и военно-морскую базу. Здесь же был и главный город их колонии в Китае Киао-Чао; отсюда они вели обширную торговлю с Востоком, получая при этом немалую выгоду. А потом пришел другой хищник – японцы. Все ценное они вывезли к себе домой в Японию. Брали и большое и малое, говорят, что обменяли даже сильный немецкий фонарь в маяке на слабенький, а сильный установили где-то у себя. Потом появились американцы. Разные фирмы, вроде "Братьев Скавельских с сыновьями", и другие стали предлагать свои товары, и оказалось, что ботинки нужно почему-то носить непременно на каучуковой подметке, иметь стетсоновскую шляпу, смотреть ковбойские фильмы, выписывать вечерние платья из Нью-Йорка, произносить звук «р» с раскатом, заворачивая кончик языка и прижимая его к небу. Все	97	1-18

			американское стало в моде. Открылась Циндаоская, подготовляющая к университету, академия.		
13	6	Мне дали комнату с балконом, но на шестом этаже.	Меня поместили на шестом этаже.	97	29
14			После слов «на шестом этаже» вставлены строчки: Не знаю, Иваном ли Терентьевичем или фирмой «Братья Скавельские с сыновьями», но за все было заплачено...	97	29-31
15	6-7	В первый же день ко мне пришли мальчики, одетые в коричневые краги и защитного цвета костюмы с погончиками на рукавах. На погончиках были пришиты буквы: Ch. U. P. A. – «Чемульпоуская подготовляющая к университету академия»	В первый же день ко мне пришли мальчики. На них были коричневые краги и защитного цвета костюмы с нашивками на рукавах ЦПУА – Циндаоская, подготовляющая к университету, академия. Буквы эти были укреплены на нашивках	98	3-7
16	7	– Вы – китаец? – спросил Бонни Сидней. – Вы – китаец? – спросили другие.	– Вы китаец? – спросил Банни Сидней. – Вы китаец? – спросили другие.	98	10-11
17	8	Бонни был лучший боксер в школе.	Банни был лучший боксер не только в четвертом классе, но и в школе.	98	24-25
18	8	Он ездил даже на весенние состязания в Токио и взял там какой-то приз.	Он даже ездил на весенние состязания в Шанхай и взял там какой-то приз.	98	24-25
19	8	– Вы – китайский сэр, – сказали другие.	– Вы, китайский сэр, – сказали другие.	98	27
20	8	– Мы будем называть его, мальчики, Чни-Чин-Чайнамен.	– Мы будем его называть, мальчики, Чни-Чин-Чайнамен.	98	32
21	10	– О, как вы спали эту ночь на вашем школьном матрасе, вы, Чни-Чин-Чайнамен?	– О, как вы спали первую ночь на вашем школьном матрасе, вы, Чни-Чин-Чайнамен?	99	25
22	10	Капитан Конверверт, который действительно был капитаном, только пароход его затонул где-то в виду Иокогамского рейда, очень высокий, застегивавший пиджак по тогдашней американской моде на	Капитан Конверворт, который действительно был капитаном, только пароход его затонул где-то вблизи Иокогамского рейда, очень высокий, застегивавший пиджак по тогдашней американской моде на верхнюю пуговицу,	99	26-31

		последнюю пуговицу, командовал нам.	командовал нам.		
23	10	— это чайная ложка крови. Ешьте, мальчики, шпинат, и вы будете полнокровны.	— это чайная ложка крови... Ешьте, мальчики шпинат, и вы будете полнокровны.	100	11-12
24	10-11	— Гнедиге фрау, — отвечал Бонни, — битте, найн зелень, зелень кайн. Бонни научился нескольким словам на двух разных, но понятных бывшей сестре милосердия языках. Он говорил по-русски и по-немецки. Сын хозяина большого гаража, Бонни с младенчества был деловым человеком и во всем искал выгоду. Молоко, например, он пил только по предварительному соглашению. — Время — деньги. Заплатите мне двадцать пять центов, — говорил он матери, — я буду пить ваше молоко. — Битте, найн залень, залень кайн, — сказал Бонни. — Зелень найн, кайн залень, — повторили другие.	После слова «полнокровны» эти абзацы выпущены.		
25	11	— Будьте полнокровны, — шепнула она по-русски. Вы — новичок.	— Ешьте на здоровье, новичок, — шепнула она по-русски.	100	15-16
26	11	Я очень любила русских. Они всегда называли меня Амалия Карловна, — прибавила Амалия Штильке и ушла.	Я очень любила русских. Они всегда называли меня Эльфрида Карловна в честь моего дорогого отца, — прибавила мисс Эльфрида и, улыбнувшись, ушла.	100	16-19
27	12	Она сегодня их одаривала, чтобы завтра и вовсе забыть.	Она сегодня их одаривала, чтобы завтра забыть.	100	21
28	12	Не пропустите свой шанс! Чни-Чин-Чайнамен! Приведите сюда, мальчики, вашу старую мать и вашу молодую невесту. Веселее. Мальчики! Чни-Чин-Чайнамен! Занимательное зрелище!	Не пропустите свой шанс! Вот Чни-Чин-Чайнамен! Приведите сюда посмотреть на него вашу старую мать, мальчики, и вашу молодую невесту. Веселее. Мальчики. Чни-Чин-Чайнамен, мальчики! Занимательное зрелище!	100	25-28
29	12	Его нельзя было есть. Оно не влезало в карман.	Есть его было нельзя. В карман оно не лезло.	100	33-34

30	12	Он так плотно стоял на толстых ступнях, что свалить его было невозможно.	Он так плотно держался на толстых ступнях, что свалить его было невозможно.	100	37
31	13	Мы — Бонни и я — пошли к мистеру Парксу, нашему учителю бокса.	Мы — Банни и я — отправились к мистеру Парксу, нашему учителю бокса.	101	11
32	14	урок спеллинга. (в сноске: По-английски пишут не то, что произносят. В самое короткое слово, например, вставляют пять или шесть лишних букв. Англичане сами смеются над этим. «Если написано Камбридж, — говорят они, — то знайте наверняка, что прочесть нужно будет Оксфорд». А в школе зазубривают по буквам правильное правописание. Эта зубрежка и называется «спеллингом». Спеллинг вошел в жизнь англичан и американцев — люди, разговаривающих и пишущих по-английски. Знакомясь, эти люди нередко спрашивают друг у друга: "How do you spell your name?" то есть: "Как вы пишете, скажите, пожалуйста, по буквам ваше имя?")	урок спеллинга. (в сноске: По-английски пишут не то, что произносят. В школах заучивают буква за буквой правильное правописание каждого слова. Эти уроки называются «спеллингом»).	101	
33	14	Это был предмет мистера О'Бдуда, который вбежал в класс, вспрыгнул на кафедру и начал урок, как всегда, так:	Это был предмет мистера О'Бдуда, который вбежал в класс, вспрыгнул на кафедру и начал:	101	29-31
34	14	Нет, сэр, нет у вас никакой идеи, — вежливо ответил я, — вы не можете написать это слово, вы забыли.	Нет, сэр, нет у вас никакой идеи, — так совсем невежливо ответил я, — вы хвастун, сэр, хвастун, потому что вы не можете написать это слово, вы забыли.	102	2-5
35	14	Но, сэр, но сэр, — сказал я как можно важливее, хотя мне давно уже хотелось вызвать себя на бокс, — но, сэр, я спрошу об этом мальчиков.	Но, сэр, но сэр, — сказал я своему другому я, хотя мне давно уже хотелось вызвать его на бокс, — "но, сэр, я спрошу об этом сегодня у мальчиков четвертого класса".	102	5-8
36	15	Вот, мальчики, не поможете ли мне, старому мудрецу,	Так вот, мальчики, не поможете ли мне, старому	102	8-

		уже начавшему забывать спеллинг, такие простые слова, как слово спеллинг?	мудрецу, уже начавшему забывать спеллинг таких простых слов, как слово «спеллинг».		10
37	16	Вдоль белых стен комнаты, куда мы пришли, были подвешены к потолку боксерские мячи разных систем. На металлическом бруске висело несколько набитых крупным песком и опилками, смешанными с зернистой солью, мешков. Это и был тренировочный зал.	Мы вошли в тренировочный зал. Стены и потолок его были выкрашены в белый цвет. Сверху, во всю длину потолка, спускались боксерские тренировочные снаряды разных систем. На металлическом бруске висело несколько мешков, набитых крупным морским песком и опилками, смешанными с зернистой солью.	104	7-12
38	16	Должен состоять и темных трусиков,	Должен состоять и темных трусов,	104	15
39	17	Вам следует нападать на его желудок и бока.	Вам следует нападать на его живот и бока.	104	30
40	17	— Да, сэр, — сказал я.	— Да, сэр, — тихо сказал я.	104	36
41	17	Вот отчего надо быть готовым ко всему.	Вот отчего всегда надо быть готовым ко всему.	104	38
42	18	Я, например, больше всего люблю давать солар-плакссепанч в живот.	Я, например, больше всего люблю давать солар-плакссепанч, это удар в живот, точнее в солнечное сплетение.	105	2-3
43	18	Занятия кончились. Это был обеденный перерыв.	Занятия кончились, начался обеденный перерыв.	105	10
44	18	— О, comment est votre appetit, Чни-Чин-Чайнамен? — спросил меня Бонни.	— О, comment est votre appetit, Чни-Чин-Чайнамен? — спросил меня Бонни в столовой.	105	20
45	18	Он был белого цвета, простой, но скучный.	Он был белого цвета, простой и скучный.	105	24
46	18	— Чни-Чин-Чайнамен, мальчики, — сказал Бонни, — наверное, не знает французского языка.	— Чни-Чин-Чайнамен, мальчики, наверное, не знает французского языка, — сказал Бонни.	105	26
47	19	Если это вам так приятно, вы, Чни-Чин-Чайнамен, мальчики, я закрою вам вашу коробку.	Если это вам так приятно, Чни-Чин-Чайнамен, мальчики, я закрою вам вашу коробку.	105	32
48	19	Бонни больше не заговаривал со мной.	Бонни больше не затрагивал и не задирает меня.	105	37
49	19	Он на беду был еще и самый маленький мальчик в нашем классе.	Как на беду, он был еще и самый маленький мальчик в нашем классе.	105	41-42
50	19	— Вы должны побить Бонни, сэр.	— Вы должны побить Бонни, сэр.	106	57

		— Конечно, я постараюсь, — ответил я. — Нет, это непременно нужно. — Почему? — Вы должны побить Бонни, — ответил Фор. — Почему?	— Конечно, я постараюсь, — ответил я. — Если только смогу. — Нет, это непременно нужно. — Почему?		
51	19	— Разумеется, я постараюсь, — сказал я.	— Постараюсь, — сказал я.	106	17
52	20	— Я буду вашим секундантом, только вы побейте его, пожалуйста.	— Я буду вашим секундантом, только вы побейте его, пожалуйста, мастер Денис Отшепкофф.	106	23
53	20	Все это время я тренировался в комнате мистера Паркса.	Вот почему в оставшееся время я тренировался в комнате мистера Паркса.	106	35
54	20	Допеллн-болл — мяч, подвешенный к потолку на резине толщиной с палец, в мизинец мистера Паркса, и прикрепленный таким же образом к полу.	Допеллн-болл — мяч, прикрепленный к потолку и полу резиной толщиной с палец, в мизинец мистера Паркса.	106	28-40
55	20	Однако я ударял или слишком сильно, и тогда пенчинг-болл отлетал в сторону. Или слишком слабо, и тогда он только покачивался.	Однако я ударял по этому снаряду или слишком сильно — и тогда он отлетал в сторону, или слишком слабо — и тогда мяч едва покачивался.	107	2-4
56	21	— Мальчик, — сказал он мне на второй день тренировки.	— Мальчик, — сказал мне мистер Паркс на второй день тренировки.	107	6
57	21	— Это так, — сказал мистер Паркс.	— Это так, — сказал Паркс.	107	14
58	21	— Есть удар, мальчик, — сказал мистер Паркс, — есть удар!	— Есть удар, — сказал мистер Паркс, — есть удар!	107	27
59			После предложения «Налетайте, как тигр, мальчик!» вставлено предложение: Бейте куда хотите...	107	28
60	21	— Вы сможете послать вашего противника на пол, — сказал мистер Паркс. — У вас есть удар.	— Вы сможете послать вашего противника на пол, — совершенно спокойно сказал мистер Паркс.	107	33
61	22	Вы, русские, всегда бьете ладонью, а это запрещено.	Вы, русские, умеете бить, всегда бьете сильно, но ладонью, а это запрещено.	107	35
62	22	В современном боксе самое важное — ловкость и	В современном боксе самое важное — кулак, ловкость и	107	36

		быстрота.	быстрота.		
63	22	— Да, сэр, — сказал я.	— Да, сэр, — сказал я, хотя опять не понял, какое отношение эти боксеры имеют к нашим занятиям.	108	1-2
64	22	— Разумеется, — сказал мистер Паркс. Человек признается лежащим, когда он стоит на одной ноге или на обеих, но когда какая-нибудь другая часть тела касается пола. Понятно, мальчик? — Да, сэр, — сказал я.	После слов»— Да, сэр, — сказал я» эти строки выпущены.		
65	22	Начиная со второго ряда по старшинству сидели мальчики — старшие впереди, младшие позади.	Начиная со третьего ряда по старшинству сидели мальчики — старшие впереди, младшие — позади.	108	29-31
66	22	Таким образом, четвертый класс сидел посередине.	Таким образом, четвертый класс сидел посередине.	108	32
67	22	Капитан Конверверт, который был наставником нашего класса, захлопал, но ни один человек не поддержал его.	Капитан Конверворт, который был наставником нашего класса, захлопал было в ладоши, но ни один человек не поддержал его.	108	35-37
68	23	За ним еще более важный шел его секундант Айзэк Эзра.	За ним, еще более высокомерный, двигался его секундант Монти Колтикотт,	108	42-43
69	23	Айзэк Эзра — сын торговца опиумом, в честь которого названа целая улица в Шанхае — был секундантом Бонни.	сын торговца опиумом, владельца целой улицы доходных домов в Шанхае, содержателя множества смрадных притонов и тайных опиекурилен.	109	1-3
70	23	они были со спинками и, кажется, поэтому такие неустойчивые, их стали поднимать.	После слов «несколько скамеек упало» это предложение выпущено.		
71	23	Какой-то мальчик от восторга ударил концом скамейки об пол.	Какой-то мальчик от восторга стал колотить концом скамейки об пол.	109	6
72	24	— Чемпион нашей академии Бонни Сидней на ринге — сказал он. — Чемпион нашей академии, — повторили другие.	— Чемпион четвертого класса Банни Сидней на ринге — сказал он. — Чемпион четвертого класса, — повторили другие.	109	9-11
73	24	Фор — мой секундант — забинтовал мне кисти рук, чтобы не было растяжения, помог надеть перчатки. Они стали еще меньше на	Фор, мой секундант, забинтовал мне кисти рук, чтобы не было растяжения сухожилий, помог надеть перчатки. Они стали еще уже	109	12-15

		толстом бинте и теперь сильно сжимали руки.	на толстом бинте и теперь сильно давили руки.		
74	24	Мальчики были за Бонни, потому что знали его с первого класса.	Мальчики были за Банни, потому что он был одним из них.	109	16-17
75	24	моего же отца трудно было разыскать в тайге.	Моего отца трудно было разыскать в тайге, да и вряд ли бы он показался ученикам этой академии очень приятным.	109	19-21
76	24	Бонни был очень худой — широкими и толстыми были только кисти и ступни.	Бонни был очень худой и костлявый, широкими и толстыми были только его кисти и ступни.	109	23-25
77	24	«Сейчас мы будем драться» — подумал я,	«Сейчас, сейчас мы будем драться» — подумал я,	109	26
78	24	Мы пожали друг другу руки, что в перчатках вышло очень смешно.	Мы пожали друг другу руки в больших кожаных перчатках, это вышло очень смешно.	109	29-30
79	24	Я подошел к своему стулу, около которого стоял Фор.	Я подошел к своему стулу, около которого стоял мой секундант.	109	32-33
80	24	— Пожалуйста, побейте Бонни, Чин, — сказал мне Фор.	— Пожалуйста, побейте Банни, Денис, — сказал мне Фор.	109	34
81	25	Я сел и увидел Бонни.	Я сел и посмотрел на Банни.	109	38
82	25	Он был очень худ.	Он был очень худ, я видел это.	109	40
83	25	Мы стали друг против друга.	Мы встали друг против друга.	109	43
84	25	Бонни неожиданно обернулся и четыре удара: в бок, в губу, снова в бок и снова в губу покачнули меня и разбили мне нижнюю губу.	Неожиданно он обернулся и так же неожиданно четыре удара в бок, в губу, и снова в бок, и снова в губу обрушились на меня. На ногах я устоял, но губа была разбита.	110	10-13
85	26	Вероятно, сторож кореец поднял на ринг ведра с холодной водой,	Кто-то поднял на ринг ведра с холодной водой,	110	29
86	26	— Побейте его, — сказал он, обмахивая меня полотенцем.	— Побейте его, пожалуйста, — сказал он, обмахивая меня полотенцем.	110	32
87	26	Когда начался второй раунд,	В начале второго раунда	110	34
88	26	Удары у Бонни были легкие и не чувствительные. Он был очень несильный мальчик.	Удары Банни легкие и не чувствительные, он совсем не сильный.	110	36-37
89	27	только умел танцевать по присыпанному канифолью полу ринга.	только умел танцевать по настилу ринга, присыпанному толченой канифолью.	111	4-5

90	27	Я оттеснил его к веревкам.	До гонга я оттеснил его к веревкам.	111	12
91	27	И я бил его за все, не думая, куда попадут мои удары, в глаз, скулу или спину.	И я бил его за все, не думая, куда попадут мои тумаки, в глаз, в скулу или в спину.	111	14-15
92	27-28	это и был знаменитый солар-плакセス-пенч мистера Паркса.	это и был знаменитый соллар-плексис панч мистера Паркса.	111	19
93	28	– Позор! – сказал мистер Паркс.	– Позор! – заученным голосом сказал мисетр Паркс.	111	26
94	30	И поезжайте вы в Китай к своей амме есть пельмени и пить чай без сливок,	И поезжайте вы к своей аме есть пельмени с пампушками и пить чай без сливок,	112	23-24
95	30	и он по-прежнему продолжал висеть на той же стене, на которой висел американский флаг.	и он по-прежнему продолжал висеть в той же комнате, где висел американский флаг.	112	28-29
96	30	Фор зашел ко мне сделать массаж.	Вечером, чтобы снова сделать массаж, зашел ко мне Фор.	112	30
97	31	Восемь. Девять. Аут... Девять. Аут...	Восемь. Девять... аут... аут...	112	38
98	31	У меня была разбита губа, и я не мог идти гулять.	Из-за разбитой губы я не мог идти гулять.	112	40
99	31	Это было мое первое воскресенье в школе.	После слова «гулять» это предложение опущено.		
100	31	После гимнастики мальчики ушли к родителям, ушел и Бонни Сидней.	После гимнастики большинство ушло к родителям, ушел и Банни Сидней.	113	2-9
101	31	– Чин, – сказал мне вечером Фор, – Чин, завтра понедельник. Завтра будет пижамная ночь у Айзэка Эзра.	Я хочу сказать вам, Денис Ощепков, что завтра будет пижамная ночь у Монти Колтикотта.	113	14-15
102	31	Бонни будет там рассказывать. Это сказал мне Вильям Пирчч.	Банни там рассказывает.	113	16
103	31	А вы побейте Бонни.	Побейте его, пожалуйста.	113	17
104	31	Мой отец теперь в Нью-Йорке. Он присылает мне оттуда «Национальный собственный журнал мальчиков». Вы побейте Бонни. Я вам дам последний номер "Собственного журнала". В нашей академии только я и Бонни получаем этот журнал.	Строчки о журнале размещены после эпизода с дневником: Вошел Фор. В руках он держал какой-то журнал. – Денис Ощепков, я принес вам этот журнал. В академии только Банни и я получаем "Национальный собственный журнал мальчиков". Здесь очень интересные картинки.	116	15-19
105	31	– Хорошо, Фор, я побью его,	– Хорошо, Фор, я побью его,	113	18

		— ответил я. — Принесите мне "Собственный журнал мальчиков".	— сказал я.		
106			После предложения " — Хорошо, Фор, я побью его, — сказал я" вставлены строки: «Пижамными ночами» называлось в академии время после вечернего гонга, когда учителя засыпали, а ученики, собравшись в одних пижамах у какого-нибудь мальчика, объявлявшегося президентом этой ночи, рассказывали интересные истории. Банни считался лучшим рассказчиком.	113	19-24
107	32	Фор ушел за журналом, а я поднялся в свою комнату,	Фор ушел, и я поднялся в свою комнату,	113	25
108	32	Я достал из чемодана тетрадку со своими записками,	Я достал из чемодана прошлогоднюю тетрадку со своими записками,	113	28
109	32	17 июля.	Семнадцатого июля.	113	33
110	33	Он — прекрасный следопыт. По следу узнает, какой зверь прошел, какого пола был зверь, какого возраста.	Он прекрасный следопыт. По следу распознает, кто пришел: самка или самец, старый зверь или молодой.	113	35-37
111	33	Василий Иванович по следу может заполнить полную анкету о звере.	Василий Иванович по следу может заполнить полную анкету зверя.	113	38
112	34	— вот краткий перечень встречающихся здесь пород.	— вот какие здесь встречаются породы деревьев.	114	29
113	35	Вода в речушке была холодная	Вода была холодная	114	41
114	35	— моя так думай, — начал Василий Иванович фразу по-русски, но кончил он уже по-китайски.	— Моя так думай, — начал своей привычной фразой Василий Иванович, но вдруг разразился отборнейшим китайскими ругательствами.	115	13-15
115			После фразы «разразился отборнейшим китайскими ругательствами» вставлены строки: Видимо, что-то сильно рассердило нашего славного проводника. Во всяком случае прежде он никогда так не ругался!	115	15-16
116	35	— моя так думай, — сказал Василий Иванович по-русски, — гнус.	Сказав все это, Василий Иванович так же внезапно успокоился, как раньше	115	22-25

			рассердился, и пояснил по-русски: — Гнус это! Я его не люблю!		
117	36	чем больше ее расчесывать, тем зуд становится сильнее.	чем больше ее расчесывать, тем зуд сильнее.	115	28
118	36	24. (Ветер)	Двадцать четвертое (вечер)	115	31
119	36	Эти мельчайшие насекомые, почти микробы по величине, очень кусаются.	Эти мельчайшие насекомые, совсем микробы по величине, отчаянно кусаются.	115	33
120	36	Отец разделся, лег на кан и тоже записывает.	Отец разделся, лег и тоже записывает.	115	39
121	36	Мы не показываем друг другу дневники — каждый ведет сам за себя.	Мы не показываем друг другу дневники — каждый ведет их сам за себя, чтобы потом по приезде сличить.	115-116	40-1
122	36	Отец хочет написать книгу и описать наш путь,	Отец задумал книгу. Он хочет описать наш путь.	116	1-2
123	37	— Василий Иванович, — спросил я, — далеко или не далеко до села Новокиевского?	— Василий Иванович, — спросил я, — далеко еще до села Ново-киевского?	116	6-7
124			После фразы «не мерила» вставлены строки: Мы шли и шли к селу Ново-Киевскому, а нам оставалось все те же тридцать две версты!	116	9-10
125	37	В комнату постучали.	Вдруг в комнату постучали. Я закрыл тетрадь с записками.	116	13-14
126	37	Это вошел Фор с журналом в руках.	Вошел Фор. В руках он держал какой-то журнал.	116	15
127	37	В России еще шла гражданская война и о книге отца рано было думать,	В России еще шла гражданская война. Мой родной город был у белых, отец сражался с ними в тайге, и о его книге рано было думать.	116	21-22
128	37	а назавтра, в понедельник, я должен был рассказывать на пижамной ночи.	А завтра, в понедельник, я должен был рассказывать на «пижамной ночи».	116	23-24
129	37	— Я побью Бонни, Фор, — сказал я. — Разумеется, — ответил Фор.	— Я побью Банни, Фор, — сказал я. — Конечно, — не задумываясь, будто он давно это решил, ответил Фор.	116	26-27
130	38	и поучительная история о миллионере Джоне Джероме, изобретателе медных футляров для часов, из города Плимута в штате	и поучительная история о Шанси Джероме — знаменитом гангстере из Чикаго.	116	34-35

		Коннектикут.			
131	39	Я ожидал вечера и тотчас же после ужина ушел спать.	Я дожидался вечера и тотчас же после ужина ушел спать.	116	38-39
132	39	Мы разделись, надели новые пижамы и потушили свет.	Мы разделись, надели пижамы и погасили свет.	116	40
133	39	Комнату осветила луна. Было полнолуние.	Комнату осветила полная луна.	116	41
134	39	к нам постучал Вильям Пирчч — постоянный устроитель пижамных ночей, которые начинались с третьего класса.	к нам постучал Вильям Пирч, постоянный устроитель "пижамных ночей", участвовать в которых разрешалось мальчикам начиная с третьего класса.	117	2-5
135	39	— Мальчики, вставайте, — прошептал он, — вставайте, мальчики.	— Парни, вставайте, — прошептал он, — вставайте, парни.	117	6-7
136	40	Бонни жил напротив, и я встретился с ним.	Банни жил в комнате напротив моей, и я встретился с ним.	117	18
137	40	— О, как заживает ваша нижняя губа, мой мальчик? — спросил он.	— О, как заживает ваша нижняя губа, мой мальчик? — издеваясь, спросил он.	117	20
138	40	Вильям Пирчч был в пижаме светло-малинового цвета. На спине у него был пришит кусок зеленой материи с надписью: «Чемульпоуская подготовляющая к университету академия. Пижамный вечер четвертого класса».	Вильям Пирч был в собственной, непохожей на школьные, полосатой пижаме светло-малинового цвета. На спине у него красовался треугольный кусок зеленой материи с надписью: «Циндаоская, подготовляющая к университету, академия. Пижамная ночь четвертого класса». Он чем-то походил на вратаря во время игры в футбол.	117	25-31
139	42	— Разумеется, — ответил Вильям Пирчч.	— Безусловно, — ответил Вильям Пирч.	117	34
140			После «ответил Вильям Пирчч» вставлены строки: Но говорить вам придется по-английски, и я не уверен, что вы окажетесь в состоянии построить складный рассказ. Однако пробивайтесь вперед!	117	34-37
141	42	откуда хорошо был виден школьный парк.	откуда хорошо виден был школьный парк.	117	39
142	42	Нас собралось человек тридцать, и поэтому мы сели прямо на ковер, поджав озябшие ноги по-буддийски.	Нас собралось человек тридцать, и поэтому сели мы прямо на ковер, как обычно сидит Будда, поджав под себя	117	40-42

			озябшие ноги.		
143	42	Айзэк закрыл дверь на ключ и сел неподалеку от свечи.	Монти закрыл дверь на ключ и сел неподалеку от черепа.	118	1-2
144	42	это на набережной проехал автомобиль.	это по набережной проехал автомобиль.	118	2
145	42	я в счет не иду — я свой для всех, я объединяю всех, меня так и зовут "В единении".	я в счет не иду, я стараюсь только, чтобы каждый ловчее пробивался вперед. Меня так и зовут "Пробивайтесь вперед!"	118	6-8
146	42	На сегодняшней ночи будут рассказывать	Сегодня ночью будут рассказывать	118	6-8
147	42	Кто победит сегодня? Не знаю, парни четвертого класса.	После фразы "Разве Джонс не побил Уонса" это предложение выпущено.		
148	42	Президентом сегодняшней ночи является Айзек Эзра,	Президентом сегодняшней ночи объявляется Монти Колтикотт,	118	14
149	43	— Бонни Сидней, — сказал Айзек Эзра, — чемпион академии Бонни Сидней, студент четвертого класса, ваша очередь.	— Банни Сидней, — сказал Монти Колтикотт, — чемпион четвертого класса Банни Сидней, ваша очередь.	118	20- 21
150	43	сел, поднял свои толстые ступни, сложил ноги по-буддийски,	сел, поднял свои толстые ступни, подложил под себя ноги,	118	24
151	43	— Очень хорошо, —сказал Фор и посмотрел на меня.	— Очень хорошо, —сказал Фор, пристально посмотрев на меня.	118	31- 32
152	58	а на мое место в кожаное кресло сел Вильям Пирчч — редактор школьного журнала "В единении".	а на мое место, в кожаное кресло, снова пересел Вильям Пирчч — редактор школьного журнала "Пробивайтесь вперед!"	122	35- 36
153	58	Чемпиона академии Бонни Сидней, рассказавшего вам про мистера Шанси У. Фильда из Плимута в штате Коннектикут, и новичка Бориса Ощепкова, рассказавшего про то, как он спас своего отца.	Чемпиона академии Банни Сидней, рассказавшего вам про мистера Шанси У. Фильда — гангстера из Чикаго, и новичка Дениса Ощепкова, рассказавшего про то, как сын спас своего отца.	122	38- 42
154	58	И я спрашиваю вас,	Я спрашиваю у вас,	122	42
155	59	— Парни четвертого класса, — сказал Вильям Пирчч, — вы здесь все свои, кроме меня, но я свой для всех, я объединяю всех, меня так и зовут "В единении".	— Парни четвертого класса, — сказал Вильям Пирчч, — вы здесь все свои, кроме меня, но я в счет не иду. Я зову вас пробиваться вперед!	123	8-9
156	59	Я должен предупредить вас,	Я должен предупредить вас,	123	17-

		сэр, что, давая свидетельские показания, вы должны говорить только правду.	сэр, что вы, как в суде, должны говорить правду и только правду.		19
157	59	— Вы должны говорить только правду, вы, японская туфля, — сказал Айзек Эзра. — Вы должны говорить только правду, вы, японская туфля, — сказали одни. — Вы должны говорить, — сказали другие.	— Вы должны говорить правду и только правду, вы, филиппинский ананас, — сказал Монти Колтикотт. — Вы должны говорить, — сказали другие.	123	21- 23
158	60	Шанси У. Фильд назывался мистером Шанси Джеромом, собака Панки-Биддльс называлась Пинки-Буддльс, а дядя Джордж фермер назывался дядей Питером.	Шанси У. Фильд назывался мистером Шанси Джеромом, собака Панки-Биддльс — Пинки-Буддльс, а дядя Джордж дядей Питером.	123	26- 28
159	60	Вот футляр моих медных часов. Он сработан на фабрике мистера Шанси Джерома в Плимуте в штате Коннектикут. Вот.	После предложения «а дядя Джордж дядей Питером» эти предложения опущены.		
160	60	Принесите журнал, вы, японская туфля, — сказал он Форю.	Принесите журнал, вы, филиппинская туфля, — обратился он к Форю.	123	31- 32
161	60	«Биография мистера Шанси Джерома — фабриканта медных футляров для часов в Плимуте в штате Коннектикут очень интересна для мальчиков» — начал читать Фор.	«Биография мистера Шанси Джерома» — начал читать Фор.	123	39- 40
162	61	— Мы, — ответил Фор, — только я и он, получаем "собственный журнал мальчиков".	— Мы, — ответил Фор, — только я и он во всей академии получаем "собственный журнал мальчиков".	124	13- 14
163	61	Мой отец в Нью-Йорке выписал мне его, и до окончания академии я буду получать свой «Национальный собственный журнал мальчиков».	Я до года окончания этой академии буду получать свой «Национальный собственный журнал мальчиков». Так мне выписал его мой отец, американский шкипер.	124	15- 17
164	61- 62	Через неделю в «День, данный в благодарность», в первый раз в нашей академии будет кросс-коунтри. Вы побейте Бонни.	Через неделю в первый раз в академии будет кросс-коунтри. Прошу вас, побейте Банни.	125	29- 30
165	62	— Хорошо, Фор, я побью его.	— Хорошо, Фор, постараюсь. Спокойной ночи.	125	31

166	62	Мы построились и два раза промаршировали по коридору, потом подкомандой Вильяма Пирчча поднялись на шестой этаж и разошлись по комнатам.	Мы построились и два раза промаршировали по коридору, потом поднялись на шестой этаж и разошлись по своим спальням.	125	13-15
167	62	На другой день был вторник.	После предложения «разошлись по комнатам» это предложение выпущено.		
168	62	С утра шел дождь, и на гимнастику мы пришли в дождевиках.	На гимнастику мы пришли в дождевиках.	126	26
169	62	а тайга это и есть пересеченная местность.	а тайга — это и есть сильно пересеченная местность.	126	30
170	62	После завтрака ко мне подошел наш наставник класса — капитан Конверверт.	После завтрака меня подозвал наш наставник класса капитан Конверверт.	126	32
171	62	— Молодой человек, — сказал он, — мне говорил Фор Бинз, что именно вы хотите состязаться в кросс-коунтри.	Вот почему я, исполняя приказание нашего директора, хочу спросить у вас, молодой человек, правда ли то, что говорил мне Фор Бинз, что именно вы собираетесь состязаться в кросс-коунтри?	126-127	43-3
172	62-63	вы должны тренироваться, а не отвечать «да, сэр», как на уроке, потому что через неделю, молодой человек, в нашей академии будут гости — военный флот штатов и старый Белчер — консул штатов в Чемульпо,	вы должны тренироваться, а не отвечать «да, сэр», как на уроке, потому что через неделю, молодой человек, в нашей академии будут гости, представители военного флота штатов и старый Белчер — консул штатов в Циндао,	127	8-12
173	63	Я путешествовал по тайге Уссурийского края, там водятся тигры, и я привык к кросс-коунтри с детства.	Я бывал в тайге Уссурийского края, там водятся тигры, и я привык к кроссам с детства.	127	21-22
174	63	Я встал рядом с Бонни и побежал в ногу с ним.	Я стал рядом с Банни и побежал в ногу с ним.	127	30
175	63	Так мы тренировались всю неделю до следующего понедельника.	Мы тренировались всю неделю до следующего понедельника.	127	33
176	64	чтобы выбрать и обозначить — красными слева и белыми справа — флажками наш маршрут.	чтобы выбрать и обозначить маршрут флажками: красными — слева и белыми — справа.	127-128	41-1
177	64	— Вы должны побить Банни, Чин, — сказал он мне.	— Вы должны побить Банни, Денис Ощепков, — сказал он мне.	128	6

178	64	— Местность гориста, —сказал Фор, — есть небольшая река, много леса, узкие тропинки.	— Местность гориста, —сказал Фор, — небольшая река, густой лес, узкие тропинки.	128	9-10
179	64	Айзек Эзра тоже будет там.	Монти Колтикотт тоже там будет.	128	11
180	64	В десять часов приехал "военный флот Соединенных штатов".	В десять часов к нам приехали представители военного флота Соединенных Штатов.	128	12-13
181	65	и начал есть кашу «Геркулес».	и принялся есть овсяную кашу.	128	31-32
182	66	Я расстегнул краги, скинул бриджи, бросил куртку, фуфайку,	Я снял краги, скинул бриджи, куртку, фуфайку,	128	36-37
183	66	— Пора, — сказал я и пошел вниз.	— Пора, — сказал я себе и пошел вниз.	129	1
184	66	Я побежал вниз к воротам, где мальчики уже построились и начали делать показательную гимнастику.	Я побежал вниз к воротам, где парни уже выстроились и начали делать показательную гимнастику.	129	6-7
185	66	Консул Белчер, мистер Торпс и все учителя стояли на балконе.	Консул Белчер, флотские офицеры, мистер Торкс и все учителя стояли на балконе.	129	10
186	66	Капитан Конверверт проводил меня и Бонни на балкон, где сидели консул Белчер, мистер Торпс, учителя, офицеры и доктор канонерки "Штат Огайо".	Капитан Конверверт проводил меня и Банни на балкон, где, как я уже сказал, были консул Белчер, мистер Торкс, учителя, офицеры и доктор канонерки "Штат Огайо".	129	17-19
187	67	Капитан Конверверт подвел Бонни к консулу и сказал: — Вот тут чемпион нашей академии, мистер Белчер. Он взял приз на состязаниях этого года в Токио. Он весит семьдесят семь фунтов.	Капитан Конверверт подвел Бонни к консулу и представил: — Вот тут чемпион четвертого класса по боксу, мистер Белчер. Он взял приз на состязаниях этого года в Шанхае. Он весит девяносто семь фунтов...	129	21-24
188	67	Он весит семьдесят восемь фунтов, но он не чемпион, и я не советую ему бежать сегодня.	Он весит девяносто восемь фунтов, но он не чемпион, и я не советую ему бежать сегодня, сэр.	129	36-38
189	67	Прежде чем правильно произнести его, нужно три раза чихнуть, Борис Ощепков.	Прежде чем правильно произнести его, надо три раза чихнуть, Денис Ощепков.	130	4-5
190	68	Подождите момент, матрос Тресси Триндл, — ответил я, — мой мальчик весит на фунт больше.	Подождите один момент, матрос Тресси Триндл, — ответил я, — мой мальчик весит на фунт больше.	130	7-9

191	69	— О! Э! А! — сказал я Триндлу, — его отец путешественник, и мой мальчик кое-что смыслит в зарослях.	О! Э! А! — сказал я этому Триндлу. — Он назвал меня «сэром», его отец таежный житель, мальчик кое-что смыслит в зарослях.	130	10-13
192	69	У меня под пятками лежали губки.	У меня под пятками лежала мягкая травка, она приятно пружинила и облегчала бег.	130	18-19
193	69	Бонни губок не подложил	Банни, конечно, не знал этого секрета старых таежников.	130	19-20
194	69	Кросс-коунтри в нашей академии устраивался в первый раз.	Кросс-коунтри там устраивался впервые.	130	23
195	69	Капитан Конверверт сказал: — Все ли вы готовы?	Капитан Конверворт сказал: — Все ли готовы?	130	27
196	70	Вот она, пересеченная местность — вот она, корейская тайга.	Вот она, пересеченная местность — вот она, такая знакомая мне тайга.	131	6
197	71	Из сторожки вышел корейский монах.	Из сторожки вышел буддийский монах.	133	20-21
198	72	Река была не широкая, но флажки некоторое время еще шли вдоль берега.	Река была не широкая. Флажки еще некоторое время шли вдоль берега.	133	30-31
199	72	Я вступил в воду и перебежал реку в брод.	Я ступил в воду и перебежал реку вброд.	133	34
200	72	Этот берег был каменист, почва его состояла из высоких и низких пемзовых скал — они были совершенно лишены растительности.	Этот берег был каменист, почва его состояла из высоких и низких скал, сложенных, как говорят геологи, пемзой. Скалы были совершенно лишены растительности.	133	35-38
201	74	Мне показалось, что будто высоких пемзовых скал и не было вовсе.	Мне показалось, что высоких пемзовых скал и не было вовсе.	134	30-31
202	74	Шершавая пемза превратилась в гладкий паркет.	Шершавая пемза словно превратилась в паркет.	134	33
203	75-76	Финиш был у ворот школы.	Финиш был там же, где и старт, — у ворот академии.	135	6-7
204	76	Я прибежал первым, проделав по петле две английских мили, и грудью разорвал тонкую шерстяную нитку, которая является линией финиша.	Я прибежал первым, проделав по петле две английских мили, и грудью разорвал гарусную нитку, которая здесь означала границу финиша.	135	7-9
205	76	Бонни не было.	После фразы «которая является линией финиша» это предложение выпущено.		

206	76	— У вас превосходный стиль, мальчик, — сказал мне мистер Торпс, наш директор.	— Вы неплохо бегаєте, мальчик, — сказал мне мистер Торкс, наш директор.	135	23-24
207	76	— О, поезжайте вы в Китай, вы, Чни-Чин-Чайнамен! — сказал он мне.	— О, поезжайте вы к своей аме, вы, Чни-Чин-Чайнамен! — сказал он мне.	135	42-43
208	77	Отец русского — путешественник — и мальчик кое-что понимает в зарослях.	Отец другого — таежный житель, это сказал мне один студент четвертого класса, у которого такой маленький рост и такой тоненький нежный голосок, что он еще не имел времени, чтобы научиться врать. Сэр. Я думаю, что если у другого отец таежный житель, то и сам мастер школьник с чихательным именем кое-что смыслит в зарослях.	136	10-16
209	77	Я тут бился об заклад с матросом по имени Тресси Триндл,	Я тут бился об заклад с матросом Тресси Триндлом на пять долларов,	136	17
210	77	Доктор осмотрит чемпиона Бонни Сиднея. Он покажет вам, матрос, что такое настоящий американец и как им надо быть.	Доктор осмотрит чемпиона Банни Сиднея, он покажет вам, матрос, что такое настоящий американец и каким им надо быть, если вас на палубе еще недостаточно обучили этому.	136	22
211	77	— Разумеется, разумеется, — произнес доктор, — я покажу.	— Конечно, конечно, — скороговоркой проговорил доктор, — я покажу, я покажу.	136	23-24
212	78	и внимательно стал слушать Бонни живот, сердце и легкие.	и внимательно стал слушать у Банни живот, сердце и легкие.	136	36
213	78	— На что жалуетесь, мальчик? — ласково спросил он. — На ногу, сэр, — ответил Бонни.	— На что жалуетесь, мальчик? — ласково спросил он. — На ногу, сэр, на ногу, — ответил Бонни.	136	39